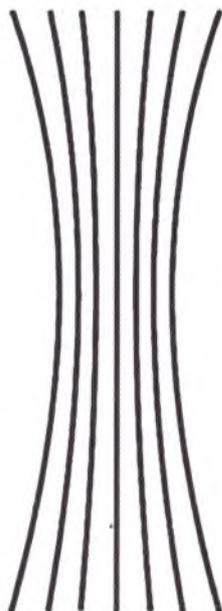

Б. А. БАЙТАНАЕВ, Ю. А. ЁЛГИН

Культовая
архитектура

ҒЫЛЫМИ ҚАЗЫНА

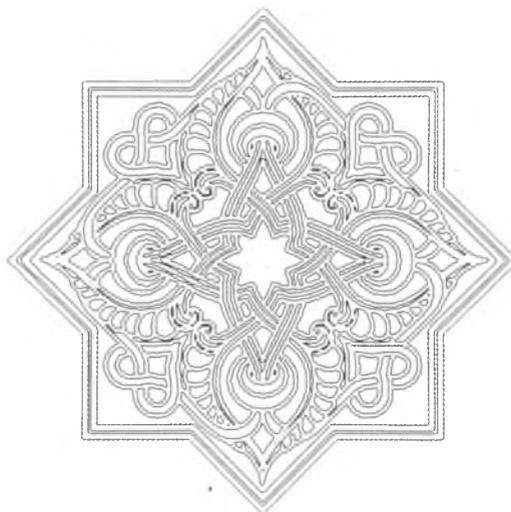
Издание осуществляется в рамках межотраслевой программы Комитета науки
Министерства образования и науки Республики Казахстан
«Ғылыми Қазына»

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
КОМИТЕТ НАУКИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ им. А.Х. МАРГУЛАНА
ЮЖНО-КАЗАХСТАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. М.О. АУЕЗОВА

Б.А. БАЙТАНАЕВ, Ю.А. ЁЛГИН

КУЛЬТОВАЯ АРХИТЕКТУРА ЮЖНОГО КАЗАХСТАНА

**Архитектурно-археологические исследования
памятников позднего ислама**

АЛМАТЫ – 2013

УДК 9 02/904 (574)

ББК 63,4 (5Каз)

Б 18

Байтанаев Б.А., Ёлгин Ю.А. **Культовая архитектура Южного Казахстана: Архитектурно-археологические исследования памятников позднего ислама.** – Алматы, 2013. – 302 с.

ISBN 978-601-7312-22-0

Книга представляет собой краткий научно-популярный очерк культовой архитектуры ислама периода развитого и позднего средневековья. Затрагивается проблема отношения современной археологической науки к архитектурному наследию позднего периода. Рассказу о наиболее значительных сооружениях и культовых комплексах ислама, сохранившихся на территории Южно-Казахстанской области, предшествует историографический экскурс. Материал подаётся в ретроспективном плане, где основной акцент ставится на визуальных источниках (художественных изображениях и фотографиях второй половины 1860 – начала 1980-х гг.), характеризующих этапы изучения культовой архитектуры Южного Казахстана. Приводится ряд интересных фактов, связанных с историей отдельных памятников и их изучением.

Издание иллюстрировано чёрно-белыми фотографиями из дореволюционных изданий и фондов Южно-Казахстанского областного историко-краеведческого музея, а также принадлежащих авторам.

Книга адресована историкам и археологам, этнологам и историкам архитектуры, религиоведам и культурологам, преподавателям и студентам гуманитарных ВУЗов, а также всем, кто интересуется историей архитектуры Казахстана.

Ответственный редактор – Байпаков К.М., академик НАН РК

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор Сулейманов Р.Х.,
кандидат исторических наук Смагулов Е.А.

Перевод на английский Мерекеева А.

Редактор англ. текста Маликова И.

Рекомендовано к печати Учёным советом Института археологии
им. А.Х. Маргулана КН МОН РК

ISBN 978-601-7312-22-0

Репродуцирование (воспроизведение) любым
способом без договора с издательством запрещается.

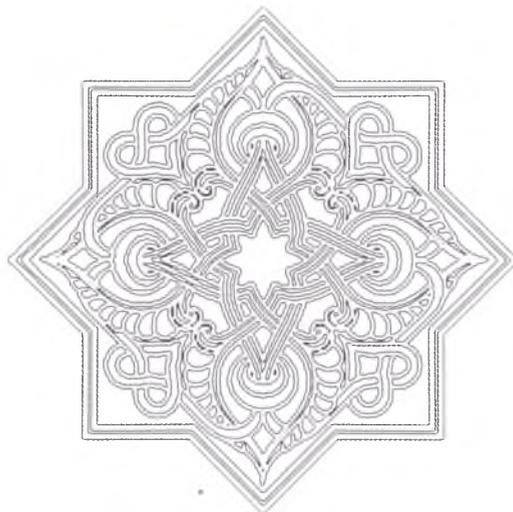
© Байтанаев Б.А., Ёлгин Ю.А.
© Институт археологии им. Маргулана

MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE OF
THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN
SCIENCE COMMITTEE
ARCHEOLOGICAL INSTITUTE n.a. A.KH. MARGULAN
SOUTH KAZAKHSTAN STATE UNIVERSITY n.a. M.A. AUEZOV

B.A. BAITANAYEV, YU.A. YOLGIN

CHURCH ARCHITECTURE OF SOUTH KAZAKHSTAN

•
**Architectural and archeological investigations
of monuments of late Islam**

ALMATY – 2013

УДК 9 02/904 (574)

ББК 63,4 (5Каз)

Б 18

Baitanayev B.A., Yolgin YU.A. **Church architecture of South Kazakhstan: Architectural and archeological investigations of monuments of late Islam.** – Almaty, 2013. – 302 p.

ISBN 978-601-7312-22-0

The book presents a brief popular science essay on the cult (church) architecture of Islam of well-developed and late Middle Ages. The authors have touched upon the problem of relation of the current archeological science to the architectural heritage of late period. A historiographical excursion precedes to the story about the most significant constructions and cult (church) complexes of Islam which extent on the territory of South Kazakhstan. The material is given in retrospective plan, where emphasis is laid on visual sources (artworks and photos of the second half of 1860 – beginning of 1980's) characterizing investigation stages of the cult (church) architecture of South Kazakhstan. A number of interesting facts related to the history of separate monuments and their study is described here.

The publication is illustrated by black-and-white photos from pre-revolutionary publications and funds of South Kazakhstan historical regional museum, and photos which belong to the authors.

This book is dedicated to historians and archeologists, ethnologists and historians of architecture, theologians and culture experts, faculty members and students of humanitarian HEIs, and those who interested in the history of architecture of Kazakhstan.

Associate Editor - Baipakov K.M., academician of NAS RK

Reviewers:

doctor of historical science, professor Suleimanov R. Kh.,
candidate of historical science Smagulov E.A.

Translation into English Merekeyeva A.

Editor of english text Malikova I.

Рекомендовано к печати Учёным советом Института археологии
им. А.Х. Маргулана КН МОН РК

ISBN 978-601-7312-22-0

Any reproduction of this book is prohibited without
agreement with publishers.

© Байтанаев Б.А. , Ёлгин Ю.А.
© Институт археологии им. Маргулана

ВВЕДЕНИЕ

Богатое историческое прошлое Южного Казахстана, находившегося на стыке кочевой и оседлой цивилизаций, располагавшего развитой городской культурой, бывшего ареной исторических и политических коллизий в периоды смут и войн, процветавшего в мирное время, нашло отражение в многочисленных памятниках истории и культуры. Особое место среди них как по количеству сохранившихся объектов, так и по их научному, историческому и художественному значению принадлежит памятникам градостроительства и архитектуры.

Зодчество на юге Казахстана прошло длительный и сложный путь развития – от простейших стоечно-балочных сооружений в древности до грандиозных монументальных зданий эпохи средневековья, каким является мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави в г. Туркестане, и крупных культовых комплексов, таких, как Баба-Ата в Сузакском районе, Исмаил-Ата и Исхак-Ата в с. Турбат Казыгуртского района, ансамбль мечети-медресе Аппак-Ишан в с. Шаян Байдибекского района.

Архитектурное наследие области многообразно по типам сооружений, их назначению и архитектурно-художественному решению. Здесь можно было бы назвать множество промышленных, гражданских, административных зданий, объектов социально-бытового назначения... Но гражданское зодчество области, сколько бы оно ни было обширно и интересно, превосходят по своему историческому, архитектурно-художественному и духовному уровню памятники культовой архитектуры, сохранившиеся, невзирая на все исторические и политические перипетии, во многих уголках Южного Казахстана. Это закономерно: в древности и средние века религиозное сознание пронизывало многие сферы жизни общества, в том числе и важнейшую из них – строительное искусство. В те далёкие

времена в некоторых городах и местностях храмы и мемориальные сооружения были едва ли не единственными монументальными зданиями, тщательно оберегаемыми современниками и почитаемыми потомками. Юг Казахстана в этом отношении не является исключением – половина всех сохранившихся архитектурных объектов есть культовые сооружения.

Научное и общественное значение памятников культовой архитектуры велико, ибо почти каждый из них несёт в себе целый комплекс проблем – исторических, социальных, экономических, идеологических, религиозных и, что особенно важно, печать художественных исканий народных зодчих. Именно поэтому интерес к памятникам культовой архитектуры никогда не падал, а в связи с переменами в Казахстане в последние два десятилетия, когда виден стремительный рост национального самосознания, когда пересматривается соотношение «личность – общество – религия – государство», когда люди вновь обращаются к историческим истокам, этот интерес становится ещё более актуальным.

Надо признать: то, что сохранилось, – это тонкий слой из мощного пласта культового зодчества, веками нараставшего на юге Казахстана. Что-то погибло в разрушительных войнах и нашествиях, что-то стёрло неумолимое время. Но наибольший урон культовому зодчеству нанесла советская власть, подвергшая тотальному уничтожению в 1920 – 1930-х гг. всё, связанное с религией, будь то христианство или ислам. Большинство уцелевших памятников датируются XIX – началом XX вв. Однако и они могут дать представление о развитии культового зодчества в Южном Казахстане на протяжении более чем тысячелетия. Картину дополняют археологические данные. Косвенным подтверждением подъёма строительного искусства в прошлом в городах могут служить крупницы свидетельств, встречающиеся в арабской географической литературе и персоязычных исторических хрониках. Понять развитие культовой архитектуры помогает несомненная историческая преемственность между памятниками позднего времени и более ранних эпох, обусловленная традиционностью самой архитектурной формы. Целые столетия зодчие оперировали набором знакомых нам форм, таких как куб, полусфера, сфероконус, конус и др., на основе их комбинаций создавая запоминающиеся архитектурные образы.

Исламизация Южного Казахстана, начавшаяся в VIII – IX вв., а в IX – начале XIII вв. уже давшая, как свидетельствуют археологические раскопки, памятники зрелой городской мусульманской культуры,¹ принесла в край новые виды зданий – различные типы мечетей, минареты, медресе, ханаки и др. Но архитектурные

1 Байпаков К.М. Средневековые города Казахстана на Великом Шёлковом пути. – Алматы: Ғылым, 1998. – С.36 – 37.

формы, в которых строились эти сооружения, существовали и раньше, их можно встретить в светских дворцах, банях, караван-сараях и т.п. Они были определены, прежде всего, самим материалом – сырцовым и обожжённым кирпичом, и лишь позднее были осмыслены и освящены исламом.² Совершенствование кирпичной конструкции в регионе, бедном строительным камнем и лесом, было насущной проблемой. Решение её дало мощный импульс развитию архитектуры IX – начала XX вв. Неслучайно расцвет в архитектуре Средней Азии и Южного Казахстана обусловлен повсеместным распространением обожжённого кирпича в X – XII вв.³ Это время вхождения юга Казахстана в феодальные государства саманидов и караханидов и бурного роста городов, находившихся на трассах Великого Шелкового пути. Это также способствовало развитию градостроительства и архитектуры. В последующие эпохи юг Казахстана находится в орбите интересов владельцев Мавераннахра и кочевой степи, побывав в составе империи Тимура, владений тимуридов, шейбанидов, что не могло пройти бесследно для архитектуры, которая сохраняя многие самобытные черты, испытала влияние архитектурных школ Мавераннахра.

В массе культовых зданий особо выделяются мемориальные сооружения – мавзолеи. Развитие культа святых в исламе, наложенное на искони древнее почитание духов предков, особенно сильное среди казахов, было благодатной почвой для развития этого вида зодчества.

Мавзолеи Южно-Казахстанской области можно разделить на несколько групп по святым, которым они посвящены, и тому, какое место они занимают в религиозных верованиях населения. Это, прежде всего, мавзолеи святых, имеющих отношение к раннему исламу на юге Казахстана, сооружённые над могилами первых миссионеров, утверждавших ислам в крае. Это мавзолеи-мечети Баба-Ата в Сузакском районе и Арыстан-Баб под Оттаром, сайрамские мавзолеи Абдель-Азиз-Баб, Мир-Али-Баб, Падшах-Малик и др. Много в области мавзолеев святых, имеющих отношение к суфийской традиции в исламе. Это, конечно же, мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави, мавзолей Кара-Бура (Бура-Хана), сподвижника основателя караханидской династии Карахана, в Сузакском районе, мавзолей Имам-Маркоз (Маргузи) в с. Шабанак Туркестанского района и др. Мавзолеи этих святых возводились, как правило, в виде портално-купольных сооружений, традиционных для Средней Азии, где были более сильны институты ислама. В более своеобразных, архаических формах строились мавзолеи

2 Засыпкин Б.Н. Изучение древних сооружений Средней Азии. // Новый Восток. – 1925. – №10 – 11. – С.260.

3 Прибыткова А.М. Строительная культура Средней Азии в IX – XII вв. – М: Стройиздат, 1973. – С.80 – 89 и след.

местночтимых святых – покровителей отдельных местностей, профессиональных занятий (особенно скотоводства), имеющих связь с культурами природы, как, например мавзолеи Кошкар-Ата в Шымкенте (не сохранился) и с. Турбат. Особо выделяются мавзолеи родоначальников казахских племён Байдыбек-Ата и Домалак-Ана. Есть мавзолеи, построенные над захоронениями реальных исторических деятелей (Рабии Султан-бегим, Есим-хана, Хаджи-Мукана и др.).

Из всего обширнейшего и многообразного историко-культурного наследия Южно-Казахстанской области мы выделили эту категорию памятников неслучайно. Архитектура ислама позднего средневековья на юге Казахстана почти не затронута археологическими и историко-архитектурными исследованиями и по достоинству не оценена. Она хранит в себе традиции зодчества предшествующих эпох и в то же время является продуктом строительного искусства своего времени. Многие из сооружений этого периода обладают несомненными архитектурно-художественными достоинствами. Сам характер данной категории памятников определяет хронологические рамки предлагаемого читателю издания – приблизительно XII век, как время упрочения ислама в Южном Казахстане и распространения суфийских учений, и предреволюционные годы, когда строительство монументальных зданий было почти прекращено. Географически он ограничен пределами Южно-Казахстанской области. Обусловлено это тем, что работая в 1983 – 1993-х гг. в отделе охраны памятников истории и культуры Чимкентского областного музея,⁴ авторы имели возможность непосредственно изучать эти памятники, занимались вопросами их выявления, исследования сохранности и реставрации.

Для обзора культовой архитектуры мы избрали ретроспективный приём, чтобы максимально приблизить читателя к «первоисточникам», ко времени и условиям, породившим эти памятники. Памятники описаны по состоянию на начало 1990-х годов, так как в последующие годы наступил качественно иной период в истории культового зодчества. Многие сооружения вернули себе первоначальные функции. Мечети стали действующими, мавзолеи превратились в объекты вполне легального, по сравнению с советским временем, паломничества. Но возвращение к первоначальному назначению обернулось и существенными потерями. Последующие ремонты и перестройки, ничего не имеющие общего с научной реставрацией, попросту разрушали веками выработывавшуюся, логически выверенную архитектуру кирпичной конструкции и связанную с ней систему декора. 1990 – 2000-е годы стали серьёзным испытанием для ар-

4 С 1992 г. Южно-Казахстанский областной историко-краеведческий музей (ЮКОМ).

хитектурной традиции. Быстро сложился новый пласт современной культовой архитектуры с её новыми материалами, сложными конструкциями и модернизированными формами. Это вполне закономерное явление. Но плохо то, что она вторглась отчасти в архитектурное наследие, «преображая» на новый манер памятники XVIII – начала XX вв. Это ещё одна из серьёзных причин для показа памятников культовой архитектуры в ретроспективном ключе.

Чтобы реализовать такой подход к материалу, мы предприняли довольно обстоятельный историографический экскурс. Касаясь истории изучения культовой архитектуры Средней Азии и юга Казахстана, мы в первую очередь делали упор на визуальный материал. Он, во-первых, по-настоящему документален, во-вторых, более понятен широкому кругу читателей, чем описания архитектурных сооружений в тексте. Главным в содержании и иллюстрировании нашей книги мы полагали изобразительные источники – произведения живописи и графики, иллюстрации в дореволюционных книгах по истории, этнографии и культуре Средней Азии и Казахстана и в периодических изданиях XIX – начала XX вв., почти не известных массовому читателю. Особое внимание уделялось фотодокументам, фиксирующим облик памятников архитектуры, начиная со второй половины 1860-х годов. «Туркестанский альбом» занимает здесь главенствующее место как важнейший исторический, этнографический, археологический и историко-архитектурный источник, открывший эру научной фотографии в Туркестанском крае и давший путь другим фотоальбомам, фотографическим почтовым открыткам и другим изоизданиям, запечатлевшим памятники архитектуры.

В круг изобразительных источников по культовой архитектуре мы также включили не очень многочисленные фотографии из фондов ЮКОМ, большая часть из которых не зарегистрирована и до сих пор не обработана. В основном это любительские снимки 1920 – 1970-х гг. весьма низкого качества, изображающие некоторые памятники архитектуры. Отправной точкой для данного издания стало собрание чёрно-белых фотографий, сделанных в 1981 г. и составивших отдельный альбом по памятникам архитектуры, часть из которых только однажды экспонировалась на выставке в ЮКОМ. В совокупности эти снимки представляют собой очень важный иконографический материал, фиксирующий облик памятников, ещё не утративший связи с временем, их породившим. Его мы взяли за основу нашего научно-популярного издания. Попутно мы включили несколько старых фотографий рядовой жилой застройки, чтобы показать ту среду, в которой находились архитектурные сооружения, подчёркивая мас-

штабность немногих монументальных зданий. При этом мы ставили акцент на научном содержании сохранившихся памятников архитектуры и их визуализации изобразительными средствами, в особенности фотографии, имея в виду прежде всего читателя, обладающего определённым историческим кругозором, ориентируя его на более глубокое восприятие культовой архитектуры, нежели то, которое господствует в современных СМИ и Интернете. Мы будем считать свою цель достигнутой, если данная книга послужит для дальнейшего серьёзного самостоятельного изучения архитектурного наследия.

В последние годы выходит немало изданий, посвящённых памятникам архитектуры. Но почти все они весьма далеки от реального, научного понимания не только архитектуры ислама, обладающей своей спецификой, но и от архитектуры как вида искусства и исторического источника. Мы хотим представить качественно иное издание, где одной из главных задач является преодоление «туристического» видения, присущего бессчётным буклетам, путеводителям, альбомам и даже некоторым научно-популярным книгам по истории архитектуры ислама.

Как правило, элемент экзотизации мусульманского зодчества был одним из непременных условий издателей, требовавших от авторов «побольше легенд» и занимательных историй, связанных с памятниками мусульманского культа. Для нас же главным было их историко-художественное содержание. Но совсем проигнорировать указанный аспект в истории отдельных сооружений мы также сочли нецелесообразным. Легенды и предания – такая же важная составляющая комплекса сведений о памятнике, несущая свой блок информации, иногда играющей роль косвенного источника, а иногда и приобретающей существенное значение в истории создания и бытования отдельных сооружений. Их мы частично приводим во второй части книги, стараясь по возможности опираться всё же на письменные свидетельства.

Все иллюстрации в нашей книге – это чёрно-белые графические изображения и фотографии прошлых лет. Отказываясь от современной цифровой фотографии, мы сознательно ориентировались не на репрезентативные гляцевые издания, большей частью предназначенные для всеядных туристов. Во главу угла был поставлен исследовательский момент и принцип историзма. Отсюда структура книги и характер изложения материала, а также полиграфическое оформление издания, заложенные нами в серии книг по археологии, истории и памятникам архитектуры.

INTRODUCTION

Rich historical past of South Kazakhstan which was the result of joint nomadic and settled civilizations with advanced city culture was a former arena of historical and political collisions during the periods of seditions and wars, which flourished in a peace time, and has found reflection in numerous monuments of its history and culture. The special place among them, both for the quantity of extant objects, and for their scientific, historical and art value belong to the monuments of city-planning and architecture.

The architecture in the south of Kazakhstan has passed a long and complex way of development – from the elementary rack-and-girder constructions in antiquity up to the grandiose monumental buildings in the Middle Ages, such as mausoleum of Khoja Akhmed Yasawi in Turkestan, and large cult complexes such as Baba-Ata in Suzak region, Ismail-Ata and Iskhak-Ata in Turbat village of Kazygurt region, ensemble of mosque-medrese Appak-Ishan in Shayan village of Baidybek region.

The architectural heritage of this area is diverse by type of constructions, their assignment and architectural design. Here, it would be possible to mention many industrial, civil, and office buildings, objects of social assignment, but the civil architecture of this area is surpassed by its historical, architectural design and spiritual level, in spite of all historical and political peripetias in many parts of South Kazakhstan. It is natural: in ancient times and in the Middle Ages the religious consciousness penetrated into many spheres of social life, including architecture. In distant times, temples and memorial constructions were the unique monumental buildings in some cities and districts and were carefully preserved by contemporaries and esteemed by descendants. The south of Kazakhstan is not an exception - the part of all extant monuments is religious structures.

The scientific and social meaning of cult architecture monuments is great, because almost each of them carries the whole complex of historical, social, economical, ideological, religious problems, and, that is especially important. For this reason the interest to the monuments of cult architecture is never lost, and in connection with the changes in Kazakhstan in the last two decades when quick growth of national consciousness is seen, when the parity “person – society – religion – state” is reconsidering, when people approach to the historical sources, this interest becomes even more actual.

It is necessary to accept that what was preserved is a thin layer from a powerful block of cult architecture built during centuries in the south of Kazakhstan. Something was lost during destructive wars and invasions; something was destroyed by relentless time. But the most losses and damages in cult architecture happened due to the Soviet authority in 1920th – 1930th that subjected everything connected with religion to total destruction, whether it was Christianity or Islam. The majority of remained monuments dated by 19th – the beginning of 20th centuries. However, they can give representation of the development of cult architecture in South Kazakhstan over a period of more than millenniums. The picture is supplemented by archeological data. Some evidences met in Arabic geographical literature and Persian historical chronicles can serve as indirect confirmation of the rise of architecture in the past. Undoubted historical continuity between monuments of late time and earlier epoch, conditioned to the traditional character of most architectural forms, helps to understand the development of cult architecture. The architects operated with a set of forms familiar to us, such as a cube, hemisphere, sphero-cone, cone, etc. and created architectural images on the basis of their combinations.

Islamisation of South Kazakhstan begun in the 8th – 9th centuries, and in the 9th – beginning of 13th centuries the monuments of middle-aged city Muslim culture were introduced according to archeological excavation, and new kinds of buildings¹ as various types of mosques, minarets, medrese, khanaki were brought. But the architectural forms, in which these constructions were built, existed earlier, and they can be met in secular palaces, baths, caravansarai etc. They have been determined first of all by its material – sun-dried earth brick and burnt brick – which was later consecrated by Islam.² The perfection of brick construction in the region, which was poor in building stone and wood, was an essential problem. Its resolution gave powerful pulse to the development of architecture in 9th – beginning of 20th centuries. It is no coincidence that prosperity of architecture of Central Asia and South Kazakhstan is caused by the blanket distribution of burnt brick in 10th – 12th centuries.³ This

1 Байпаков К.М. Средневековые города Казахстана на Великом Шёлковом пути. – Алматы: Ғылым, 1998. – С.36 – 37.

2 Засыпкин Б.Н. Изучение древних сооружений Средней Азии. // Новый Восток. – 1925. – №10 – 11. – С.260.

3 Прибыткова А.М. Строительная культура Средней Азии в IX – XII вв. – М: Стройиздат, 1973. – С.80 – 89 и след.

is the time of joining of South Kazakhstan to the feudal states of Samanids and Karakhanids and the heavy growth of the cities on the Great Silk Way. It also promoted the development of city-planning and architecture. During the subsequent epochs the south of Kazakhstan was in the orbit of interests of owners of Mawarannahr and nomadic steppe, and was included in the part of Timur's empire, possessions of Timurids and Sheibanids, that greatly influenced on architecture, which preserved most of original characteristics, experienced the influence of Mawarannahr school.

In a set of cult buildings the memorial constructions, mausoleums are especially noticeable. The development of cult sacred in Islam, imposed on ancient reverence of spirits of ancestors, especially strong among Kazakhs, and was a fertile ground for the development of this kind of architecture.

The mausoleums of South Kazakhstan region can be divided into some groups according to saints they dedicated or the place they occupy in religion of the population. First of all, it is mausoleums of saints, related to early Islam in the south of Kazakhstan, and which have been built above the tombs of the first missionaries preaching Islam on the territory. These are mausoleums-mosques such as the Baba-Ata in Suzak region and Arystan-Bab under Otyrar, Sairam mausoleums Abdel-Aziz-Bab, Mir-Ali-Bab, Padshakh-Malik, etc. There are a lot of mausoleums in the region, related to Sufi tradition in Islam. Of course, this is mausoleum of Khoja Akhmed Yasawi, the mausoleum of the Kara-Bura (Bura-khan), who was the closest associate of the founder of Karakhanid dynasty of Karakhan in Suzak region, and also the mausoleum of Imam-Markoz (Margizi) in Shabanak village of Turkestan region, etc. As a rule, the mausoleums were erected as gantry-dome constructions which were traditional for Central Asia, where the institutes of Islam were strong. The mausoleums of locally venerated saints – patrons of separate districts, of professional works (especially cattle breeding), connected with cults of nature as, for example, mausoleums of Koshkar-Ata in Shymkent (not extant) and Turbat village have been built in special archaic forms. The mausoleums of the ancestors of Kazakh tribes Baidybek-Ata and Domalak-Ana are especially distinguished. There are also mausoleums constructed above burial places of real historical representatives (Rabee Sultan-Begim, Esim-khan, Khadzhi-Mukan, etc.).

Among numerous and multivarious historical and cultural heritage of South Kazakhstan oblast we have chosen this category of monuments not coincidentally. The architecture of late middle ages of Islam in the south of Kazakhstan hasn't been completely covered by archeological and historical, architectural researches and hasn't been appreciated. It keeps architectural traditions of preceding epochs and at the same time it is a result of building art of its time. Many constructions of this period possess undoubted architectural and design values. The character of this category of monuments defines chronological frames of the is-

sue proposed to a reader – approximately 12th century, the time of strengthening of Islam in South Kazakhstan and distribution of Sufi studies, and prerevolutionary period, when construction of monumental buildings was almost being stopped. Geographically it is limited by South Kazakhstan region. It is due to the fact, that being worked in 1983 – 1993's in the department for protection of historical and cultural heritage of Chimkent oblast museum,⁴ the authors had opportunity to study these monuments, including its revealing, preservation study and restoration.

We chose retrospective method for the review of cult architecture to make reader closer to the “origins”, to the period and conditions when these monuments were established. The monuments are described as of the beginning of 1990's, as in the following years a quite different period in the history of cult architecture started. Many constructions retrieved their original functions. The mosques started to function, the mausoleums turned into objects of absolutely legal pilgrimage, in comparison with Soviet time. But return to the initial appointment turned into significant losses. Subsequent repair works and reconstructions had nothing to do with scientific restoration, and simply destroyed time-honored developed and logically adjusted architectonics of brick construction and décor system connected with it. 1990 – 2000's became severe experiment for the architectural tradition. A new layer of modern cult architecture with its new materials, complex constructions and updated shapes has formed rapidly. This is entirely natural phenomenon. But the worst thing is that it interfered into the architectural heritage, “remoulding” monuments of 18th – beginning of 20th centuries in a new way. This is one of the serious reasons to show the monuments of cult architecture in retrospective manner.

In order to realize such approach to the material we made quite comprehensive historiographical excursion. Dealing with the history of study of cult architecture of Central Asia and South Kazakhstan, first of all we put emphasis on visual material. Firstly, it is really documental, secondly, it is more clear to a wide range of readers, than descriptions of architectural constructions in the text. We consider that the main in the content and illustration of our book is imitative sources – compositions of painting and graphics, illustration in prerevolutionary books on history, ethnography, and culture of Central Asia and Kazakhstan, and in periodicals of 19th – beginning of 20th centuries, almost unknown to general reader. Special attention was paid to photo-documents with images of architectural monuments beginning from the second half of 1860's. “Turkestan Album” holds a special place as the most significant historical, ethnographical, archeological, historical and architectural source, which opened era of scientific photo in Turkestan region and gave way to other photo-albums, photographic postcard and other art editions imprinted monuments of architecture.

4 From 1992 South Kazakhstan oblast museum (SKOM).

We included rare photographs from SKOM funds into the group of visual sources on the cult architecture, most of which were not registered and developed. Mainly, these are amateur photographs of 1920 – 1970's of extremely poor quality, representing several monuments of architecture. The starting point for this publication was collection of black-and-white photographs made in 1981 and separate album on the monuments of architecture was formed; only few were exhibited in SKOM. As a whole, these pictures represent very significant iconographic material, fixing image of monuments not losing touch with time when they have been erected. We took it as a base for our popular science edition. Also, we included several old photos of ordinary residential construction to show environment of architectural constructions, accentuating immensity of some monumental buildings. However, we emphasized scientific content of extant architectural monuments and their visual representation by pictorial means, in particular photos, having in mind first of all the reader who has definite historical scope, orienting him on more deep comprehension of the cult architecture, than that, which prevails in modern mass media and Internet. We consider our aim achieved if this book will serve for the further serious independent study of the architectural heritage.

In recent years there are many books dedicated to the monuments of architecture. But almost all of them are far from the real, scientific comprehension both of Islamic architecture with its own specificity, and of architecture as a type of art and historical source. We would like to present qualitatively another publication, with one of the main objectives to overcome "tourist" vision, common to numerous booklets, travel guides, albums, and even some scientific-popular books on the history of Islamic architecture.

As a rule, exotic element in Muslim architecture was one of the essential conditions of publishers, demanded from authors "more legends" and interesting stories connected with monuments of Muslim cult. But for us, the main is their historical and art content. But we also considered it illogical to ignore this aspect in the history of some monuments. Legends and stories are also important component for the complex of data about the monument, bearing its block of information, sometimes playing a role of indirect source, and sometimes acquiring essential meaning in the history of formation and existence of some constructions. We mention about them in the second part of the book relying on the written sources.

All illustrations in our book are black-and-white graphic images and photos of the past years. Refusing from modern digital photo we consciously oriented not on representative glossy publications mostly meant for tourists. We put a research moment and historicism principle on the top. Therefore, there is a structure of the book and character of material description, and also book typography, which we put in the series of books on the archeology, history and monuments of architecture.

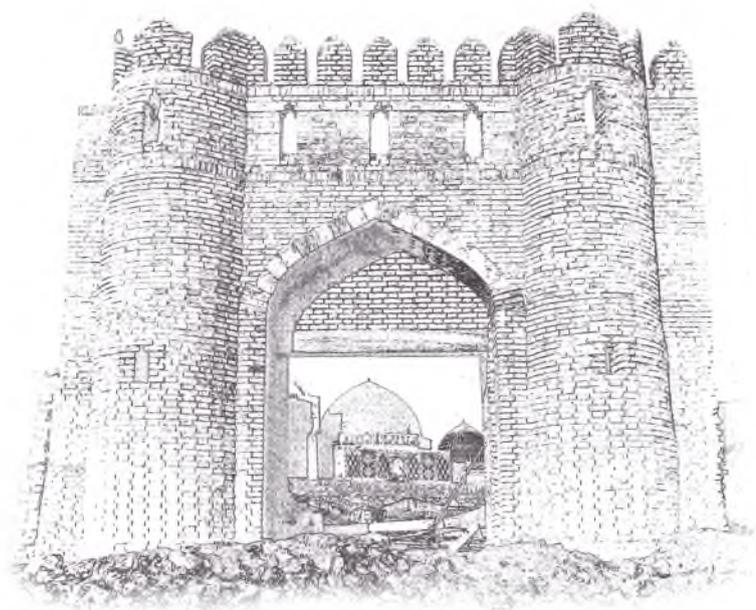
Дозволено Цензурою.

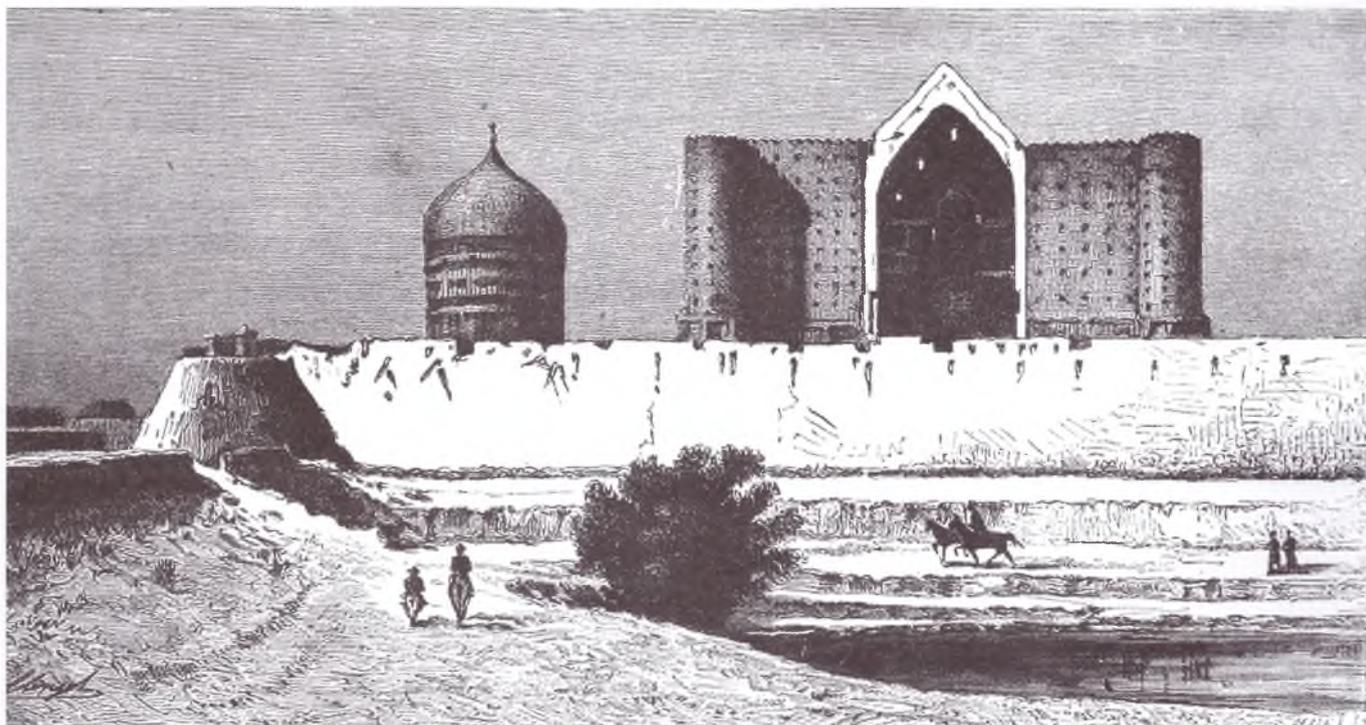
Съ фотографии М. К. Прозорова.

Литогр. Бейкера и К.

ТУРКЕСТАНЪ
СЪ ВОСТОЧНОЙ СТОРОНЫ.

**К ИСТОРИИ АРХИТЕКТУРНО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО
ИЗУЧЕНИЯ ЮЖНОГО КАЗАХСТАНА
(вторая половина XIX века – начало 1990-х гг.)**

Архитектурное наследие Средней Азии и Южного Казахстана для упорядочения обильного и многообразного материала подразделялось на две или три обширные области. Постепенно насущные задачи научного освоения этого материала привели к созданию отечественными учеными более детальной типологической классификации памятников зодчества ислама Средней Азии и Казахстана. Это довольно сложная и исторически меняющаяся система. При подготовке данного издания нас интересовали как общие крупные градации этой системы, так и подразделение на конкретные типы зданий и сооружений.

Г.А. Пугаченкова все типы зданий в архитектуре Центральной Азии делила на две области – гражданское и культовое зодчество.¹ Наиболее полную классификацию средневековой архитектуры Средней Азии, которой до наших дней пользуются археологи и историки архитектуры, разработала Л.Ю. Маньковская. Она выделила три основных направления типологической классификации па-

¹ Пугаченкова Г.А. Зодчество Центральной Азии. XV век: Ведущие тенденции и черты. – Ташкент: Изд-во литер. и искусства, 1976. – С.5.

мятников зодчества ислама: градостроительство, гражданские сооружения и культовые здания.² За основу классификации брался функциональный признак объектов. Внутри функциональной классификации производилось членение по признаку архитектурной типологии, т.е. по типам объёмно-пространственных структур. Дальнейшее развитие классификации шло на уровне анализа отдельных типов зданий культового зодчества ислама, разработки терминологического и понятийного аппарата применительно к каждому сооружению мусульманского культа. Эта работа была проделана сравнительно недавно Т.Х. Стародуб и весьма полезна при описании памятников архитектуры Южного Казахстана, так как происхождение многих из них связано с суфизмом.³

Л.Ю. Маньковская также подразделила зодчество на два класса: класс I – гражданская архитектура; класс II – культовая архитектура. Однако, несмотря на их «глобальность» и кажущуюся обособленность, эти «классы» не во всем самостоятельны. В них присутствуют крупные «отделы» – «жилища» и «общественные здания», образующие свою нишу в классификационной системе. Культовая архитектура ислама, входя в отдел общественных зданий, разделяется на сооружения, связанные с отправлением богослужений (мечети различного типа и назначения) и мемориальные здания (мавзолеи). К ним примыкают утилитарно-образные (по определению Л.Ю. Маньковской) структуры – минареты и ханаки.⁴

Мы позволили себе остановиться на этом вопросе, поскольку ни один из регионов Казахстана не имеет такого многообразия типов культовых зданий, как Южно-Казахстанская область. Почти все типы, входящие в названные классификации, сохранились в чистом или смешанном виде на её территории. Это мечети – от квартальных до соборных, мечети-медресе (причём медресе в Шаяне, входящее к комплекс богослужебных и учебных зданий, обособлено от мечети),⁵ минареты, мавзолеи – от одиночных однокамерных до крупных мемориальных комплексов. Есть в Южно-Казахстанской области и ещё один тип

2 Маньковская Л.Ю. Типологические основы зодчества Средней Азии (IX – начало XX в.). – Ташкент: Фан, 1980. – 183 с.

3 Стародуб Т.Х. Эволюция типов средневековой исламской архитектуры: Автореферат дисс. ... д-ра искусствоведения. – М., 2006. – 45 с. В ходе изучения архитектурного наследия Южно-Казахстанской области нами был задействован круг литературных источников самого различного характера, начиная с дореволюционного периода, который отражён фрагментарно в списке использованной литературы.

4 Маньковская Л.Ю. Типологическая классификация памятников средневековой архитектуры Средней Азии // ИМКУ. – 1982. – Вып.17. – С.144 – 151, Табл.2.

5 Это едва ли не единственный пример монументального здания медресе в Казахстане. См.: Ёлгин Ю.А. Архитектурный комплекс в Чаяне // АСУ. – 1990. – №5. – С.37 – 39.

культовой архитектуры, упущенный из виду названными авторами. Это подземные культовые сооружения для отправления обряда *чилля*, сорокадневного поста (*чилля-хана, шильдехана, хильват*). Их появление связано с распространением суфизма в Южном Казахстане, главным образом, с культом Ходжи Ахмеда Ясави. Они были изучены прежде всего археологами и этнографами, затем вошли в Свод памятников истории и культуры Казахстана в качестве памятников зодчества.⁶ Эти сооружения могли входить в комплексы крупных мечетей, но чаще возникали около почитаемых захоронений в виде заглубленных в грунт специальных помещений.⁷

Типологическая классификация средневековой архитектуры ислама не есть строго заданная и жёсткая конструкция. Последовательное единообразие здесь соблюсти невозможно. Л.Ю. Маньковская пишет: «...культовые здания могут отделяться от мемориальных (также явно культовых), общественные здания рассматриваются отдельно от культовых, хотя среди культовых преобладают именно общественные здания».⁸ На уровне архитектурных типов зачастую смешиваются функциональные и композиционно-типологические признаки. В Южно-Казахстанской области функции соборной мечети, обычно ассоциирующейся с монументальным зданием дворовой композиции, принимали не себя городские и даже квартальные мечети. Например, мечеть Хызыр-Пайгамбар в Сайраме однозначно переросла значение гузарной мечети, а в Чимкенте этот тип, представленный мечетью Джамии, с успехом совмещал роль соборной мечети и медресе. Архитектурный комплекс в Шаяне, изначально задуманный как монументальное медресе, вообще распался на составные части, самостоятельные архитектурные объёмы, свободно расположенные относительно друг друга, – собственно медресе с *худжрами* (кельями для проживания студентов), *дарсхану* (аудиторию для занятий) и монументальную мечеть, ставшую доминантой всего комплекса.⁹

6 Немцева Н.Б. Археологические раскопки у комплекса мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави (1958 г.) // ИАН КазССР: Сер. истории, археологии и этнографии. – 1961. – Вып.1(15). – С.92 – 104; Сенигова Т.Н. Культовые сооружения около мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави // Археологические исследования в Отраре. – Алма-Ата: Наука, 1977. – 42 – 52; Тайжанов К., Исмаилов К. Хилват – суфийский обряд у узбеков Южного Казахстана (конец XIX – начало XX в.) // Всесоюзная сессия, посвящённая итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1976 – 1977 гг.: Тезисы докладов. – Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1978. – С.175.

7 Байтанаев Б.А., Богомолов Г.И., Ергешбаев А. Мечеть Хызыр-Пайгамбар в селе Сайрам // ИНАН РК: Сер. общественных наук. – 2008. – №1. – С.129 – 140; Байтанаев Б.А., Ёлгин Ю.А. Мечеть Джамии в Чимкенте: Архитектурно-археологические исследования. – Алматы, 2012. – С.108.

8 Маньковская Л.Ю. Типологическая классификация памятников средневековой архитектуры Средней Азии... С.140.

9 Ёлгин Ю.А. Архитектурный комплекс в Чаяне... С.37 – 39.

Как и в таблице Менделеева, в существующих классификациях имеются свои пустующие «клетки», свободные ниши. На наш взгляд, в них должны найти своё место архаические по виду сырцовые мавзолеи, до начала 1990-х годов стоявшие на некрополях Сузака.

Завоевание Средней Азии и юга Казахстана Российской империей принесло много нового в местную архитектуру. Русское церковное и гражданское зодчество немедленно вступило во взаимодействие с восточно-мусульманской архитектурной традицией. Речь идёт не только о современных материалах, ранее мало использовавшихся в Южном Казахстане, и технических новшествах в строительстве. Влияние на архитектуру ислама шло по линии формообразования и архитектурного декора. В архитектурно-типологическом отношении мечети и мавзолеи оставались неизменными, но в конце XIX – начале XX вв. появились интересные с точки зрения архитектурной композиции и системы традиционного кирпичного декора памятники, такие, как мавзолей-мечеть Арыстан-Баб в Отрарском районе, медресе Баба-Ата и мечеть Ногай-Ишан в Сузаке, мавзолей Мир-Али-Баб в Сайраме, еще более разнообразившие репертуар культовых зданий в Южном Казахстане.

Создатели архитектурно-типологических классификаций, безусловно, осознавали условность членений в выработанных схемах.¹⁰ В истории архитектуры, как и в истории искусства в целом, невольно приходится признавать условность, ограниченность и в то же время подвижность, изменчивость классификационных схем. Некоторые памятники вообще не укладываются в общепринятые периодизации развития архитектуры, опережая своё время, или наоборот, превращались в архаические явления. В этом сложность типологической классификации зодчества мусульманской Центральной Азии. Но при этом выработанные схемы и концепции, подобно формулам в математике, выступают действенным средством и в стилистическом анализе, и в выявлении конкретных оригинальных памятников, и в определении их места в системе средневекового зодчества Средней Азии и Казахстана. Отвергая одни построения, схемы и создавая новые, исследователи объективно, наряду с другими методами изучения, воздействуют на исторический процесс познания археолого-архитектурного наследия.

Сказанное подводит к ещё одному сложному аспекту оценки архитектурного наследия эпохи средневековья. Это взаимоотношения археологии и истории архитектуры в Южно-Казахстанском регионе, динамичные и неоднозначные.

10 Маньковская Л.Ю. Типологическая классификация средневековой архитектуры Средней Азии... С.140.

Несмотря на то, что понятие «архитектурная археология» сложилось достаточно давно и упрочилось в науке, понятия и термины «памятник археологии» и «памятник архитектуры» непосредственно по отношению к археологической науке остаются многовариантными и даже в какой-то степени зыбкими. Архитектурные сооружения, наряду с вещественными историческими источниками, также являются памятниками археологии.¹¹

Мы оставляем в стороне сложнейшие вопросы о самой археологии, её статусе и содержании как науки и дискуссии, возникшей среди теоретиков отечественной археологии о том, чем она является, самостоятельной наукой или вспомогательной исторической дисциплиной.¹² Лишь отметим: именно изучение археолого-архитектурных памятников сопутствовало становлению археологии как полноправной исторической науки. Выявление поселенческих структур, содержащих остатки строительной деятельности человека, способствовало её выходу из полудилетантского состояния, когда изучались в основном вещественные источники – орудия труда, домашняя утварь, оружие, монеты, одежда, украшения и т.д. Наряду с изучением могильных памятников, таящих в себе в большинстве случаев *движимые* находки,¹³ археологи получили важнейший исторический источник – *неподвижный* археологический объект, созданный в данном месте, в данное время, при определённых местных условиях – «многогранный комплексный источник, позволяющий судить как об его производственно-технической, так и об его идеологической, художественной стороне».¹⁴

Таким образом, архитектура должна заключать в себе качества и материальной, и духовной культуры. В высшей степени они присущи памятникам культового зодчества. Археология, как считает Г.А. Пугаченкова, призвана выделить эти свойства, изучая не только архитектурные остатки, но и культурные слои, связанные с ними.¹⁵

Но не каждое сооружение, обнаруженное археологом, может быть причислено к памятникам архитектуры. В свою очередь, не всякое средневековое здание, со-

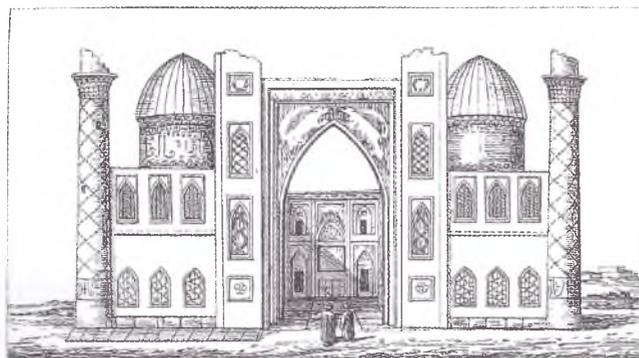
11 Амальрик А.С., Монгайт А.Л. Что такое археология / Изд. испр. и доп. – М.: Просвещение, 1966. – С.49.

12 См.: Генинг В.Ф. Объект и предмет науки в археологии. – Киев: Наук. думка, 1981; Клейн Л.С. Археологическая типология. – Л.: АН СССР, 1991; его же. Археологические источники. – СПб.: ФАРН, 1995 и др.

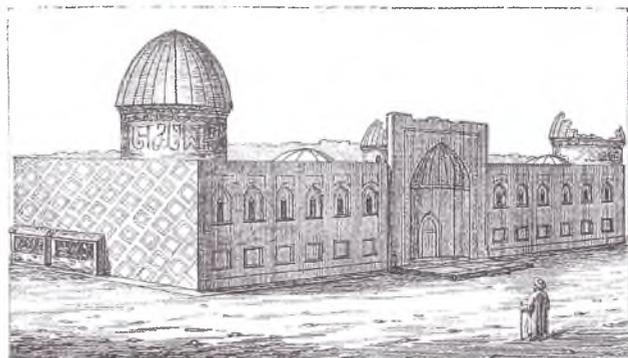
13 В археологической литературе часто идёт речь о погребальных конструкциях. Вопрос о причислении в таком случае крупных курганов к объектам, содержащим зачатки архитектуры, весьма спорен, так как под памятником архитектуры обычно понимают не всякое сооружение прошлого, а объекты, выполняющие в числе прочих также *эстетическую* функцию. – Косточкин В. О некоторых понятиях в области архитектурного наследия // Архитектура СССР. – 1972. – №9. – С.60; Герчук Ю. Что такое памятник архитектуры? // ДИ. – 1973. – №4 – С.37 – 40.

14 Воронин Н.Н. Архитектурный памятник как исторический источник // СА. – 1954. – XIX. – С.43.

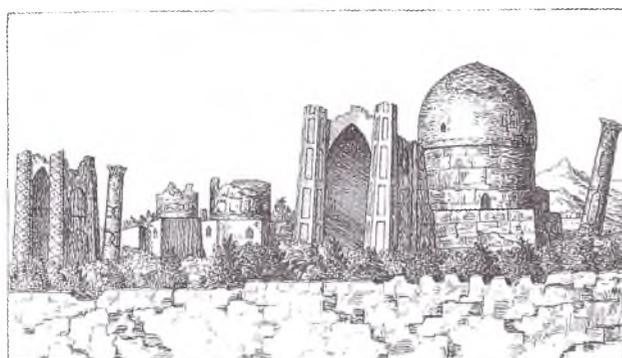
15 Пугаченкова Г.А. К проблеме архитектурной археологии в изучении зодчества Средней Азии // КСИА. – 1982. – Вып.172. – С.25.

Bab al-Jannat in Samarkand

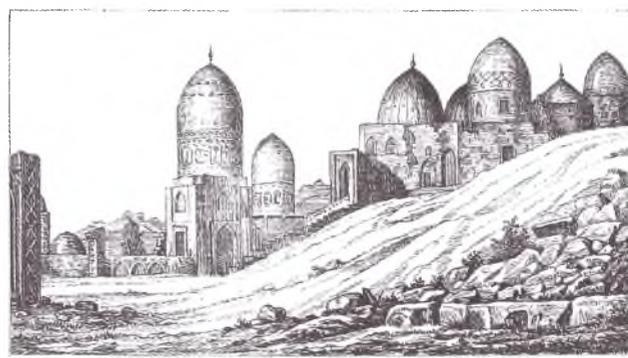

Bab al-Khayr in Samarkand

Mausoleum of Miran in Samarkand

Mausoleum of Miran in Samarkand

Mausoleum of Amir Timur in Samarkand

Mausoleum of Amir Timur in Samarkand

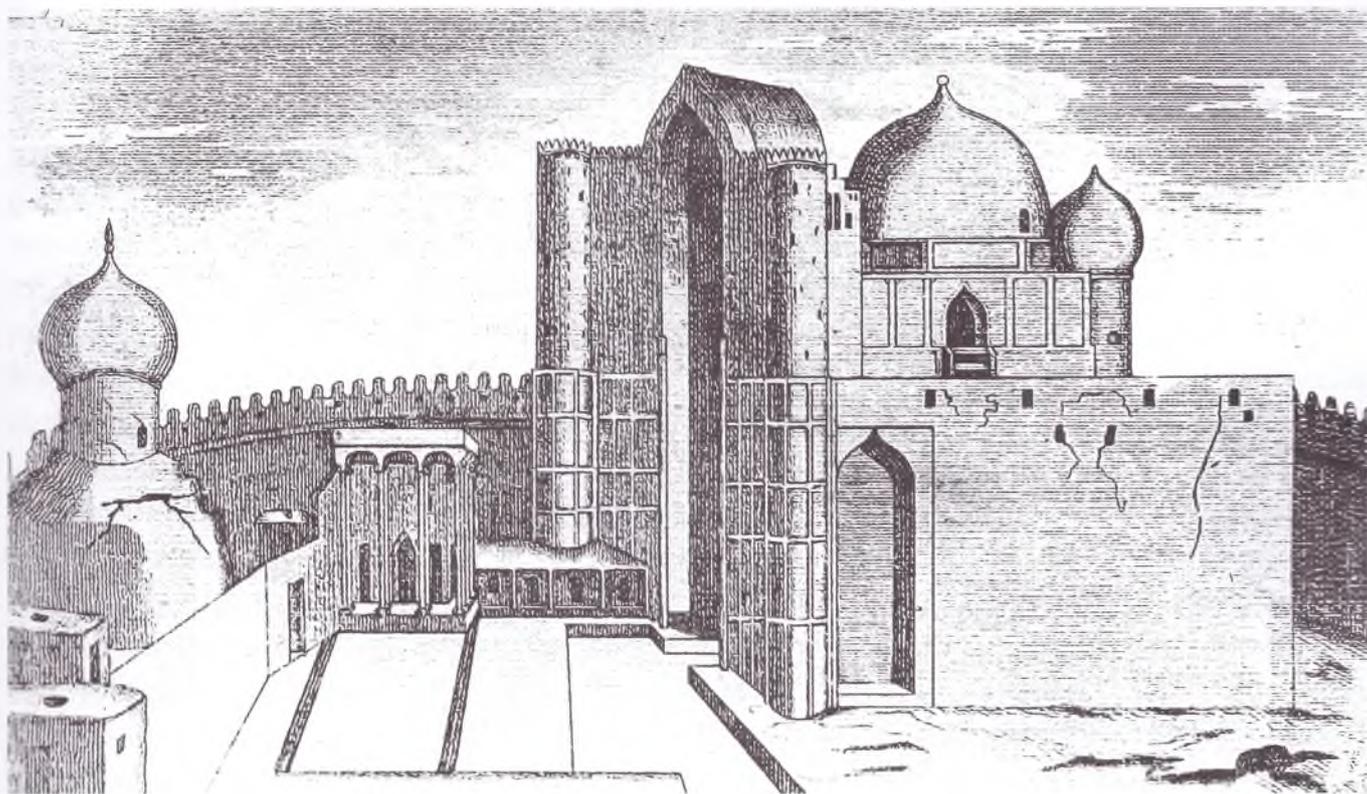
1. Памятники архитектуры Самарканда. Рис. А. Лемана. Из книги А. Лемана «Путешествие в Бухару и Самарканд в 1841 и 1842 годах».

Monuments of Samarkand architecture. Picture of A. Lehmann. From the book of A. Lehmann «Journey to Bukhara and Samarkand in 1841 and 1842».

хранившееся на поверхности земли, можно назвать памятником археологии, даже если в его комплексном изучении принимал участие археолог, и раскопки производились у стен или внутри самого здания.

Изучение памятников архитектуры при участии археологов и с помощью археологических методов исследования получило широкое распространение. Возникло определение архитектурной археологии как направления, ориентированного на изучение памятников монументальной архитектуры.¹⁶ В археологической типологии это понятие и термин как будто бы не получили чётких контуров. Так происходит, вероятно, потому что архитектурные сооружения, как правило, входят в поселенческие структуры (поселения, города, культовые комплексы и

16 Новоселов Н.В. Предмет архитектурной археологии [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rusarch.ru/novoselov.htm>.

2. Мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави. Рисунок из «Военного сборника». 1866 г.
Mausoleum of Khoja Akhmed Yassawi. Picture from «Military Collection». 1866.

т.п.). Шире – чаще воспринимаются в рамках определённой археологической культуры или исторического периода.

Несомненно, архитектурная археология получит своё дальнейшее теоретическое осмысление, На практике это направление давно и прочно заняло своё место в археологической науке. Ряд археологов специально занимались исследованием памятников архитектуры. Показателен пример археолога Н.Б. Немцевой, работавшей в Узбекистане и уже к началу 1980-х гг. приступившей к обобщению своего опыта археологического изучения памятников средневекового зодчества Средней Азии.¹⁷ В Казахстане археологов, специализирующихся на памятниках архитектуры, нет, тем не менее археолого-архитектурные исследования получили

¹⁷ Немцева Н.Б. К вопросу о методах полевых археологических работ на памятниках зодчества Средней Азии // СА. – 1981 – №1. – С.79 – 87.

своё развитие, в основном в рамках изучения средневековой городской культуры Семиречья и Южного Казахстана. Многочисленные публикации и ряд монографий, посвящённых проблемам культового зодчества раннего и развитого средневековья, свидетельствуют об этом.

Объекты этих исследований – ещё одна категория культового зодчества, не затронутая авторами архитектурно-типологических классификаций. Речь в этом случае может идти не о собственно памятниках архитектуры, а об их остатках, вскрытых лопатой археолога. К каким разделам историко-культурного наследия эти объекты будут отнесены – к памятникам археологии или к памятникам археолого-архитектурным, зависит также от их состояния. Продукты единовременного строительного процесса, разрушенные или полуразрушенные сверху, скрытые последующими культурными слоями, с большим основанием причислены к памятникам археологии.¹⁸ Исследовались они исключительно археологическими методами. Архитекторы приходили на помощь на последних этапах исследования – для атрибуции, реконструкции и интерпретации вскрытых объектов. В результате интеграции археологических методов и истории архитектуры появился целый ряд публикаций и монографических исследований, главным образом, по архитектуре раннего и частично развитого средневековья Южного Казахстана. Архитектурно-археологические памятники занимают большое место в трудах археологов А.Х. Маргулана, Е.И. Агеевой, К.М. Байпакова, Б.А. Байтанаева, М. Кожа, Е.А. Смагулова, М. Туякбаева и др. Нередко они выступают в содружестве с художниками и архитекторами (С.Я. Перегудова, Г.А. Терновая, З.Ж. Шарденова, Н. Имажанов и др.). Есть и обобщающие издания, написанные на архитектурном материале.¹⁹ Исследования этого направления сопровождались графическими реконструкциями несохранившихся объектов, с известной долей сарказма неофициально названных «бумажной архитектурой». Мы не склонны считать их непреложной истиной, но полагаем, что наряду с описательными, графические реконструкции служат также одним из методов заключительного этапа исследования раннесредневековой архитектуры, объективно работающими на достижение конечного результата. А результат таков, что раннесредневековая архитектура Южного Казахстана оказалась более

18 Там же. С.83.

19 Байпаков К.М., Терновая Г.А. Религии и культы средневекового Казахстана (по материалам городища Куйрыктобе). – Алматы: БАУР, 2005. – 236 с.; Байпаков К.М., Смагулов Е.А. Средневековый город Сауран. – Алматы: Credo, 2005. – 202 с. (каз., рус. и англ. яз.); Байпаков К.М., Шарденова З.Ж., Перегудова С.Я. Раннесредневековая архитектура Семиречья и Южного Казахстана на Великом Шёлковом пути. – Алматы: Ғылым, 2001. – 236 с. и др.

исследованной, чем памятники, стоящие много ближе к нашему времени. К тому же вне поля этих исследований оказалось мусульманское зодчество, формирование и расцвет которого пришлось на эпоху развитого средневековья.

Мы в меру своих возможностей в данной книге попытаемся восполнить этот пробел (более полное и глубокое освещение позднекультового зодчества Южного Казахстана потребует капитального монографического исследования, между тем многие памятники исчезают или изменяются до неузнаваемости), ориентируя массового читателя на этот, долгое время незаслуженно игнорируемый в научной литературе пласт архитектурного наследия Южного Казахстана. При этом мы рассказываем об архитектурных памятниках как таковых, не о скрытых культурными наслоениями остатках или руинах, а о зданиях, почти полностью сохранивших свои наземные объёмы. Эти памятники создавались в эпоху развитого и позднего средневековья; их типология и архитектурно-композиционные решения настолько устойчивы и жизнеспособны, что почти без существенных изменений переходили в Новое время. Традиции культового зодчества ислама на юге Казахстана до конца XX в. оставались незыблемыми.²⁰

Исторически сложилось так, что на территории Южно-Казахстанской области в неразрушенном виде сохранились памятники зодчества конца XIV – нач. XX вв. Основная масса их относится к середине – концу XIX в. Но хронологические рамки культовой архитектуры ислама, затрагиваемые нами, шире, так как некоторые из памятников являются конечными звеньями довольно длительной эволюции; им предшествовали более ранние постройки, по мере ветшания и разрушения заменявшиеся новыми. Генезис некоторых из них, нашедший отражение в их архитектурно-композиционных особенностях, берёт начало в караханидской и саманидской эпохах и даже в более ранних доисламских культурах. Наглядно это демонстрирует «позднее» мемориальное зодчество Сайрама.²¹

Являясь преимущественно памятниками архитектуры, культовые сооружения XVII – начала XX вв. тем не менее должны оставаться предметом архитектурной археологии. Сохранив в основном свои наземные объёмы, эти памятники все без исключения нуждаются в консервации и реставрации. У истоков этих

20 В 1990-е годы начинается этап «нового» прочтения архитектуры мечетей и мавзолеев прошлых столетий и создаются модернистские проекты культовых зданий, своего рода «архитектурный авангард», аналогично процессам, происходящим в современном станковом искусстве. В качестве таких примеров можно назвать мавзолей Байдыбек-Ата и Домалак-Ана.

21 Байтанаев Б.А., Ёлгин Ю.А. О некоторых особенностях мемориального зодчества Сайрама: // Кадырбаевские чтения: Материалы международной научной конференции. – Актобе, 2007. – С.341 – 344; их же. Библиейские и коранические святыне Сайрама // Религиоведение. – 2007. – №4. – С.44 – 49; Ёлгин Ю.А. Мавзолей Карашаш-Ана: (Историко-архитектурные заметки) // ИНАН РК: Сер. общественных наук. – 2005. – №1. – С.218 – 230.

охранных мероприятий должна стоять археология. На этот счет В.В. Бартольд считал: «Раскопки должны предшествовать если не всяким ремонтным работам, то осуществлению более сложных реставрационных проектов».²²

Архитектурная археология долгое время была подчинена задачам научной реставрации памятников,²³ что не требует объяснений. Но этим практическая значимость археологических работ на памятниках архитектуры не ограничивается. Консервационные и реставрационные мероприятия – это только один из аспектов архитектурной археологии.²⁴ Археология может и должна давать максимум информации для раскрытия истории памятника, условий его функционирования, помочь раскрыть инженерно-строительные, архитектурно-декоративные приёмы мастеров и шире осветить социально-экономические и историко-культурные аспекты, сопутствующие его появлению к жизни, словом, извлечь то, что наполняет историю архитектуры содержанием.²⁵

Настало время, когда архитектурная археология должна встать в начале изучения культового зодчества ислама на юге Казахстана. Тенденции современной археологической науки таковы, что она закономерно подошла к освоению поздних исторических периодов. Никого уже не удивляют (наряду с использованием неархеологических методов) раскопки в мегаполисах, возникших в начале XVIII в., таких, как, например, Санкт-Петербург или Екатеринбург. Археология в таких случаях почти всегда связана с исследованием и реставрацией памятников архитектуры. Главный редактор журнала «Российская археология» Л.А. Беляев почти дословно повторил слова В.В. Бартольда, но уже о более поздних памятниках: «... нет сомнений в том, что изучая здание, следует начать грамотную фиксацию его слоёв по крайней мере с момента его возникновения».²⁶

Итак, не только вскрытие подземных частей, но и исследование культурных слоёв, окружающих здание, имеет значение для воссоздания его истории. Их характер часто отражает строительно-технические особенности сооружения. В культурных слоях – следы истории создания, бытия и разрушения памятника архитектуры и всей окружающей его зоны. И этот научный материал часто попросту выгребается

22 Бартольд В.В. Отчёт о командировке в Туркестан // Известия Российской Академии истории материальной культуры. – Пг, 1922. – Т.2. – С.3 – 4.

23 Немцева Н.Б. К вопросу о методах полевых археологических работ... С.80.

24 Пугаченкова Г.А. К проблеме архитектурной археологии... С.24.

25 Для понимания всех сторон и нюансов архитектурной археологии Средней Азии относим читателей к упоминаемой здесь статье Н.Б. Немцевой, которой в конце 1950-х гг. довелось также работать на памятниках архитектуры средневекового города Туркестана, и работе Г.А. Пугаченковой об архитектурной археологии Средней Азии.

26 Археология позднего периода истории: Материалы «круглого стола», проведённого редколлекцией журнала «Российская археология» // РА. – 2005. – №1. – С.83.

3. Могила Кармакчи. Рис. на дереве А.Н. Писченков, гравёр Н. Кондем (по наброску Д.В. Вележева. 1866 г.). Из «Всемирной иллюстрации». 1870 г.

Grave of Karmakchi. Picture on wood by A.N. Pischenkov, engraver N. Kondem (on a sketch by D.V. Velezhev. 1866). From «The World Illustration». 1870.

реставраторами.²⁷ Так случилось в 1950-х гг. в городе Туркестане, когда территория вокруг мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави была с nivelирована. Памятник потерял масштабное окружение, утратил родную среду бытования, восстанавливать которую через тридцать лет пришлось едва ли не на материковом слое, создавая новоделы, в которых отсутствуют подлинные фрагменты поздней архитектуры.

Памятникам поздних периодов в большинстве случаев свойственна многослойность архитектурных образований. Особенно она присуща крупным культовым комплексам на юге Казахстана, таким, как, например, Исмаил-Ата и Исхак-Ата в Турбате. С меньшей долей уверенности это можно утверждать об отдельных зданиях (мавзолеи Сайрама). И всё же. В охранной зоне мавзолея Карашаш-Ана обнаружены предматериковые слои IX – X вв. Раскоп у мавзолея Абдель-Азиз-Баб дал

²⁷ К сожалению, даже такой выдающийся архитектор-реставратор памятников архитектуры Средней Азии, как Б.Н. Засыпкин, не придавал значения археологии в деле реставрации, хотя его ученики и последователи (Т.Ш. Карумидзе, Л.Ю. Маньковская), работавшие в 1950-х гг. на мавзолее Ходжи Ахмеда Ясави, на практике широко пользовались именно археологическими методами.

керамику IX – XII вв. В небольшом раскопе у мавзолея Ходжа-Салих обнаружена бытовая керамика и фрагменты жжёного кирпича X – XII вв.²⁸ Но отсутствие фрагментов строительного декора, типичного для однокамерных караханидских мавзолеев, подводит нас к более критичному, чем прежде, выводу об эволюции сайрамских мавзолеев в пределах XII – начала XX вв., основанному на преданиях, письменных источниках и анализе архитектурно-композиционных особенностей. Многочисленные перекопы культурных слоёв как следствие скученности застройки средневекового Испиджаба-Сайрама, возможно, уже не позволят выявить остатки первоначальных мавзолеев, упоминаемых в «Рисаля», анонимной истории Сайрама.

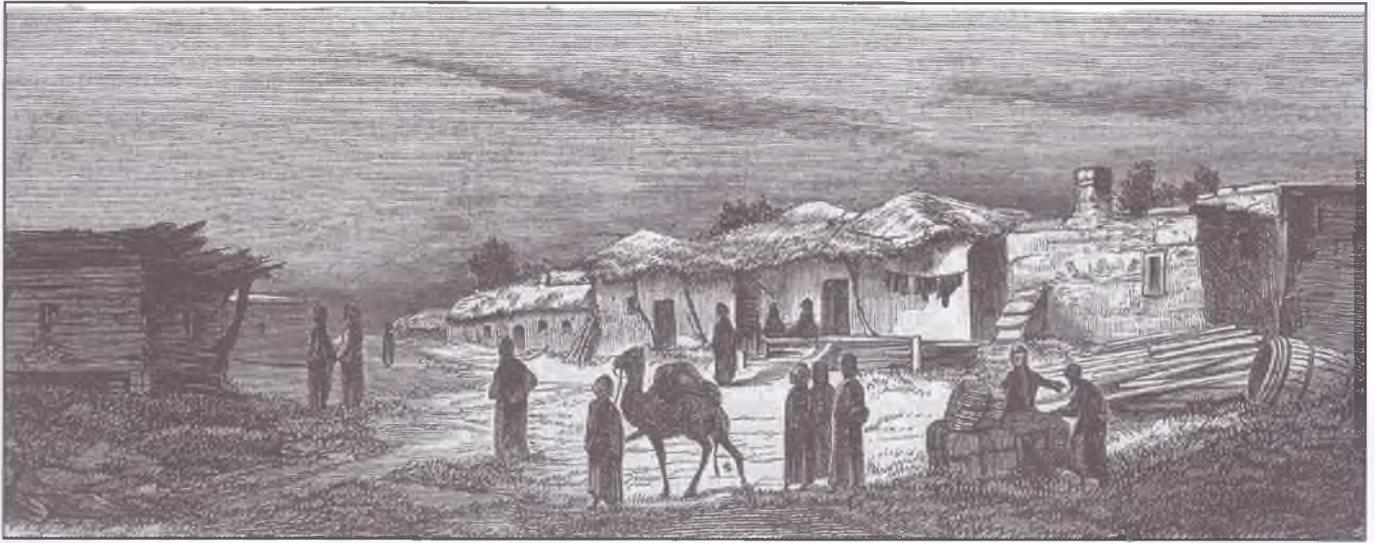
Представители «традиционной археологии» очень поздно, в конце XX в. приступили к изучению архитектуры ислама в Южном Казахстане. В идеале археологические исследования должны проводиться в самом начале сбора всех историко-архитектурных материалов о памятнике культового зодчества, включая само здание и культурные слои, его окружающие. Но в Южном Казахстане культовые сооружения средних веков изучались лишь в том случае, если были обнаружены на территории крупных городищ, оставаясь в большей степени памятниками археологии, так как сохранялись в незначительной степени, что позволяет с максимальной достоверностью реконструировать лишь план здания.²⁹

Исключение, пожалуй, составляет мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави в г. Туркестане. История его исследования – отдельная историографическая тема. Укажем только, что и здесь собственно археологическое изучение было начато М.Е. Массоном лишь в 1928 г. уже после нескольких ремонтов и сбора многих этнографических, фольклорных, источниковедческих и других материалов.³⁰ Заметим, что во второй половине XIX в. мавзолей Ясави не стал объектом археологии, несмотря на то, что у истоков его изучения стоял ориенталист П.И. Лерх, с именем которого обычно связывается начало археологической науки Казахстана. Рассказывая об истории мавзолея Ясави, он показал себя блестящим знатоком письменных источников и эпиграфики. Рассказывая об истории мавзолея Ясави, он показал себя блестящим знатоком письменных источников и эпиграфики. Но это не археологические источники, хотя цель Лерха – «археологическая поездка», и командирован

28 Байтанаев Б.А., Богомолов Г.И., Ергешбаев А. Мечеть Хызыр-Пайгамбар в селе Сайрам... С.130.

29 См.: Имажанов Н., Бейсемаева Л. Соборная мечеть средневекового Отрара: (Опыт графической реконструкции) // ИНАН РК: Сер. общественных наук. – 2003. – № 1. – С.247 – 253.

30 Смагулов Е.А. М.Е. Массон и археология Туркестана // Культурное наследие Средней Азии. – Ташкент, 2002. – С.237 – 241; его же. Михаил Евгеньевич Массон и археология Туркестана // Новости археологии. – 1991. – 1 (январь – июнь). – С.93 – 96; Ёлгин Ю.А. Мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави в 1920-е годы: Изучение. Ремонты. Реставрация // ИМНАН РК: Сер. общественных наук. – 1997. – №1. – С.44 – 49.

4. Базар в Туркестане. Рис. на дереве А.Н. Писчекова, гравёр Н. Кондем (по наброску Д.В. Вележева, 1866 г.). Из «Всемирной иллюстрации». 1870 г.

Bazar in Turkestan. Picture on wood by A.N. Pischenkov, engraver N. Kondem (on a sketch by D.V. Velezhev. 1866). From «The World Illustration». 1870.

он был Императорской Археологической комиссией.³¹ Археологические исследования 1952 – 1958 гг., проводившиеся у стен мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави и в его охранной зоне, были несоизмеримы по масштабам с раскопками М.Е. Массона, работавшего в Туркестане всего шесть дней.³² Но и в 1950-е годы главное открытие было сделано скорее всего неархеологическим путём. Остатки стен первоначального мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави XII века, включённые в пилоны северного портала, и объём гурханы (кабырханы) тимуровского монументального здания обнаружены в ходе зондажей облицовок и кирпичных кладок на северном фасаде и разборки ветшающей панели, опоясывающей низ сооружения по периметру.³³ Фрагменты резной неполивной облицовки XII в., обнаруженные М.Е. Массоном в 1928 г. на кровле комплекса, получили привязку к реально существовавшему сооружению.

31 Лерх П.И. Археологическая поездка в Туркестанский край в 1867 году. – СПб.? Тип. Имп. Академии наук, 1870. – С.15 – 16 и след. С.М. Горшенина вскользь упоминает о небольших раскопках в Туркестане, предпринятых в 1877 г. французским лингвистом и путешественником Ж.-Э. Ужфальви «по праву универсализма XIX века», которые сама же и назвала «поверхностными». См.: Горшенина С. Туркестанские путешествия Шарля-Эжена Ужфальви [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://svetlana.gorchenina.free.fr/2RU35_Ujfalvi_CultVal.pdf. В русских переводах извлечений из трудов Ш.-Э. Ужфальви этот факт не отмечен.

32 Предварительный отчёт о поездке М.Е. Массона и Мир-Гиясова Т. в г. Туркестан для осуществления археологического надзора за вскрытием фундаментов памятника Ходжи Ахмеда Ясави // ЦГА РУз., Ф.Р2773, Оп.3, Д.26, Л.1.

33 Маньковская Л.Ю. Некоторые архитектурно-археологические наблюдения по реставрации комплекса Ходжи Ахмеда Ясави в г. Туркестане // ИАН КазССР: Сер. истории, археологии и этнографии. – 1960. – №2 (14). – С.53 – 66, Рмс.9.

5. Развалины мавзолея Коркут-Ата. Фото из «Туркестанского альбома» 1871 г.

Ruins of Korkut-Ata mausoleum. Photo from «Turkestan Album». 1871.

Новый этап археологического изучения мавзолея Ясави приходится на 1990-е годы. В 1993 г. велись археологические наблюдения за рытьём траншей для подводки фундаментов вдоль почти всех стен памятника. В 1997 г. было принято решение о раскопках на всех возможных участках пола казандыка – центрального зала мавзолея.³⁴ Вместе с рядовыми поздними погребениями обнаружились следы колодца в центре казандыка. Считаем раскопки в казандыке важнейшим шагом не только в археологическом отношении. Эти открытия подводят к новому прочтению письменных источников, повествующих о мавзолее Ходжи Ахмеда Ясави и вносят новые существенные детали к концепции сложения этого памятника.

Позднее практика археологических раскопок распространяется и на другие средневековые сооружения ислама, связанные с почитаемыми захоронениями на юге Казахстана. С.Ш. Акымбек производит раскопки в гурхане мавзолея-мечети

³⁴ Смагулов Е.А., Туякбаев М.К. Новое в ранней истории некрополя г. Туркестана // ИМНАН РК: Сер. общественных наук. – 1998. – №1. – С.19, 20.

Арыстан-Баб,³⁵ Б.А. Байтанаев закладывает стратиграфический шурф у восточной стены мавзолея Ходжа-Салих в Сайраме, а немного позже вскрывает подземную часть северной стены памятника.³⁶ Аналогичные явления наблюдаются и в других регионах Казахстана.³⁷

Казалось бы, памятники зодчества ислама XVIII – нач. XX вв. обойдены вниманием археологии. Но достаточно беглого взгляда на историю архитектуры Средней Азии и Казахстана, чтобы убедиться, что именно археологи стояли у истоков изучения культовых сооружений на юге Казахстана. Археологические и историко-архитектурные исследования зародились одновременно и развивались, часто пересекаясь.

М.Е. Массон начало *специального* археологического изучения Средней Азии относит к середине XIX в.³⁸ В Казахстане становление археологии обычно относят к 1866 – 1867 гг., ко времени первых работ В.В. Радлова и П.И. Лерха.³⁹ Для юга Казахстана неким условным рубежом этого процесса можно считать занятие Ак-Мечети (1853 г.) и утверждение русского военного присутствия на Средней Сырдарье. В недрах этого уникального по глубине и широте охвата движения, каким стало археологическое изучение «русского» Туркестана, следует искать истоки истории архитектуры Южного Казахстана.

С этого времени упоминания о памятниках архитектуры в русской периодической печати становятся регулярными. После взятия Чимкента (1864 г.) отрядом генерала Черняева этот поток усилился. Памятники архитектуры сделались предметом интересов военной и чиновничьей служилой прослойки. Они находят отражение в журнальных и газетных заметках, в дневниках и воспоминаниях участников туркестанских походов и чиновников, приехавших обустроить присоединённый край. Сведения, содержащиеся в трудах М.-С. Бекчурина, К.К. Абазы, А.К. Гейнса,

35 Акымбек С.Ш. Мавзолей Арыстан-Баб в свете новых данных // ИНАН РК: Сер. общественных наук. – 2009. – №1. – С.87 – 92.

36 Байтанаев Б.А., Ёлгин Ю.А. О некоторых особенностях мемориального зодчества Сайрама... С.342 – 143.

37 Байтанаев Б.А. и др. Археологические исследования мавзолея Бердыкожа Батыра // Наследие Л.Н. Гумилёва и современная Евразийская интеграция: IX Евразийский научный форум. – Астана, 2012 – С.136 – 147; Смагулов Е.А. Мавзолей Абат-Байтак: Некоторые итоги археологического исследования // ИНАН РК.: Сер. общественных наук. – 2006. – №1 – С.126 – 135 и др.

38 Массон М.Е. Краткий очерк истории изучения Средней Азии в археологическом отношении // ТСАГУ: Новая серия. – 1956. – Вып. LXXXI: Исторические науки. – Кн.12. – С.9.

39 Акишев К.А., Аргынбаев Х.А., Алимбаев Н. Археологическое и этнографическое изучение Казахстана // История науки Советского Казахстана (1917 – 1960 гг.). – Алма-Ата: Ғылым, 1990. – С.43. Е.И. Агеева также учитывала более ранние периоды, связанные с первыми археологическими знаниями и собиранием древностей в Казахстане. – См.: Агеева Е.И., Максимова А.Г. Очерк археологического изучения Казахстана // Археологическая карта Казахстана: Реестр. – Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1960. – С.9 – 11.

А.П. Хорошхина, П.П. Пашино и других авторов до сих пор сохраняют своё значение в качестве литературных источников по археологии и архитектуре Южного Казахстана.⁴⁰ Проявляется интерес к архитектурному наследию и у российских и европейских востоковедов. Предпринимаются шаги к его профессиональному изучению. Организованная в 1859 г. Императорская Археологическая комиссия (ИАК) во главу угла ставит фиксацию архитектурных памятников. В числе первых задач этим занимались в Средней Азии и Казахстане члены ИАК П.И. Лерх и В.В. Радлов, а спустя двадцать лет Н.И. Веселовский.⁴¹

В деле фиксации архитектурных и археологических памятников очень быстро были достигнуты великолепные для своего времени результаты, показателем которых стал знаменитый «Туркестанский альбом» (его ещё неофициально называют «кауфманским» или «куновским»), составленный в 1871 – 1872 гг., высоко оцененный современниками и до наших дней успешно эксплуатируемый историками, археологами, этнологами, антропологами, историками архитектуры и другими специалистами историко-востоковедного профиля.

Здесь мы сделаем отступления от канвы нашего историографического экскурса, так как «Туркестанский альбом» во всех своих частях (помимо «археологической» части, содержащей в основном фотографии памятников зодчества ислама) попутно демонстрирует множество снимков самых различных архитектурных сооружений. К тому же, кроме непреходящего научного значения «Туркестанского альбома», традиция фотографических альбомов памятников архитектуры неожиданным образом проявится в начале 1980-х годов в Южном Казахстане, конечно, не в таком «геополитическом» масштабе, как проект К.П. фон-Кауфмана, но она будет иметь большое значение для изучения культовой архитектуры ислама на юге Казахстана.

Три явления, имеющие отношение к изучению архитектурного наследия Южного Казахстана, совпали во времени. Это начало движения русских сил в глубь Средней Азии, связанное с ним начало археологического исследования этого обширнейшего региона и быстрое освоение фотографии наукой.⁴² Трамплином для этого скачка стал район Средней Сырдарьи, средневековые южноказахстан-

40 Ёлгин Ю.А. Мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави в русской дореволюционной печати // Туран – Туркестан: Проблемы культурно-исторической преемственности. Древность и средневековье: Материалы международной научной конференции, посвящённой 10-летию деятельности Туркестанской археологической экспедиции. Туркестан, 23 – 24 ноября 2006 г. – Туркестан, 2006. – С.171 – 172.

41 Массон М.Е. Краткий очерк истории изучения Средней Азии в археологическом отношении... С.10.

42 Абашин С. Власть и фотография: визуальная репрезентация в имперской рамке // Неприкосновенный запас. – 2012. – № 4 (84). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2012/4/a13-pr.html>

6. Развалины Саурана. Фото из «Туркестанского альбома». 1871 г.
Ruins of Sauran. Photo from «Turkestan Album». 1871.

ские города. Эти события происходили на фоне начавшегося усиленного развития востоковедения в Европе и России. Тогда же пробудился интерес к систематическому изучению архитектуры стран «классического ислама» (Сирия, Палестина, Египет, мусульманская Испания).⁴³ Российская наука в этом процессе отнюдь не отставала. Но помимо Ближнего Востока, доступного в XIX в. для европейцев, она ещё в первой половине XIX в. сумела проникнуть в крайне изолированную от мира жизнь среднеазиатских городов. Начало накоплению визуального материала по культовому зодчеству ислама Средней Азии было положено раньше, чем в Европе. В 1841 – 1842 гг. в Бухару и Хиву была отправлена миссия подполковника К.Ф. Бутенева, известная как «бухарская экспедиция 1841 года». Политических дивидендов она не принесла, но благодаря тому, что в её состав входили ориенталист Н.В. Ханыков и натуралист А.А. Леман, первой из многих торговых и политико-дипломатических миссий дала запланированные научные результаты.

43 Стародуб Т.Х. Эволюция типов средневековой исламской архитектуры... С.8.

Александр Леман, молодой учёный, будучи незаурядным рисовальщиком, делает ряд рисунков памятников архитектуры Бухары и Самарканда. До уровня научного понимания культовой архитектуры ислама он, конечно, не поднялся, слишком необычны были для него, привыкшего делать ботанические зарисовки, невиданные ранее монументальные здания. Но его рисунки – это первые в регионе бесценные иконографические документы по исламскому зодчеству. Они увидели свет спустя десять лет послужив кончины А. Лемана, умершего в Самаре на обратном пути из Оренбурга по окончании Бухарской экспедиции.⁴⁴ Для сравнения: французский путешественник и художник Жиро де Праже делает первый фотоснимок одной из главных святынь Иерусалима мечети Куббат ас-Сахра в 1844 г. Леману пришлось пережить несравнимо большие трудности и опасности. Достаточно напомнить, что 17 июля 1841 г. в Бухаре были публично обезглавлены англичане полковник Чарльз Стоддарт и капитан Артур Конноли.⁴⁵

По выходе книги А. Лемана один из действительных членов ИРГО В.В. Завьялов писал: «Обращаясь затем к Самарканду, обширной и великолепной столице Тимура в XIV веке, увидим, что и здесь Леману предшествовали весьма немногие европейцы, и что даже между азиатами, оставившими описания Самарканда, было очень мало таких, которые писали, как очевидные свидетели».⁴⁶

Благодаря этим ещё непрофессиональным рисункам А. Лемана русское общество получило наглядное представление о зодчестве ислама, всё еще ассоциируемое в России с «мавританским стилем».

В последующие годы изобразительному материалу по архитектуре и археологии Туркестана, надо сказать, недостаточному в количественном отношении и по своему научному и художественному уровню, мы обязаны военным специалистам, чаще всего топографам, умевшим более или менее профессионально рисовать и проявившим интерес к местным достопримечательностям.⁴⁷

Что касается фотоисточников по архитектуре Средней Азии, то они в России появились достаточно рано, через двадцать лет после изобретения фотографии. В деле фиксации памятников был совершён стремительный и невиданный по масштабу рывок вперёд. Первые снимки

44 [Lehman A.]. Alexander Lehman's Reise nach Buchara und Samarkand in den Jahren 1841 und 1842. – St. Petersburg: Buchdruckerei der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1852. – S.343 – 352.

45 Жуковский С.В. Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трёхсотлетие. – Пг., 1915. – С.134 (Труды Общества русских ориенталистов, №2).

46 Завьялов В.В. Исторический обзор путешествий в Бухарию. – Уфа: Губерн. типогр., 1854. – С.26.

47 Прищепова В.А. Путешественники о Средней Азии: иллюстрации периодической печати конца XIX – начала XX вв. // Радловские чтения. 2006. – СПб.: МАЭ РАН, 2006. – С.172.

7. Городище Сауран. Остатки башни. Фото А.П. Рассказова. 1981 г.
Sauran settlement. Traces of tower. Photo by A.P. Rasskazov. 1981.

памятников среднеазиатской архитектуры были сделаны артиллерийским подпоручиком А.С. Муренко,⁴⁸ прикомандированном к фотографическому отделению военно-топографического депо, сопровождавшего миссию Н.П. Игнатьева в Хиву и Бухару в 1858 г. Это первые снимки из региона. 28 фотографий А.С. Муренко, демонстрирующих научный результат миссии, в том числе снимки архитектуры, в 1859 г. были преподнесены великому князю Константину Николаевичу как председателю ИРГО. А.С. Муренко был удостоен в 1860 г. серебряной медали ИРГО.⁴⁹

48 Б.А. Голлендер называет его «лейтенантом». – См.: Голлендер Б.А. Окно в прошлое. Туркестан на старинных почтовых открытках (1893 – 1917). – Ташкент: ЛИА Р Элинина, 2002. – С.9.

49 Длужневская Г.В. Изучение памятников Средней Азии в период деятельности Императорской Археологической комиссии (1859 – 1917): (Фотографии Научного архива Института истории материальной культуры РАН) // РА. – 2008. – №3. – С.157; Голлендер Б.А. Окно в прошлое... С.9.

После этого фотография очень быстро и эффективно была задействована в научном освоении завоёванных районов юга Казахстана и Средней Азии – фотофиксация древностей в районе Средней Сырдарьи началась сразу после взятия русскими Туркестана, Чимкента и Ташкента. Разумеется, она должна была составить конкуренцию традиционным видам изобразительного искусства – рисунку, ксилографии, литографии, живописи и т.д. Однако это произошло не вдруг, технология фотографии того времени была сложна, особенно затруднительна в полевых условиях, профессиональных фотографов было ещё мало. Фотография в Туркестане некоторое время сосуществует с изобразительными формами фиксации действительности (фотоснимки в то время ещё называют «фотографическими рисунками») и вступает с ними в теснейшее взаимодействие, показательным примером чему может служить художественное оформление книги П.И. Пашино «Туркестанский край в 1866 году» (о ней чуть ниже), увидевшей свет в 1868 г., где книжная графика и фотография вполне органично увязаны в заставках некоторых глав.

«Туркестанский альбом» – триумф фотографии на окраине Российской империи. Но заметим, и после его выпуска выходили художественные альбомы по среднеазиатской тематике.⁵⁰ Ориентализм художников, работавших в Туркестане, не вышедший из руслу реалистических течений русского искусства второй половины XIX в., отчётливо сказывался на видении фотографов, создававших новый «фотографический», образ Туркестана. С другой стороны, фотография стала необходимым и эффективным инструментом для воспроизведения и тиражирования произведений художников, переводя их в плоскость книжной графики. Таковы упомянутые альбомы, своего рода синтез изобразительных форм и фотографии. Здесь сразу определилось главное для археологии и истории архитектуры качество фотографии – документальность, в то время считавшаяся синонимом научности. Субъективности видения художника, отбрасывающего «ненужные» детали и акцентирующего внимание на достойных, по его мнению, вещах, противопоставлялась беспристрастность фотокамеры, фиксирующей почти всё. Фотодокумент сразу стал ценным и объективным источником информации. Но фиксацией роль фотографии не ограничивалась. Новый способ документирования незамедлительно превращается в действенный инструмент исследования памятников архитектуры. Парадоксальным образом в фотографии проступают черты, штрихи,

50 Верещагин В.В. Туркестан. Этюды с натуры В.В. Верещагина, изданные по поручению Туркестанского генерал-губернатора на высочайше дарованные средства. 26 листов с 106 рисунками. – СПб, 1874; Виды Русского Туркестана по рисункам с натуры О.А. Федченко, исполненные Саврасовым в Москве, Сисери, Сабатье и Ламерсье в Париже. Федченко О.А. – М.: Изд-во Имп. Об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии, [между 1903 и 1913]. – 14 л.

8. Городище Сауран. Остатки крепостной стены. Фото А.П. Рассказова. 1981 г.

Sauran settlement. Traces of vallum. Photo by A.P. Rasskazov. 1981.

не фиксируемые при визуальном знакомстве с памятником, своего рода «реагент» на «оригинал» в природе. Фотоотпечаток можно рассматривать долго и внимательно, когда не всегда есть возможность вернуться к памятнику.

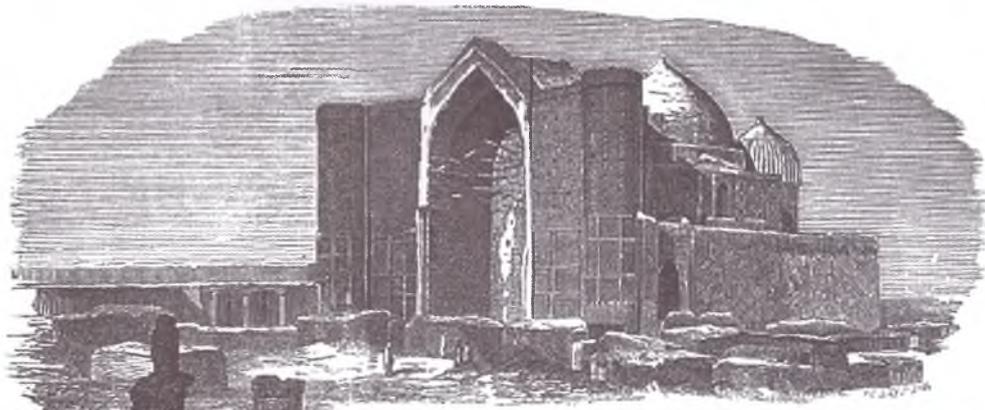
Сами фотоснимки превращаются в исторические свидетельства. Благодаря им мы имеем представление о некоторых памятниках архитектуры Южного Казахстана, уже утраченных или изменившихся от разрушений и перестроек. Что мы знали бы о знаменитых сауранских башнях – минаретах портала медресе Мир-и Араб, если бы архитектор и начинающий фотограф М.К. Приоров в 1866 г. не произвёл фотосъёмку на его руинах, снимки которых вошли позже в «Туркестанский альбом» и другие издания? Год спустя один из минаретов упал, второй в ещё в 1872 г. видел Н.А. Маев, а в 1876 г. – Шарль-Эжен Ужфальви де Мезё-Ковёзд и его супруга Мари де Ужфальви-Бурдон, но в 1878 г. рухнул и он.⁵¹

51 Пугаченкова Г.А. Сауранские башни // ТСАГУ. – 1954. – Вып.LVII. – С.163.

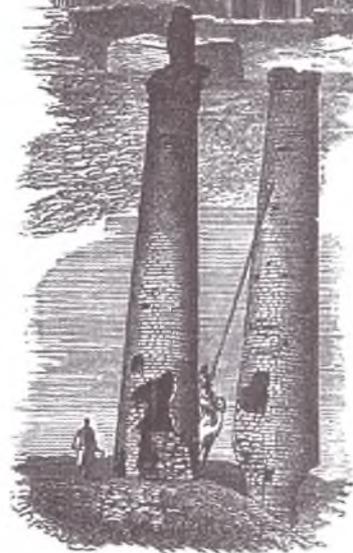
Сауран. Минареты медресе Мир-и Араб. XVI в. («Сауранские башни»). Фото М.К. Приорова. 1866 г.
Из «Туркестанского альбома». 1871 г.

Sauran. Minarets of Mir-i Arab medrese. 16th century («Sauran towers»). Photo by M.K. Priorov. 1866.
From «Turkestan Album». 1871.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Г. ТУРКЕСТАНЪ.

звуренному чловѣку приличествовалъ бы болѣе всего отдыхъ послѣ такого продолжительнаго пути; а намъ доводилось идти сажень триста между двумя высокими стѣнами, чтобъ признаться сказать, въ дорожныхъ саноггахъ не очень-то выгодно. Потомъ мы увидѣли ворота съ часовымъ на нихъ и съ грибомъ изъ камыша вмѣсто будки, подъ который часовой прячется отъ солнца. Мы вошли въ ворота, прошли сажень пятьдесятъ, поднимаясь на гору, и увидѣли лачужни, носившія характеръ казенной постройки. Мы попросили находившихся тутъ солдатъ, не зная, что случилось съ нашимъ тарантасомъ, помочь Ивану собрать вещи. Тѣ охотно кинулись къ воротамъ, а мы прошли дальше. Передъ нами высилась еще стѣна, содержащая въ себѣ останки Ахмеда Ясаві. Лиція зданій шла налѣво, и въ концѣ ея ходилъ часовой. Мы пошамъ туда, чтобы спросить солдата, гдѣ живетъ комендантъ. Комендантъ тутъ и жилъ, и часовой, какъ оказалось, ходилъ около его квартиры. Мы вошли къ коменданту и рекомендовались.

— А, про насъ говорилъ мнѣ генералъ, — обратился ко мнѣ комендантъ. — Вы, должно быть, художникъ?

— Нѣтъ, я не художникъ, — отвѣчалъ я.

— А гдѣ же ваши вещи? — спросилъ комендантъ.

— Да вотъ съ нами случилось несчастіе: тарантасъ сломался при вѣздѣ въ городъ. Мы послали туда солдатъ помочь нашему чловѣку управиться.

— И они пошли?!!

Заставка к главе шестой «Г. Туркестан» из книги П.И. Пашино «Туркестанский край в 1866 году». 1868 г. Рис. В. Крюкова, гравёр А. Даугель (по фотографіямъ М.К. Приорова. 1866 г.).

Headpiece to the 6th chapter «City of Turkestan» from the book of P.I. Pashino «Turkestan region in 1866». 1868. Picture by V. Kryukov, engraver A. Daugel (on the photos by M.K. Priorov. 1866). Two photos of M.K. Priorov – «Sauran towers» and mausoleum of Khoja Akhmed Yassawi – are in the base of composition.

Помимо документирования в фотографии заложены возможности систематизации огромного неоднородного материала. С её помощью также можно классифицировать памятники архитектуры по типам, композиции, назначению и т.д. Об этом можно судить по отбору объектов съёмки для «Туркестанского альбома».

В современной специальной литературе имеет место крайне тенденциозная оценка «Туркестанского альбома» в духе обличения «имперского» прошлого. Однако это не совсем «репрезентативно-глянцевый экспортный образ русского Туркестана». ⁵² «Туркестанский альбом» – издание дорогое, но не помпезное. Хотя экземпляры альбома подносились высочайшим особам, оформление его отнюдь не подарочное – ни бархатов, ни сафьянов, ни золотых обзоров. Некоторые другие последующие издания по Туркестану будут изготовлены с несравнимо большим полиграфическим изыском. «Постимперский» взгляд намеренно затеняет лучшие качества этого проекта, главным образом его научно-исследовательскую направленность и значение как исторического источника.

Годы его создания совпали со становлением фотографии как научного метода в исторических науках. Видовые альбомы выходили в России до и после воплощения кауфманского проекта. Существовали альбомы Алтайский, Амурский, Уральский... Почему же именно «Туркестанский альбом» получил столь широкий общественный резонанс (несмотря на то, что существовал всего в нескольких экземплярах) и научное признание в России и Европе? Вероятно, потому что помимо политических дивидендов и представительских целей он решал и научно-познавательные задачи. Погружение в исчезающую действительность малоизученного региона было максимально полным и выявило массу интересного материала. И за ним ощущается явственно историческая ретроспекция. Особенно это видно по археолого-архитектурной части альбома. Фиксация памятников археологии и архитектуры представляется наиболее объективной составляющей этого издания в историческом отношении.

«Туркестанский альбом» в окончательном своём варианте, насчитывающем пять экземпляров, состоял из четырёх отделов: этнографического (2 тома), археологического (2 тома) и однотомных промыслового и исторического. ⁵³ «Исторический» том, пожалуй, и есть парадная часть издания. В нём преобладают групповые снимки и портреты участников туркестанских походов, офи-

⁵² Горшенина С. Крупнейшие проекты колониальных архивов России: Утопичность тотальной туркестаники генерал-губернатора Константина Петровича фон-Кауфмана // *Ab imperio*. – 2007. – №3. – С.5.

⁵³ Там же. С.36, 37 (прим.).

церов и солдат, отличившихся при взятии Аулие-Аты, Туркестана, Чимкента и Ташкента, в делах под Ак-Булаком и Иканом, георгиевских кавалеров, в том числе и из числа «киргизской» милиции, оказывавшей содействие генералу Черняеву. Все откровенно позируют, некоторые в картинных позах. По сравнению с этим много сложнее было изготовление промысловой и, в особенности, этнографической частей. Наблюдать жизнь народов и схватывать её интересные моменты при наличии стационарной фотокамеры и съёмке на длительных выдержках было очень затруднительно. Даже в наше время постановочная этнографическая фотография используется как научный метод. Тогда же она во многом была неизбежна. Элемент «режиссуры», некоторая искусственность отдельных снимков ощутима. Во всяком случае картинка на краткое время должна быть остановлена. Ещё сложнее было преодолеть страх мусульман перед запретом Корана на изображение человека. Эту ситуацию очень ярко описал А.К. Гейнс после посещения Карнака под г. Туркестаном: *«П[риорову], бывшему с нами, пришла мысль снять нас всех. Первая фотография была неудачна, тем не менее не было конца удивлениям правоверных, когда они увидели себя и всех нас на стекле. Восхищениям и смеху не было конца. Но когда нужно было позировать вторично, большинство публики разбежалось. Когда кого-либо приглашали в группу, он убегал с испуганным лицом, так что в группе участвовали только смелейшие. Она вышла очень хорошо»*.⁵⁴

Большинство представителей местного населения позировали (особенно для отображения местных типов народностей) по принуждению, либо за деньги. Эти затруднения усиливались при изображении женских типажей, поскольку у многих народов Средней Азии женщины не могли показываться при постоянных с открытым лицом.⁵⁵

Таким образом, при всей фактологической насыщенности, безусловной исторической и этнографической достоверности, их точности и правдивости, данным отделам альбома в известной степени присущи условность, подчёркнутый экзотизм и некоторая театрализованность.

54 Гейнс А.К. Путешествие в Туркестан: Дневник 1866 года // Собр. литер. трудов: В 3-х тт. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича. 1898. – Т.II. – С.304 – 305.

55 Тем не менее на большинстве фотографий женщины сняты с открытыми лицами и иногда без головных уборов. Для этнографических фотографий в качестве моделей, демонстрирующих костюмы, украшения, музыкальные инструменты и т.д., а также для антропологических таблиц привлекались проститутки. – См.: Абашин С. Власть и фотография: визуальная репрезентация в имперской рамке // Неприкосновенный запас. – 2012. – № 4 (84). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2012/4/a13-pr.html>; Прищепова В.А. Центральная Азия в фотографиях российских исследователей (по материалам иллюстративных коллекций МАЭ РАН) // Центральная Азия: Традиция в условиях современности. – СПб.: Наука, 2007. – Вып. I. – С.228.

9. Туркестан. Часть города «Базар-Баши». Фото из «Туркестанского альбома». 1871 г.
Turkestan. «Bazar-Bashi» quarter. Photo from «Turkestan Album». 1871.

Археологическая часть альбома с большей степенью реальности отражает существовавшую действительность. В особенности это относится к архитектуре, которая, как это отмечалось исследователями, составляет большую часть альбома.⁵⁶

Историчность этих снимков во многом обусловлена самими объектами съёмки. Памятник архитектуры сам по себе комплексный исторический источник, содержащий многообразную информацию. Он тесно связан с обществом, культурой, эпохой, в которую был создан. Архитектура, помимо того, что аккумулирует в себе идеи, представления своего времени, ещё есть самое материальное из

56 Абашин С. Власть и фотография: визуальная репрезентация в имперской рамке // Неприкосновенный запас. – 2012. – № 4 (84). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2012//4/a13-pr.html>; Длужневская Г.В. Историко-археологическое наследие Азиатской России в фотографиях русских исследователей второй половины XIX – первой половины XX века (по фондам научного архива Института истории материальной культуры Российской Академии наук): Автореферат дисс. ... д-ра ист. наук. – СПб., 2008. – С.15.

всех искусств. Об этом коротко, но замечательно сказал выдающийся учёный, архитектор и реставратор среднеазиатской архитектуры Б.Н. Засыпкин: «...материальная сущность памятника является неопровержимым историческим фактом».⁵⁷ Архитектура – конкретная реальность.⁵⁸ Фотограф, художник (впрочем, и рядовой зритель) минимально воздействуют на неё – может выбрать ракурс, освещение, время съёмки... Архитектуру меняют только время и воля человека, разрушительная или созидательная. Этот процесс часто бывает очень длительным.

«Туркестанский альбом» – ценнейшее свидетельство по средневековой архитектуре Южного Казахстана, имеющее мало аналогов. В качестве такового можно назвать английское издание 1859 года, иллюстрирующее памятники исламской архитектуры в Индии. В альбом, состоящий из 83 листов, включены мусульманские мавзолеи и мечети XVI в., находящиеся в Биджапуре (Южная Индия).⁵⁹ Он выпущен по редакции Джеймса Фергюссона. Это также «колониальный проект», осуществлённый под покровительством и на средства Ост-Индской компании. Общее руководство проектом принадлежало Фреру Генри Барту, английскому политическому деятелю. Подобно К.П. фон-Кауфману, он играл в своей колонии роль «покорителя» и «устроителя»; будучи в ранге верховного комиссара, он налаживал управление приобретённой колонией, вводил новые культуры, улучшал санитарные условия, строил дороги, заводил школы. Издание «индийского» альбома было, как и в Туркестане, частью «цивилизаторской» миссии, но в то же время оно приобрело и научный вес. Но в «Туркестанском альбоме» архитектура была обширной, но не единственной областью. Он показывал широкую панораму истории и жизни завоеванного края. Лондонское же издание узко-направленное, сугубо *архитектурное*. Фотография не была задействована, что, наверное, и сузило возможности издателей. В индийский альбом включены обмеры и рисунки выдающихся памятников зодчества ислама в Биджапуре, выполненные местными индийскими рисовальщиками под руководством гражданского инженера Александра Камминга.⁶⁰

57 Цит. по: Горшенина С. Об изучении искусства Средней Азии (деятельность историка, архитектора и реставратора Бориса Засыпкина) // Пути и перепутья: Материалы и исследования по отечественному искусству XX века. – М., 1999. – С.99.

58 Виппер Б.Р. Введение в историческое изучение искусства. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Изобр. искусство, 1985. – С.216.

59 *Architektural illustrations of the principal mahometan buildings of Beejapore: Executed under the direction of Bartle Frere esq. B.C.S., resident at Saattara, by capt. Philip D. Hart b.e. assisted by Alex. Camming, civil engineer, and nanive drafismen*. Edited by James Fergusson. – London: Cundall and Downes. – 83 sh.

60 Стасов В.В. Фотографические и фототипические коллекции Императорской Публичной библиотеки. – СПб., 1885. – С.64 – 66.

Альбом Барта поступил в Императорскую Публичную библиотеку и, вероятно, был известен А.Л. Куну, готовившему археологическую и этнографическую части «Туркестанского альбома». Когда предполагалось в Ташкенте изготовить альбом «не хуже индийского...», полагаем, имелось в виду именно это издание.

В первое десятилетие XXI века история создания «Туркестанского альбома» достаточно хорошо изучена российскими и западными учёными.⁶¹ Мы коснёмся её в той мере, в какой она будет относиться к истории изучения средневековой архитектуры Южного Казахстана.

Все авторы единодушны в том, что замысел «Туркестанского альбома» целиком принадлежит Туркестанскому генерал-губернатору К.П. фон-Кауфману. Но можно сказать и так: эта идея возникла среди военно-политической и культурной элиты Оренбурга и Ташкента ещё до образования Туркестанского генерал-губернаторства. К.П. фон-Кауфман её воспринял и осуществил, имея для этого соответствующий административный ресурс и необходимые средства. В 1866 г. из Оренбурга в Ташкент проследовал полковник А.К. Гейнс в составе комиссии министерств военного и внутренних дел для выработки законодательства по управлению завоёванными областями. Эта поездка во многом носила характер историко-этнографической экспедиции. В 1867 – 1869 гг. А.К. Гейнс занимал должность правителя канцелярии Туркестанского генерал-губернатора, одно время был военным губернатором Туркестанской области.⁶² Он отметил в своём дневнике: «В Уральском укреплении мы нашли Приорова с фотографией. Я очень рад этому, потому что буду иметь альбом хоть с части степи».⁶³

Во всяком случае идея большого фотоальбома возникла не вдруг.

Некоторое время считалось, что создание «Туркестанского альбома» было приурочено к открытию Политехнической выставки в Москве в 1872 г., посвящённой 200-летию Петра I.⁶⁴ Туркестанский отдел Политехнической выставки готовился по инициативе К.П. фон-Кауфмана и частично на его средства при участии

61 См. ссылки на литературу и материалы ЦГА РУз. в статье С.М. Горшениной. – Горшенина С. Крупнейшие проекты колониальных проектов России... С.31 – 47; также: Длужневская Г.В. Историко-археологическое наследие Азиатской России в фотодокументах второй половины XIX – первой половины XX вв. ... С.15 – 16; Прищепова В.А. Иллюстративные коллекции по народам Центральной Азии конца XIX – начала XX века (Из собрания МАЭ РАН) // Культурное наследие Центральной Азии, Казахстана и Кавказа. – СПб.: Наука, 2006. – С.220 – 222 (Кусткамера, Сборник МАЭ РАН, Т.52); Вишневецкая В.А. Фотоальбом 1874 г. по этнографии Средней Азии в собрании МАЭ // Краткое содержание докладов среднеазиатско-кавказских чтений. Май 1989 г. – Л., 1990. – С.56 – 58 и др.

62 [Маслова О.В., сост.]. Обзор путешествий и экспедиций в Среднюю Азию. Материалы к изучению истории Средней Азии. Ч. II: 1856 – 1869. Материалы к библиографии. Вып. VII. – Ташкент: Изд-во САГУ, 1956. – С.102.

63 Гейнс А.К. Путешествие в Туркестан... С.214.

64 Длужневская Г.В. Историко-археологическое наследие Азиатской России в фотодокументах второй половины XIX – первой половины XX века... С.8.

Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Подготовка велась в Ташкенте с марта 1872 г. по сентябрь 1872 г.⁶⁵ В этот же период, благодаря привезённым А.Л. Куном из Петербурга фотоматериалам несколько военных и профессиональных фотографов ведут съёмку всех местностей Средней Азии, подконтрольных русским силам.⁶⁶ Эти поистине тотальные фотосъёмки были частью большой исследовательской и собирательской программы, связанной прежде всего с выставочной деятельностью. На Туркестанской выставке 1869 года и Московской этнографической выставке 1867 года Туркестанский край был представлен вещественным и изобразительным материалом, в том числе и по югу Казахстана.⁶⁷

На Московской этнографической выставке 1867 г. демонстрировались фотографии М.К. Приорова, собранные в альбом. Этот альбом, мало известный даже в научных кругах, предшествовал капитальному труду Куна-Кауфмана. Начало ему дали фотографии, сделанные М.К. Приоровым в 1866 г. в южноказахстанских степях, укреплениях, городах, на древних развалинах. Подтверждение этому мы нашли в «Дневнике 1866 года» А.К. Гейнса: *«Чуть свет мы поднялись и отправились верхами к развалинам древнего Саурана. Приоров отправился туда в тарантасе с тем, чтобы снять с помощью своей фотографии всё интересное. Здесь кстати [надо] заметить, что тарантас у него был приспособлен так, чтобы можно [было] работать на походе. Хотя опыты, произведённые им до сих пор, довольно неудачны, тем не менее есть ещё надежда, что он будет в состоянии составить интересный альбом нашего путешествия. Крыжановский⁶⁸ приказал дать по экземпляру этого альбома каждому члену комиссии».*⁶⁹

Для «Туркестанского альбома» работали несколько фотографов. Чаще называют имена Н.Н. Нехорошева, Г.Е. Кривцова, Н.В. Богаевского, М.И. Бродовского. С.М. Горшенина включает в этот список А.Л. Куна и М.К. Приорова.⁷⁰ Фотографии М.К. Приорова являются первыми по времени создания, которые были включены в «Туркестанский альбом». До этого они публиковались и в других изданиях. Несмотря на то, что они, как правило, были подписаны, об их авто-

65 Прищепова В.А. Иллюстративные коллекции по народам Центральной Азии конца XIX – начала XX века... С.220.

66 Горшенина С. Крупнейшие проекты колониальных архивов России... С.32 – 33, 34.

67 Там же. С.33.

68 Крыжановский Н.А. (1818 – 1888), генерал-адъютант, с 1865 г. Оренбургский генерал-губернатор. Ему была тогда подчинена Туркестанская область, В июне 1866 г. также следовал в Ташкент, где возглавил военные действия против Бухары.

69 Гейнс А.К. Путешествие в Туркестан... С.263 – 264.

70 Горшенина С. Крупнейшие проекты колониальных архивов России... С.34.

10. Туркестан. Часть города «Ходжалык». Фото из «Туркестанского альбома». 1871 г.
Turkestan. «Khodzhalyk» quarter. Photo from «Turkestan Album». 1871.

ре ничего не было известно. Его можно считать первым фотографом, работавшим в Южном Казахстане. Он, судя по свидетельству А.К. Гейнса, делал первые шаги в фотографии. М.К. Приоров (ок. 1840 – после 1902),⁷¹ судя по всему, был человеком выдающихся способностей. П.И. Лерх упоминает о нём с оттенком уважительности.⁷² Сведения о Приорове очень скудны. Михаил Капитонович Приоров был военным инженером. Закончил Николаевскую инженерную академию. В чине поручика руководил своим участком инженерно-земляных работ при взятии в 1866 г. Джизака под командованием Н.А. Крыжановского. После службы в Оренбурге и Туркестане работал в Санкт-Петербурге. Владел там техническим бюро. Построил в столице ряд доходных домов. Дослужился до полковника. Неизвестно, вышел он

71 Эти даты относительны. Некоторые архитектурно-биографические словари указывают конкретную дату рождения – 1842 год, а год смерти неизвестен. Но последняя его постройка датируется 1908 годом.

72 Лерх П.И. Археологическая поездка в Туркестанский край в 1867 году... С.12.

в отставку или был разжалован (его называют «бывшим полковником»), но был он сослан на поселение в Томск, где по разрешению губернатора (с 1885 г.) построил колокольню архиерейского дома, руководил строительством домово́й церкви архиерейского дома.⁷³ В Томске он, вероятно, прожил недолго, потому что известен ряд его церквей, построенных в 1890 – 1900-х гг. в Подмосковье. В 1897 г. основал Первые Московские строительные курсы (курсы Приорова), готовившие специалистов-строителей низшего руководящего звена (нынешний МГСУ).⁷⁴ Возможно, он был потомственным строителем: на родовом гербе Приоровых помещён топор. Не отсюда ли его литературный псевдоним М. Топорский?⁷⁵ Во время путешествия в Ташкент он был ещё довольно молодым человеком, что позволило А.К. Гейнсу писать о нём в тоне некоторого пренебрежения (впрочем, как и о других своих спутниках, часто обозначая их фамилии одной начальной буквой). О том, что Приоров был архитектором, А.К. Гейнс упоминает при описании главного купола мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави в Туркестане: *«Плафон купола из лепной алебастровой работы сделал бы честь любому европейскому архитектору. П[риоров], учившийся архитектуре и надоевший уже мне рассказами про алгебру, которую он, как говорит, изучал до мелочей, пояснил, что купол чисто мавританского стиля. Это, впрочем, было видно и без его учёных комментариев»*.⁷⁶

О причастности Приорова к началу археологического изучения Южного Казахстана упоминает Н.С. Лыкошин. Он пишет, что П.И. Лерха в его известной археологической поездке в Туркестан в 1867 г. сопровождал адъютант Оренбургского генерал-губернатора М.К. Приоров. Вряд ли ориенталист Лерх нуждался в услугах адъютанта, молодой офицер, вероятнее всего, нужен был в качестве фотографа или рисовальщика. В конце 1867 г. на общем собрании ИРГО были показаны рисунки древностей Джанкента, сделанные М.К. Приоровым.⁷⁷

73 Залесов В.Г. Архитекторы Томска (XIX – начало XX века). – Томск: Изд-во Томского Гос. архитектур.-строит. ун-та, 2004. – С.65, 123.

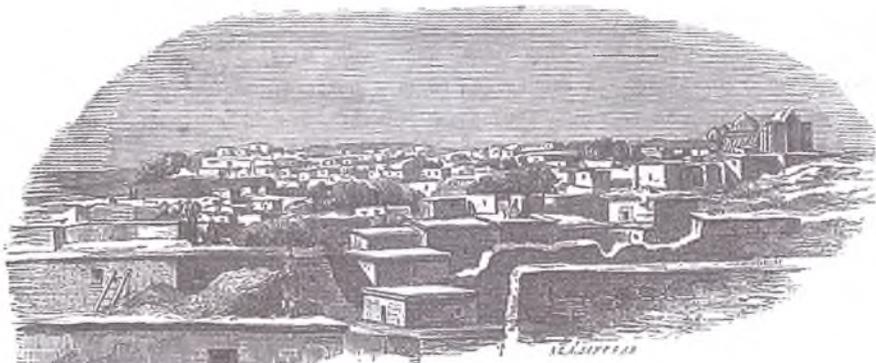
74 Московский государственный строительный университет [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ru.Wikipedia.org/wiki/Московский_государственный_строительный_университет.

75 В 1908 г. вышел его поэтический сборник с рисунками участника туркестанских и хивинских походов художника Н.Н. Каразина. – Топорский М. Стихотворения. – М., 1908. – 320 с. Был замечен Л.Н. Толстым. Известны и другие его литературные произведения и псевдонимы. – См.: Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, учёных и общественных деятелей: В 4-х тт. , М.: Всесоюз. кн. палата, 1958. – Т.3. – С.172. Написал несколько книг по архитектурно-инженерной тематике под своим именем.

76 Гейнс А.К. Путешествие в Туркестан... С.272.

77 Лыкошин Н. Очерк археологических изысканий в Туркестанском крае до учреждения Туркестанского кружка любителей археологии // Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского кружка любителей археологии. Историко-культурные памятники Казахстана / Авт. предисл. и сост. М. Елеуов, М.М. Бахтыбаев. – Туркестан: Туран, 2011. – С.18 – 29.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

ОТЪ ТУРКЕСТАНА ДО ЧИМКЕНДА.

азынное море грязнѣе небольшимъ ображѣе остановило насъ на пѣвоторое время. Тройка не могла вытянуть телѣги, ужъ ямщикъ бился и такъ и сякъ.

— Пошелъ на станцію, переѣхавъ лошадей, сардился я. — Ай, турки, на станціи лошади еще хуже; нечего туда и посылать. Вотъ нельзя ли у кого-нибудь изъ казаковъ взять лошадей, — говорилъ растерявшійся кнргазенокъ.

Я обратился къ казакамъ; одинъ изъ сибирскихъ казаковъ далъ своей лошади, и тройка свободно вывезла телѣгу изъ грязи.

— Откуда эта поганая грязь? — спросилъ я.

— Арыкъ прорвало, — отвѣчалъ ямщикъ.

Нужно замѣтить, что немного выше здѣсь протекаетъ одинъ изъ значительнѣйшихъ арыковъ и дѣлится на два русла. Большая часть воды течетъ въ другомъ направленіи, а меньшая проходитъ здѣсь. Размыло плотину, и вода потекла сюда. Арыкъ уже былъ исправленъ, но здѣсь вода не просохла, скопившись въ ямкѣ.

Выѣхавши за городъ, я оглянулся на Туркестанъ. Азретъ-Султанъ красовался во всемъ своемъ величїи. Длинная лѣвнѣ стѣны обхватывала весь городъ. Должно быть правду говорилъ комендантъ, что если бухарцы нападутъ на Туркестанъ, то ему трудно будетъ защищать городъ, такъ какъ приходился одинъ солдатъ на пятьдесятъ сажень стѣны; ему оставалось бы только запереться въ цитадели и выжидать, да и тамъ было трудновато, потому что одинъ солдатъ приходился на семнадцать сажень; всего же войска было въ распоряженіи коменданта до трехъ сотъ человекъ, изъ которыхъ пятьдесятъ казаковъ находились постоянно въ разъѣздахъ, въ конвоированіи транспортовъ и т. п.

Туркест. край.

10

Заставка к главе седьмой «От Туркестана до Чимкенда» из книги П.И. Пашино «Туркестанский край в 1866 году».

Рис. В. Крюкова, гравёр А. Даугель (по рисунку Д.В. Вележева. 1866 г.).

Headpiece to the 7th chapter «From Turkestan to Chimkend» from the book of P.I. Pashino «Turkestan region in 1866».

Picture by V. Kryukov, engraver A. Daugel (on the picture by D.V. Velezhev. 1866).

Работы Приорова, несомненно, были известны археологам. П.И. Лерх в своей работе, написанной по результатам поездки 1867 г., отмечает приоровские фотографии памятников архитектуры Саурана, сделанные в 1866 г., и рисунки мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави в Туркестане в книге П.И. Пашино «Туркестанский край в 1866 году», выполненные по фото М.К. Приорова.⁷⁸ Немного позднее он дал оценку и «Туркестанскому альбому».⁷⁹

На книге Пашино⁸⁰ считаем нужным задержать внимание. Некоторые западные исследователи (Хитер С. Зоннтаг, США) считают, что часть альбома Приорова вошла в книгу Пашино.⁸¹ Это утверждение не стоит воспринимать буквально – лишь некоторые фотографии были *использованы* в переработанном виде в ее оформлении. Издание этой книги также косвенным образом повлияло на сложение «Туркестанского альбома». Сама по себе она является ценнейшим литературным и визуальным источником по истории, этнографии и средневековой архитектуре Южного Казахстана. Оформление этой, одной из лучших для второй половины XIX в. в полиграфическом отношении книги, даёт великолепный синтез фотографии и книжной графики. Она положила начало иконографии памятников архитектуры Средней Сырдарьи, до того известной, так сказать, на «вербальном уровне», по очень скудным упоминаниям в периодической печати.

Исходным материалом для иллюстрирования книги Пашино стали рисунки и этюды молодого художника-пейзажиста Д.В. Вележева, окончившего Императорскую Академию художеств в 1866 г. и сразу же отправившегося в неведомый Туркестан,⁸² и фотографии его ровесника, военного инженера М.К. Приорова.

Упомянутой поездке А.К. Гейнса в Ташкент предшествовала экспедиция, которую возглавил флигель-адъютант граф И.И. Воронцов-Дашков (ему Пашино посвятил свою книгу), командированный в Ташкент для расследования некоторых неблагоприятных действий генерала Черняева. При нём состоял П.И. Пашино, драгоман⁸³ Азиатского департамента Министерства внутренних дел.⁸⁴ Эта ко-

78 Лерх П.И. Археологическая поездка в Туркестанский край в 1867 году... С.12, 26.

79 Лерх П.И. О Туркестанском фотографическом альбоме // ИИРГО. – 1874. – Т.Х. – Вып.2. – С.97 – 99.

80 Пашино П.И. Туркестанский край в 1866 годц: Путевые заметки. – СПб.: Типогр. Тиблена и К (Неклюдова), 1868. – 179 с., ил., карт.

81 Горшенина С. Крупнейшие проекты колониальных архивов России... С.33.

82 Дмитрий Васильевич Вележев (1841 – 1867), классный художник 3-й степени. О нём см.: Ёлгин Ю.А. Первый художник в Чимкенте // Культурное наследие Южного Казахстана: Сборник статей, посвящённый 80-летию Южно-Казахстанского областного историко-краеведческого музея. – Шымкент, 2002. – С.158 – 162.

83 **Драгоман** – переводчик при дипломатических представительствах и консульствах в странах Востока.

84 Лунин Б.В. Историография общественных наук в Узбекистане: Биобиблиографические очерки. – Ташкент: Фан, 1974. – С.273.

мандировка также носила во многом научный характер. На Пашино возлагались обязанности «сбора всех необходимых научных и других сведений о Туркестане и соседних среднеазиатских ханствах». Такие же задачи стояли и перед художником Д.В. Вележевым, ехавшим вместе с Пашино.

Пётр Иванович Пашино (1838 – 1891) был личностью незаурядной. Литератор. Путешественник. Востоковед. Был не чужд археологии – известны его полевые изыскания в Булгарах Казанской губернии.⁸⁵ Имел убеждения прогрессивные, нрав независимый. Потому, отбив из Оренбурга в феврале 1866 г, уже в июне того же года был выслан военным губернатором Туркестанской области генералом Д.И. Романовским из Ташкента «как человек неблагонадёжный, вредный для службы в Туркестанской области».⁸⁶ За три месяца своего путешествия и пребывания в Ташкенте П.И. Пашино успел собрать материал, набраться впечатлений и быстро написал книгу «Туркестанский край в 1866 году». По мнению Б.В. Лунина, она была одним из первых (едва не первым) описаний Туркестанского края в период его включения в состав Российской империи.⁸⁷

Для иллюстрирования и оформления книги Пашино был использован далеко не весь, но значительный материал, созданный Д.В. Вележевым в их совместном путешествии. Художник А.В. Гине, соученик Д.В. Вележева по классу пейзажной живописи в Академии художеств, исполнил по его рисункам и живописным работам около двадцати литографий.⁸⁸ Книгу украсили также 35 заставок и концовок, гравированных на дереве А. Даугелем по рисункам В. Крюкова с набросков Вележева.

Литографии изображали виды Туркестана, Чимкента, Ташкента, Ходжента. Полностью они вошли не во все экземпляры книги Пашино. Они были помещены в виде вклеек, расположенных произвольно. Эти листы выполнены в технике так называемой «литографии с тоном», когда основной рисунок напечатан тём-

85 Там же. С.272.

86 Ёлгин Ю.А. Первый художник в Чимкенте... С.160.

87 Лунин Б.В. Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане. Туркестанский кружок любителей археологии (1895 – 1917 гг.). – Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1958. – С.255.

88 **Литография** – специфический вид тиражной графики, способ плоской печати, при котором отиски получаются переносом краски под давлением с плоской (нерельефной) печатной формы непосредственно на бумагу. Печатной формой служит гладкая (для воспроизведения перовой графики) или зернистая (для воспроизведения карандашного рисунка) поверхность камня (известняка), на которую наносится изображение жирной тушью (кистью или пером) или жирным литографским карандашом. Вслед за травлением камня кислотой, воздействующую на непокрытую жиром поверхность, рисунок смывают, взамен наносится типографская краска, которая пристаёт лишь к непротравленным частицам камня. Печатание производят на специальном станке. В полиграфии в 1930-х гг. литография была вытеснена современными видами печати. Литографский способ печати отчасти также был задействован в оформлении «Туркестанского альбома».

ной краской, а сверху он покрывается светло-серым и охристым цветом; кое-где изображение оживляют белые блики (на некоторых видах Ташкента небо окрашено бирюзовым тоном).⁸⁹ По сути – это цветной литографический эстамп.⁹⁰ Все наклейки были отпечатаны в Петербургской мастерской «Литография Беккера и К», о чём свидетельствуют надписи на них.

В предисловии П.И. Пашино писал: «Выпуская первую книгу моих трудов в таком изящном виде, я обязан выразить благодарность сотрудничеству покойного Д.В. Вележева, **все рисунки которого находились в моём распоряжении**» (выделено нами – Авт.).⁹¹

Однако при более внимательном рассмотрении выясняется, что не все рисунки Вележева попали в книгу Пашино. Прежде всего это относится к изображениям самых известных памятников архитектуры - Саурана и г.Туркестана. На одной из вклеек помещено изображение туркестанского базара, литографированное по рисунку Вележева. Вид мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави с юго-запада (в подписи ошибочно указано – с востока) литографирован с фотографии М.К. Приорова, сделанной также в 1866 г., но позже вележевских этюдов. Он также выполнен в технике «литографии в тоне» и мало отличается от других литографий, сделанных с художественных оригиналов. Мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави М.К. Приоров сфотографировал и с другой, юго-восточной стороны. По этому снимку А. Даугелем была гравирована заставка⁹² к главе шестой книги Пашино «Г. Туркестан».⁹³ Заставка скомбинирована с инициалом, начинающим главу. Инициалы⁹⁴ в книге Пашино художественно осмыслены и обыграны местами весьма изобретательно – каждая буква получает какую-либо реальную изобразительную форму. В данном случае в конструкции начальной буквы «И» роль основных вертикальных штрихов (штамбов) играют изображения минаретов сауранского медресе Мир-и Араб. Наклонный соединительный штрих между

89 Чабров Г.Н. Средняя Азия в литографии: (К 150-летию со дня изобретения литографии) // Звезда Востока. – 1946. – №6. – С.94.

90 **Эстамп** – литографский или гравюрный отпечаток, являющийся станковым производением художественной графики.

91 Пашино П.И. Туркестанский край в 1866 году... С.[II].

92 **Заставка** – небольшая орнаментальная или изобразительная композиция, иногда сюжетная, выделяющая и украшающая начало какого-либо раздела рукописной или печатной книги или журнала. В заставку может вписываться название раздела.

93 На это прямо указывает П.И. Лерх: «Рисунок с туркестанской мечети, резанный на дереве по фотографии М.К. Приорова, опубликован в вышеприведённом сочинении г. Пашино (Туркестанский край в 1866 г.) на стр. 63. – См.: Лерх П.И. Археологическая поездка в Туркестанский край в 1867 году... С.16.

94 **Инициал** – в искусстве книги укрупнённая заглавная (начальная) буква какого-либо раздела рукописной или печатной книги. Инициалы иногда превращаются в иллюстрации.

ними представлен в виде цепи между минаретами, описанной в мемуарах Зайн ад-Дина Васифи (XVI в.) как «одно из чудес мира».⁹⁵

Основой этой композиции послужил снимок, сделанный М.К. Приоровым во время его совместного с А.К. Гейнсом посещения Саурана 25 августа 1866 г. Концовка⁹⁶ главы о Туркестане также изображает развалины Саурана. Гравирована она не по фотографии, а по рисунку Д.В. Вележева. Следующая седьмая глава книги Пашино «От Туркестана до Чимкенда» полностью оформлена по вележевскому материалу. На заставке дана панорама г. Туркестана с юго-западной стороны с мавзолеем Ходжи Ахмеда Ясави на заднем плане. В концовке использован рисунок мавзолея Рабиги Султан-Бегим в г. Туркестане.

Вышеописанные и другие фотографии М.К. Приорова вошли в 1871 г. в «Туркестанский альбом». Судьба среднеазиатского материала Вележева неизвестна. Скорее всего, после смерти П.И. Пашино в 1891 г. он был полностью утрачен.

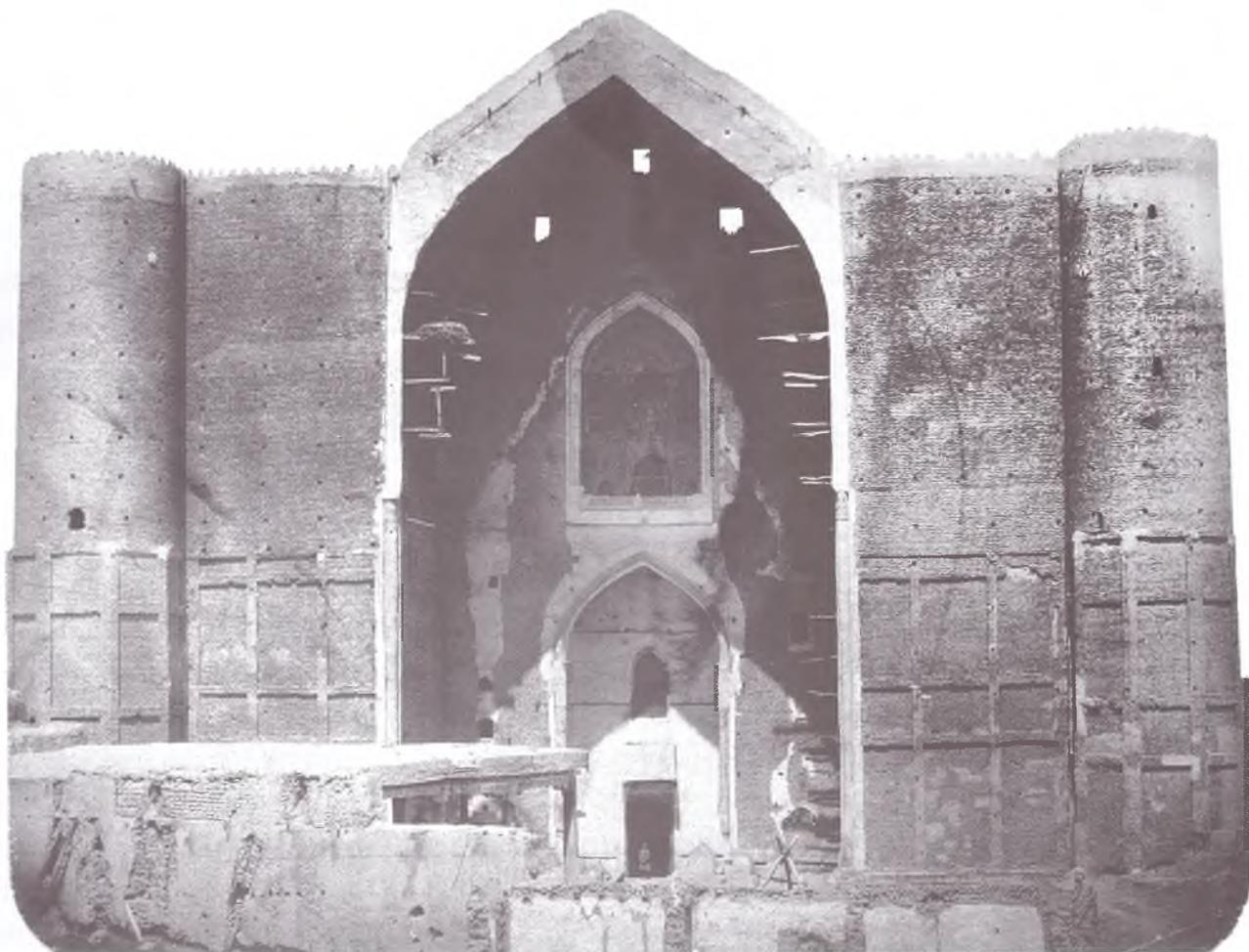
Между тем известно, что Д.В. Вележевым был сделан подробный рисунок мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави, изображающий его с юго-востока. Он почти идентичен фотографии М.К. Приорова. Сказался профессионализм художника и архитектора, и оба выбрали одну, наиболее оптимальную точку обзора памятника. Различия в деталях всё же имеются. На рисунке Д.В. Вележева на переднем плане теснятся несколько саманных строений с плоскими кровлями, типичных для среднеазиатских городов. Ко времени приезда М.К. Приорова в г. Туркестан часть их была заменена казарменными помещениями с большими прямоугольными окнами и застеклёнными оконными переплётами, выстроенными русскими солдатами.

Полагаем, что рисунок мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави не попал в книгу Пашино потому, что в июне или июле 1866 г. был использован рядом периодических изданий. Это неудивительно. Он являлся сенсационным для того времени, так как памятники зодчества Самарканда и Бухары и другие архитектурные сокровища Средней Азии российской общественности практически были неизвестны. В середине 1860-х гг. мавзолей Ясави был самым масштабным и значительным в архитектурно-художественном отношении памятником мусульманской Средней Азии, доступным для осмотра и изучения.

С этого рисунка Вележева был сделан ряд компилятивных композиций, выполненных в технике гравюры на дереве.

95 Подробней об этом в следующем разделе нашей книги. – Авт.

96 **Концовка** – графическая композиция, орнаментальная или изобразительная, завершающая и украшающая книгу, либо её раздел.

11. Мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави. Главный портал. Фото из «Туркестанского альбома». 1871 г.
Mausoleum of Khoja Akhmed Yassawi. Main entrance. Photo from «Turkestan Album». 1871.

При атрибуции изображений мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави, сделанных как с художественных оригиналов, равно как и с фотографий, возникают некоторые затруднения. Под одинаковыми, казалось бы, картинками стоят разные авторские подписи (иногда до трёх-четырёх). Объясняется это полиграфическими возможностями того времени. Воспроизведение в печати возможно было в виде гравюры на дереве – ксилографии.⁹⁷ Поэтому под такими иллюстрациями ставилось сначала имя художника, автора ис-

⁹⁷ **Ксилография** – гравюра на дереве, один из видов гравюры. Печатная форма (клише) выполняется ручным гравированием. Изображение отпечатывается с плоской поверхности деревянной доски, покрываемой краской, от которой свободны углубления, вырезанные между элементами изображения.

ходного рисунка (иногда оно забывалось, как в случае с рано умершим Д.В. Вележевым), затем фамилия рисовальщика по дереву (или камню), потом гравёра.⁹⁸

Предполагаем, что первое воспроизведение рисунка мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави появилось в августе 1866 г. в «Военном сборнике» без указания на авторство. Он был приложен к статье Мир-Салиха Бекчурина «Описание мечети Азрета, находящейся в городе Туркестане».⁹⁹ В техническом отношении эта гравюра исполнена хорошо. Но при переводе на доску неизвестный рисовальщик сильно исказил оригинал, изобразив памятник очень примитивно, что сразу было отмечено П.И. Лерхом.¹⁰⁰ Пропорции мавзолея сильно искажены, архитектурные формы утрированы (не в том ли причина анонимности данного листа?). При этом показана масса мелких деталей, вплоть до трещин на стенах, что для архитекторов-реставраторов на первых этапах изучения памятника могло составлять определённую ценность этого изобразительного источника.

Более художественное изображение мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави по оригиналу Д.В. Вележева было опубликовано уже после смерти художника и выхода книги Пашино в июне 1870 г. в журнале «Всемирная иллюстрация». Там же были напечатаны гравюры с других рисунков Д.В. Вележева, частично уже известные по книге Пашино: «Типы сартов», «Казалы, церковь в форте 1-й», «Могила Кармакчи», изображающий казахские мавзолеи, виды базаров в Перовске и Туркестане.

На гравюре из «Всемирной иллюстрации» мавзолей Ясави изображён подробно и реалистично, на вполне профессиональном уровне. В подписи в имени художника допущена ошибка (И. Вележев вместо Д. Вележев). Печатную доску резал гравёр Н. Кондем, рисовал на дереве А.Н. Писченков. Композиция, несомненно, носит компилятивный характер, как и компилятивная статья, в которой размещены рисунки, написанная тем же Писченковым, пересказавшим сведения из книги П.И. Пашино «Туркестанский край в 1866 году».¹⁰¹

Книга П.И. Пашино с её замечательными иллюстрациями в сжатом виде содержала программу историко-этнографического и археолого-архитектурного

98 Прищепова В.А. Путешественники о Средней Азии: иллюстрации периодической печати конца XIX – начала XX вв. ... С.172.

99 Бекчурин М.-С. Описание мечети Азрета, находящейся в городе Туркестане // Военный сборник. – 1866. – №8. – С.209 – 217.

100 Лерх П.И. Археологическая поездка в Туркестанский край в 1867 году... С. 16.

101 Писченков А. Путевые заметки по дороге в Ташкент // Всемирная иллюстрация. – 1870. – II год. – Т.III. – №76. – С.421 – 422.

12. Мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави. Ниша гурханы. Фото из «Туркестанского альбома». 1871 г.

Mausoleum of Khoja Akhmed Yassawi. Niche of gurkhana. Photo from «Turkestan Album». 1871.

изучения края (типы и виды Туркестана, промыслы и занятия, обычаи и быт и т.д.) масштабно реализованную в «Туркестанском альбоме» средствами фотографии.

«Туркестанский альбом» охватывает пять областей Туркестанского генерал-губернаторства. В их числе фотофиксация Сырдарьинской области, в которую входили южные районы Казахстана, даёт широчайшую панораму культурной жизни и истории этого региона. Фотографиями М.К. Приорова, сделанными в Южном Казахстане, воплощение проекта К.П. фон-Кауфмана начиналось, здесь же оно и завершалось – последние фотосъёмки велись в Казалинске, Аулие-Ате и Чимкенте.¹⁰² Этот материал никогда не лежал мёртвым грузом. Снимки из «Туркестанского альбома» неоднократно копировались, активно использовались дореволюционными и советскими археологами и историками архитектуры. Казахстанская часть альбома в 2005 г. была издана отдельным томом, повторяющим формат и оформление оригинала.¹⁰³

Многие фотографии также вошли в книгу-альбом «Мусульманский мир Российской империи в старых фотографиях».¹⁰⁴

Для изучения археолого-архитектурного наследия альбом Куна-Кауфмана имеет непреходящее значение. Выдающийся ориенталист, председатель ИРГО

102 Горшенина С. Крупнейшие проекты колониальных архивов России... С.34.

103 Кун А.Л. Туркестанский альбом. 1871 – 1872. – Алматы: ОФ Берел, ТОО Asia line, 2005. – 166 с.

104 Длужневская Г.В. Мусульманский мир Российской империи в старых фотографиях. По материалам фотоотдела Научного архива Института истории материальной культуры РАН. – СПб.: Лики России, 2006. – 304 с. Второе издание вышло в 2010 г.

В.В. Григорьев писал К.П. фон-Кауфману, что общество «...употребит со своей стороны свои старания, чтобы археологические вопросы, возбуждённые изданным при Вашем содействии альбомом, были разрешены».¹⁰⁵

Для разрешения этих вопросов потребовались время и немалые усилия учёных. И хотя основы изучения архитектуры ислама в Средней Азии и Казахстане были заложены уже во второй половине 1860 – начале 1870-х гг., оно ещё долго находилось в состоянии накопления фактического материала. С другой стороны, мы не можем согласиться с утверждением А.А. Формозова, что «Жемчужины зодчества Средней Азии заметили далеко не сразу после её присоединения к России».¹⁰⁶ История изучения мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави в г. Туркестане полностью опровергает это. Первое подробное описание этого памятника было сделано выдающимся учёным, зоологом и путешественником Н.А. Северцовым, обладавшим широчайшим научным кругозором, ещё в 1859 г.¹⁰⁷ Но если говорить в общем, то значение архитектуры мусульманской Средней Азии российскими историками было осознано много раньше, ещё в первой трети XIX в. Историк Н. Погодин счёл нужным отметить во введении к своей «Истории русского народа»: *«Спор о том, что занимательнее: история монгольского народа или история Греции, мне кажется спором, приличным детству умственных понятий. Там и здесь действует человек, и развалины Самарканда столь же значительны в глазах наблюдателя просвещённого, как и развалины Коринфа и Афин; летопись монгольская столько же достойна внимания, сколько и летопись греческая»*.¹⁰⁸

Однако эта осведомлённость касалась лишь монументальных сооружений, главным образом шедевров эпохи Тимура и тимуридов, в число которых входит и мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави в г. Туркестане. В массе своей памятники архитектуры ислама, особенно XVIII – начала XX вв., оставались неизвестными науке. Из памятников культовой архитектуры Чимкентской области, вошедших в «Свод памятников истории и культуры Казахстана»,¹⁰⁹ только 44 описаны или упоминаются в различной литературе. О 34-х культовых зданиях, мусульманских или

105 Цит по: Горшенина С. Крупнейшие проекты колониальных архивов России... С.43.

106 Формозов А.А. Страницы истории русской археологии. – М.: Наука, 1986. – С.172.

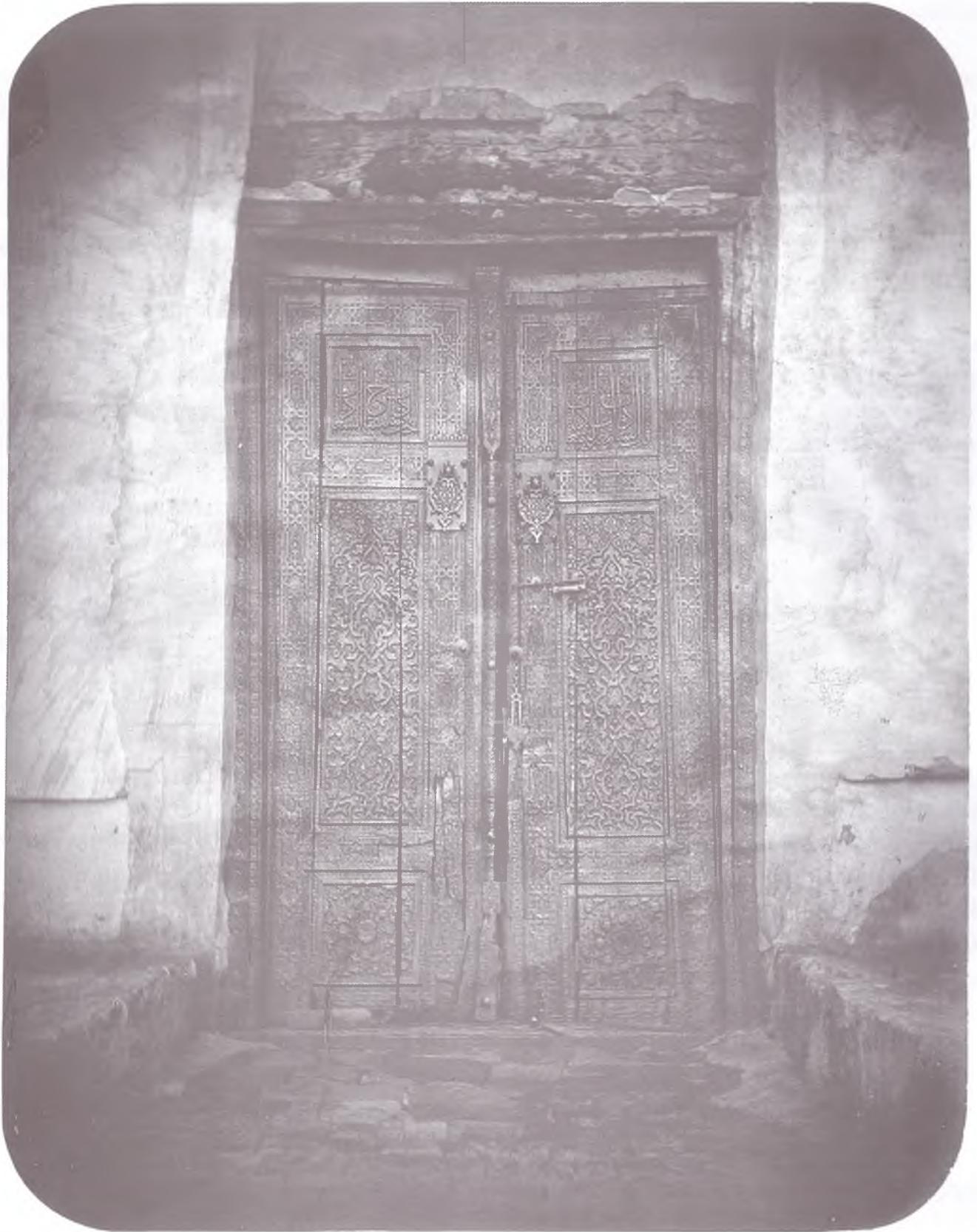
107 Северцов Н.А. Месяц плена у кокандцев. – СПб.: Кушелев – Безбородко, 1860 – С.77 – 78. Впервые: Русское Слово. – 1859. – №10.

108 Полевой Н. История русского народа. – М.: Типогр. Августа Семена при Имп. Медико-хирургической академии, 1829. – Т.I. – С.XXVI.

109 Свод памятников истории и культуры Казахстана. – Алма-Ата: Гл. ред. «Қазақ энциклопедиясы», 1994. – Т.1: Чимкентская область. – 368 с.

Верещагин В.В. У дверей мечети. 1973 г.
V.V. Vereshchagin. By the doors of mosque. 1973.

Мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави. Резные деревянные двери главного входа.
Mausoleum of Khoja Akhmed Yassawi. Carved wooden doors of the main entrance.

христианских, сведений не обнаружено.¹¹⁰ Поэтому линию историографии архитектуры ислама Южно-Казахстанской области мы продолжим пунктиром ввиду очень слабой изученности вопроса. К тому же в этой книге мы заостряем внимание на визуальном материале, которого было создано очень немного, но ещё меньше сохранилось.

После выхода «Туркестанского альбома» изучение архитектуры ислама до организации Туркестанского кружка любителей археологии (ТКЛА) в 1895 г. (во многом и в деятельности его членов) шло по пути накопления фактического материала. Ёмкую и точную характеристику дореволюционного периода этого процесса дал Б.В. Лунин: *«Скромная заслуга дореволюционных работников в том и заключалась, что они собрали в трудных условиях научно-краеведческой работы множество сведений об историко-архитектурных памятниках Средней Азии, фиксировали их местонахождение и степень сохранности, брали на учёт, в меру своих сил и возможностей описывали их и в некоторых случаях и для своего времени – тщательно и подробно (например, описание С.Г. Маллицким Туркестанской мечети и др.)»*.¹¹¹

Собранный материал 1870 – 1917 гг. расплывён по различным печатным изданиям самого широкого диапазона: т.н. «литература путешествий» и мемуарная литература, из которой что-то издаётся с большим запозданием, как, например, «Дневник» А.К. Гейнса, публицистика и материалы периодической печати, очень многообразной, сочинения по истории, географии, этнографии...

Жанр «литературы путешествий» не всегда был легковесным чтением – в форму путевых записок, дневников, воспоминаний очерков часто облекали свои работы некоторые серьёзные исследователи, как отечественные (Г.А. Арандаренко, В.В. Верещагин, А.К. Гейнс, И.И. Зарубин, П.И. Пашино, Н.А. Северцов, Н. Сорокин, А.П. Хорошхин и др.), так и зарубежные (С. Гедин, Г. Мозер, Ш.-Э. Ужвальви, Э. Скайлер и др.), Труды последних быстро переводились на русский язык и оперативно издавались в России.

В совокупности эти разнообразные данные собраны как востоковедами, так и любителями-туркестановедами, Б.В. Лунин считает важным вкладом в науку.¹¹² Извлечение необходимого материала из этого обширного и труднодоступного наследия – процесс очень трудоёмкий, потребует значительного времени, а

110 Культовое зодчество на юге Казахстана: (Библиографический указатель) / Сост. Ю.А. Ёлгин. – Шымкент, 1994. – С.23 – 26, Табл. №1; С.27 – 29, Табл. №2.

111 Лунин Б.В. Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане... С.107.

112 Лунин Б.В. Материалы к историографии истории хозяйства народов Средней Азии и Казахстана конца XIX – начала XX в. // Хозяйственно-культурные традиции народов Средней Азии и Казахстана. – М.: Наука, 1975. – С.25.

в отношении многих памятников эти усилия не принесут успеха, поскольку они уже не существуют.

Пионеры туркестанского востоковедения, большинство из которых имели историко-востоковедное или филологическое образование, были археологами по своим научным увлечениям. До открытия ТКЛА и во время его плодотворной работы они полагали главной своей задачей археологическое изучение ранней истории Средней Азии. Стояли перед ними и другие глобальные вопросы, например, проблема этногенеза среднеазиатских народов и связанная с ней идея о «великой арийской расе», её культуре, истоки которой искали в новоприобретенном регионе. Памятники архитектуры развитого средневековья попадали в орбиту их научных интересов не как собственно произведения зодческого искусства, а как носители другой информации – эпиграфики, генеалогии, истории религиозных учений и т.п.

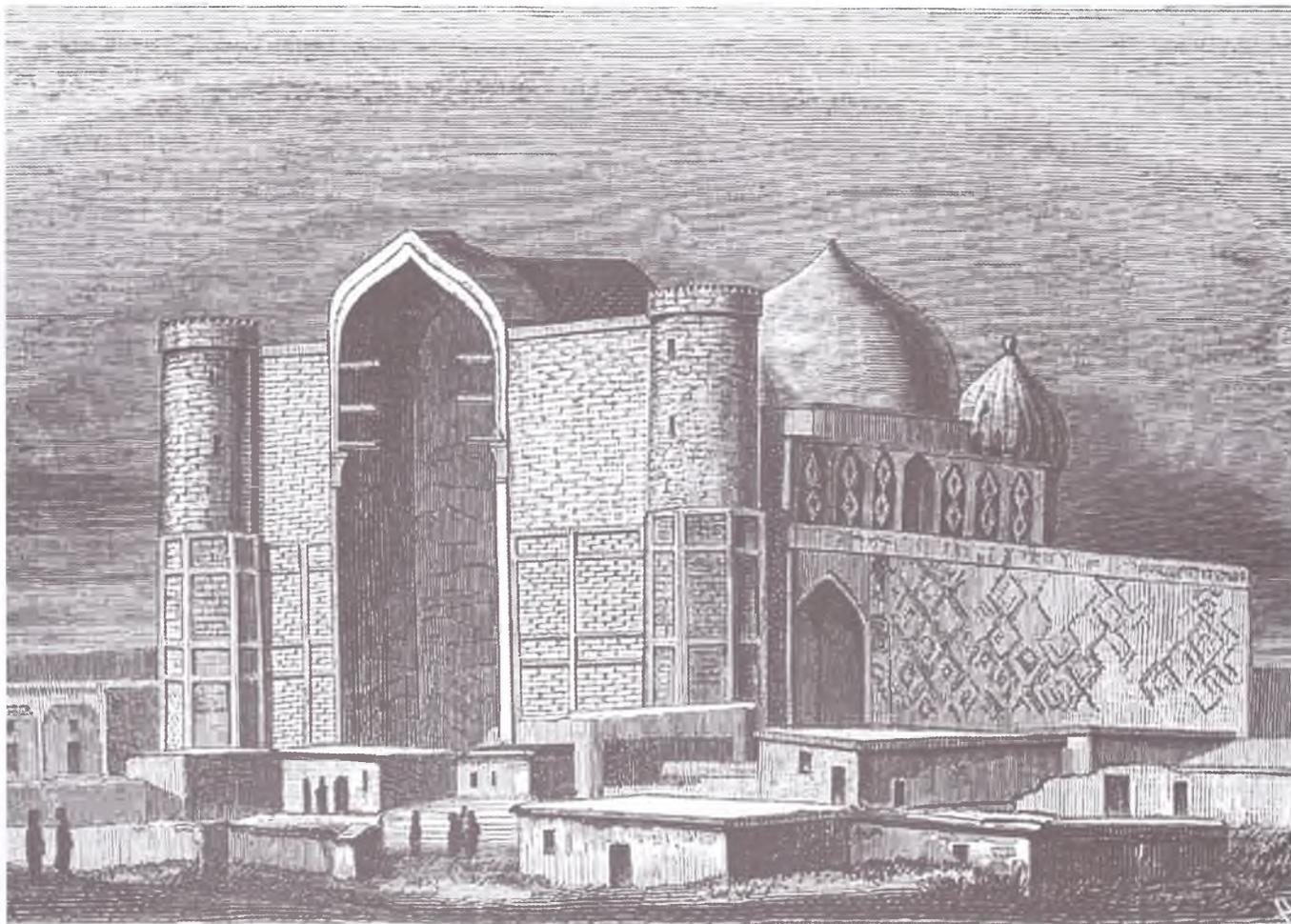
Во второй половине XIX в. архитектурные памятники Средней Азии и юга Казахстана воспринимались в качестве археологических объектов (впрочем, эпиграфика, письменные источники, нумизматика и проч. тоже в ту пору связывались с археологией).¹¹³ При этом, как ни парадоксально, именно *археологическое* их изучение отставало долгие десятилетия. На таком положении дел также сказывалось отсутствие в Туркестане кадров, имеющих специальное архитектурное образование, а те люди (включая В.В. Верещагина, М.К. Приорова и др.), даже обладая академическим художественным образованием, не имели никакого представления об архитектуре ислама, кроме ложного понимания «мавританского стиля», европейского по своему происхождению. На отсутствие востоковедов архитектурных специальностей указывали Н.С. Лыкошин,¹¹⁴ а позже Б.В. Лунин.¹¹⁵

Есть ещё одно обстоятельство. Для многих туркестановедов, занимавшихся историей края, архитектурное наследие позднего средневековья и Нового времени, представлялось слишком «поздним» и не заслуживающим внимания на фоне глобальных археологических проблем. Те мечети, медресе, мавзолеи и минареты XIX – начала XX вв., которые мы по прошествии более чем полутора столетий, воспринимаем как исторические памятники, первым археологам и востоковедам Туркестана казались почти современными сооружениями, не представляющими интереса для исторической науки. Например, В.В. Бартольда оставило равнодушным мемориальное зодчество

113 Лыкошин Н. Очерк археологических изысканий в Туркестанском крае до учреждения Туркестанского кружка любителей археологии...С.28 – 62.

114 Там же. С.49.

115 Лунин Б.В. Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане... С.107.

13. Мавзолей Ходжа Ахмеда Ясави. Рис. на дереве А.Н. Писченкова, гравёр Н. Кондем (по наброску Д.В. Вележева, 1866 г.).
 Mausoleum of Khoja Akhmed Yassawi. Picture on wood by A.N. Pischenkov, engraver N. Kondem (on a sketch by D.V. Velezhev. 1866).

Сайрама XVIII – XIX вв.¹¹⁶ Однако впоследствии он внёс огромный вклад в изучение архитектуры будто бы игнорируемого им позднего периода не в качестве археолога, а на поприще востоковеда, знатока письменных источников, касаясь многих вопросов терминологии, типологии, функционирования культовых зданий ислама.

С другой стороны, наиболее активные члены ТКЛА (его вице-председатель Н.П. Остроумов, члены И.Т. Пославский, В.А. Каллаур, Е.Т. Смирнов, Н.Г. Маллицкий, А.А. Диваев и др.) уделяли немало внимания памятникам зодчества ислама на юге Казахстана. По-прежнему культовая архитектура в их понимании неот-

¹¹⁶ Бартольд В.В. Отчёт о командировке в Среднюю Азию // Соч.: В 9-ти тт. – М.: Наука, ГРВЛ, 1966. – Т.IV: Работы по археологии, эпиграфике, нумизматике и этнографии. – С.111.

14. Мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави. Фото из «Туркестанского альбома». 1871 г.
Mausoleum of Khoja Akhmed Yassawi. Photo from «Turkestan Album». 1871.

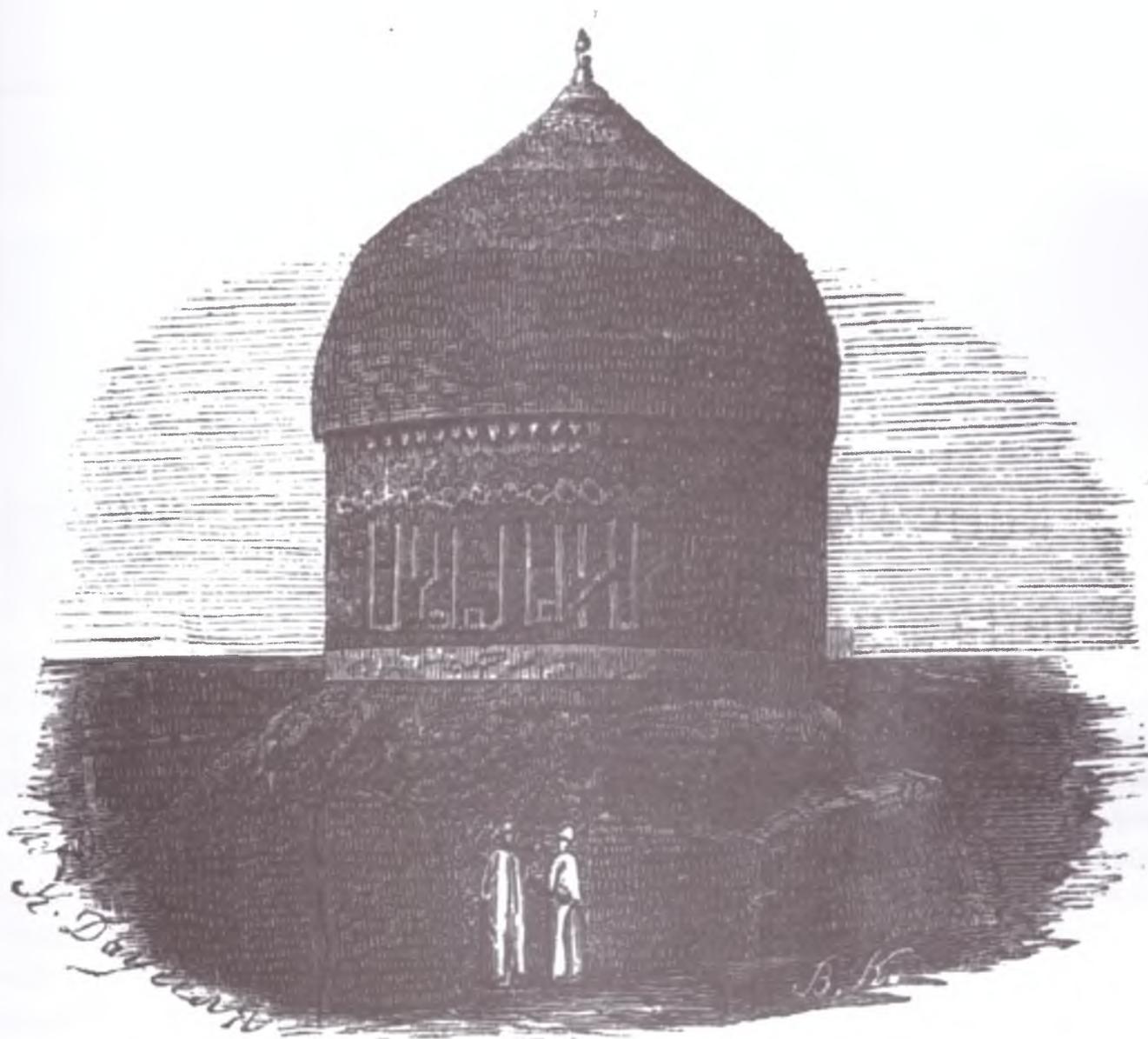
делима от археологии. В 1910 г. в специальном печатном органе ТКЛА выходит одна из лучших дореволюционных работ по архитектуре ислама – статья А.Д. Калмыкова «Мечеть». Она имеет многозначный подзаголовок **«Основные вопросы среднеазиатской археологии»** (выделено нами – Авт.).¹¹⁷ До появления этой статьи под названием «мечеть» подразумевалось почти любое здание, связанное с мусульманским культом. А.Д. Калмыков широкое употребление этого термина объяснял его «понятностью и общепринятостью».¹¹⁸ Он разрешил эту

117 Калмыков А.Д. Мечеть: Основные вопросы среднеазиатской археологии // ПТКЛА. – 1910. – Вып. XIV. – С.91 – 109.

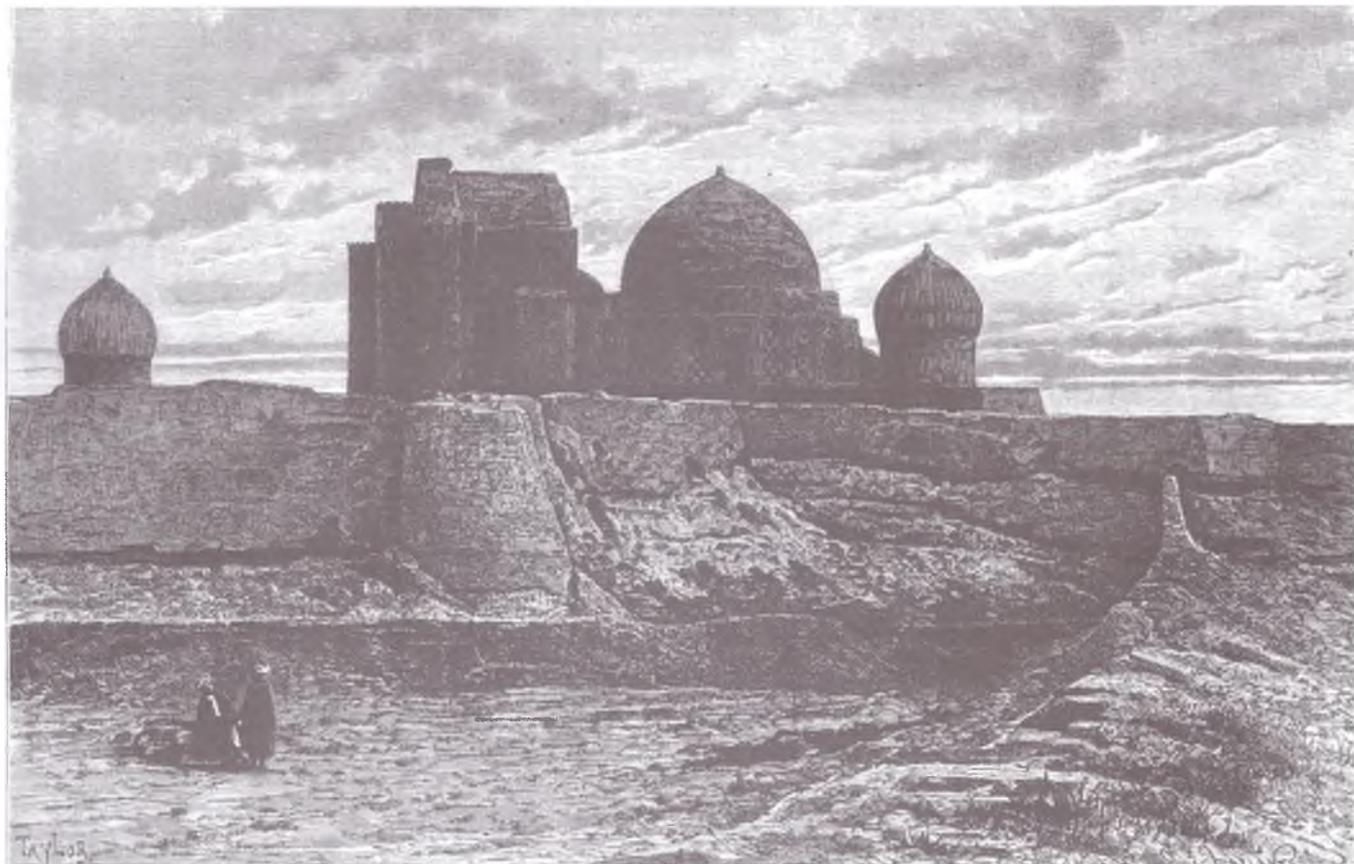
118 Там. С.91.

Туркестан. Мавзолей Рабии Султан-Бегим. XV в. Фото М.К. Приорова. 1866 г.
Turkestan. Mausoleum of Rabiya Sultan-Begim. 15th century. Photo by M.K. Priorov. 1866

Концовка главы седьмой из книги П.И. Пашино «Туркестанский край в 1866 году».
End-piece to the 7th chapter from the book of P.I. Pashino «Turkestan region in 1866».

15. Мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави. Рис. Т. Тейлора. Из журнала «Нива». 1879 г.
Mausoleum of Khoja Akhmed Yassawi. Picture by T. Taylor. From «Niva» journal. 1879.

ситуацию, объяснив, что под термином «мечеть» следует различать и другие сооружения ислама. А.Д. Калмыков едва ли не впервые коснулся вопросов типологической классификации, функциональной принадлежности памятников, относящихся именно к поздним периодам истории ислама в Средней Азии.

Тем не менее освоение архитектуры ислама ещё и в начале XX в. не выходило за пределы собирания легенд, связанных с памятниками, их истории и других сопутствующих материалов. В лучшем случае делалось более или менее подробное описание современного состояния здания. Показательна в этом отношении статья А. Черкасова «Поездка на развалины Отрара», где приводятся легендарные сведения о мавзолее-мечети Арыстан-Баб, находящегося неподалёку от городища Отрар, и потому попавшему в поле зрения членов ТКЛА; довольно подробно описывается и само сооружение.¹¹⁹ Несколько подобных статей

119 Черкасов А. Поездка на развалины Отрара // ПТКЛА. – 1905. – Вып.VIII. – С.71 – 72.

было опубликовано в «Протоколах» ТКЛА», «Туркестанских Ведомостях», реже в центральной печати. В итоге к началу XX в. памятники архитектуры ислама на юге Казахстана были изучены, прежде всего, в фольклорно-этнографическом отношении, нежели в археолого-архитектурном. Эту особенность отметила Г.А. Пугаченкова. Роль археологии в изучении архитектурного наследия очень велика. Но она в силу своей специфики не в состоянии была дать всестороннюю оценку как отдельным памятникам, так и воссоздать историю архитектуры региона в виде научной системы. Но в совокупности косвенные источники, собранные археологами дореволюционного периода, послужили базой для дальнейших исследований.¹²⁰

Однако вопрос о специальном изучении этого наследия к тому времени уже назрел. На заседании Оренбургской учёной архивной комиссии 15 сентября 1903 г. правитель дел Комиссии И.С. Шукшинцев доложил, что *«...во время летней поездки в киргизскую степь он обратил внимание на могильные памятники на мазарах (кладбищах). Памятники эти, сравнительно недавно воздвигнутые, по мере колонизации степи русскими постепенно разрушаются невежественными переселенцами, и недалеко, быть может, то время, когда они совершенно исчезнут, потому было бы весьма желательно сохранить хотя бы их описание...»*. И.В. Аничкову и И.С. Шукшинцеву было поручено разработать программу для собирания сведений об этих памятниках.¹²¹ Эти заявления отнюдь не носили декларативный характер, потому что через несколько лет были опубликованы две знаковые работы И.А. Кастанье, учителя французского языка и археолога по призванию, с 1902 г. работавшего в Оренбургской учёной архивной комиссии, – «Древности Киргизской степи и Оренбургского края»¹²² и «Надгробные сооружения киргизских степей».¹²³ В 1904 г. И.А. Кастанье совершил свою первую поездку в Туркестан, и его наблюдения составили основу первой из этих работ. В ней проявилась склонность Кастанье к анализу и систематизации материала, а также к изучению и обобщению предыдущих исследований.¹²⁴ В «Древностях Киргизской степи» И.А. Кастанье привёл легенды, связанные с па-

120 Пугаченкова Г.А. Восточная миниатюра как источник по истории архитектуры XV – XVI вв. // Архитектурное наследие Узбекистана. – Ташкент, 1960. – С.111 – 161.

121 Протоколы заседаний Комиссии за 1903 год // Труды Оренбургской учёной архивной комиссии. – Оренбург: Типо-лит. И.И. Евфимовского-Мировицкого, 1905. – Вып. XIV. – С.158 – 159.

122 Кастанье И.А. Древности Киргизской степи и Оренбургского края. – Оренбург: Типо-лит. Т-ва Каримов, Хусаинов и К, 1910. – 327 с. (Труды Оренбургской учёной архивной комиссии, Вып. XXII). Переиздание: Кастанье И.А. Древности Киргизской степи и Оренбургского края. – Алматы: Дайк-Пресс, 2007. – 516 с.

123 Кастанье И.А. Надгробные сооружения киргизских степей. – Оренбург, 1911. – 107 с., 28 табл., 77 рис.

124 Горшенина С. Странный археолог Кастанье // Звезда Востока. – 1996. – №3. – С.147, 148, 149.

мятниками Баба-Аты и мавзолея-мечети Арыстан-Баб и сделал подробное их описание. «Сауранские башни» описаны им по трудам П.И. Пашино, П.И. Лерха и В.М. Флоринского.¹²⁵

Недостатки дореволюционного периода изучения архитектуры Южного Казахстана начали исправляться к середине первого десятилетия XX в., когда с ТКЛА стали сотрудничать архитекторы и гражданские инженеры, работавшие в Туркестанском крае (В.С. Гейнцельман, С.Г. Малицкий), и к изучению средневекового зодчества Средней Азии были привлечены крупные российские архитекторы (А.В. Щусев, П.П. Покрышкин), а также художники-архитекторы, имевшие академическую подготовку - С.М. Дудин, А.И. Горохов (из Казани), А.М. Гуржиенко (из Петербурга). Усилия их были направлены на фиксацию и изучение крупнейших построек Тимура в Самарканде, в том числе мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави в г. Туркестане. Немалая заслуга в организации этих работ принадлежит Н.И. Веселовскому, российскому ориенталисту и археологу (1848 – 1918).

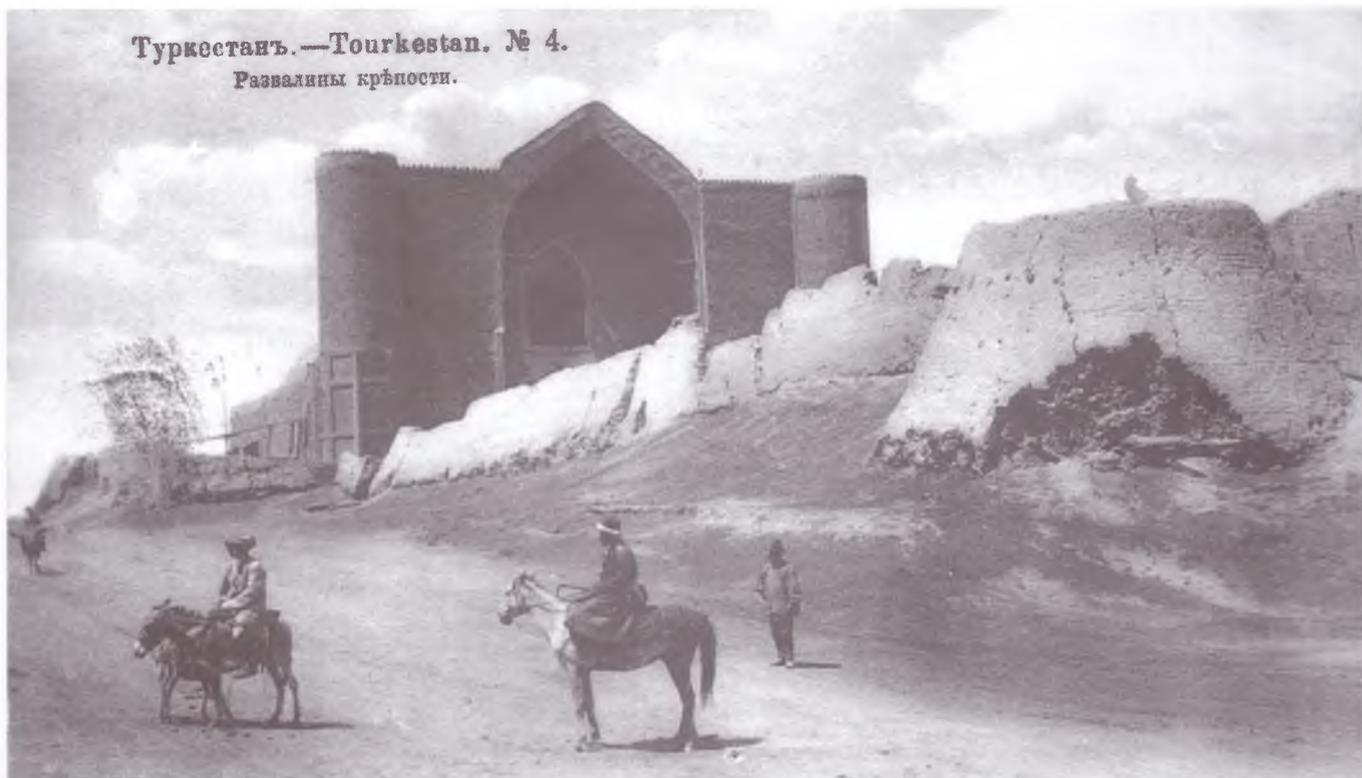
Н.И. Веселовский одинаково много сил отдал как археологии Средней Азии, так и изучению средневековой архитектуры, которое он стремился поставить на научную основу. В.В. Бартольд писал об этом: «Ещё во время командировки 1885 г. (в Среднюю Азию. – Авт.), как показывает прочитанный им в марте 1886 г. доклад о Шах-и Зинде, он наряду с производством раскопок на местах древних городищ обратил внимание на необходимость изучения архитектурных памятников, сохранившихся на поверхности земли».¹²⁶ На протяжении более чем двадцати лет архитектура мусульманской Средней Азии в научной деятельности Н.И. Веселовского занимала очень важное место. В своих работах он также использовал материалы из «Туркестанского альбома».¹²⁷ Основное внимание он сосредоточил на постройках Тимура в Самарканде, организовав для их изучения специальные историко-архитектурные экспедиции 1895 – 1896 и 1898 – 1899 гг. Итогом этих работ стал выход в свет альбома, посвящённого мавзолею Гур-Эмир в Самарканде, по инерции называемого мечетью. Вступительный текст был написан Н.И. Веселовским, чертежи и рисунки выполнены академиками архитектуры А.В. Щусевым и П.П. Покрышкиным.¹²⁸ Б.В. Лунин назвал это издание «полиграфическим шедев-

125 Кастанье И.А. Древности Киргизской степи и Оренбургского края... С.178 – 179, 183 – 184, 185.

126 Бартольд В.В. Н.И. Веселовский как исследователь Востока и историк русской науки // Соч.: В 9-ти тт. – М.: Наука, ГРВЛ, 1977. – Т.IX: Работы по истории востоковедения. – С.660.

127 Лунин Б.В. Средняя Азия в научном наследии отечественного востоковедения: Историографический очерк. – Ташкент: Фан, 1979. – С.79.

128 Самаркандские мечети: Альбом архитектурных рисунков и чертежей, Вып. I: Мечеть Гур-Эмир. СПб., 1905.

16. Мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави. Почтовая открытка. С фотографии 1907 г.
Mausoleum of Khoja Akhmed Yassawi. Postcard. From photo. 1907.

ром своего времени». ¹²⁹ Эти работы были начаты по инициативе ИАК и продолжены на средства Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношении (РКСВА). ¹³⁰ Аналогичные меры были предприняты по линии РКСВА в отношении мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави в г. Туркестане 29 января 1905 г.

Н.И. Веселовский «внёс в Русский комитет для изучения Средней Азии предложение об ассигновании средств на увековечение в чертежах и рисунках мечети Ходжи Ахмеда Ясави в городе Туркестане, «подобных тем, которые сделаны для мечети Гур-Эмир». На эти цели Н.И. Веселовский испрашивал 3000 рублей. ¹³¹ Экспедиция в г. Туркестан состоялась в июле 1905 г. 30 ноября 1905 г. на заседании РКСВА Н.И.

129 Лунин Б.В. Средняя Азия в научном наследии отечественного востоковедения... С.79 –80.

130 Бартольд В.В. Н.И. Веселовский как исследователь Востока и историк русской науки... С. 661.

131 Лунин Б.В. Средняя Азия в научном наследии отечественного востоковедения... С.83, 83, прим.; Веселовский Н.И. Экспедиция в Туркестан для снятия планов и зарисовок в красках местной мечети // ИРКСВА. – СПб., 1906. – Вып.6. – С.23 –26.

17. Туркестан. Главная улица. Почтовая открытка. Нач. XX в.
Turkestan. Main street. Postcard. Beginning of 20th century.

Веселовским был представлен отчёт о проделанной работе.¹³² Альбом, подобный изданию по Гур-Эмиру, к сожалению, не был выпущен, но часть собранных материалов отложилась в архиве Государственного Эрмитажа.

Это довольно известный факт. Но изучение архитектуры ислама на юге Казахстана Н.И. Веселовский начал за двадцать лет до историко-архитектурной экспедиции в г. Туркестан. В Центральном Государственном архиве литературы и искусства РФ хранится неопубликованная рукопись Веселовского «Описание развалин древних городов по дороге из Казалы в Ташкент», написанная им, возможно, в 1884 г., когда он впервые был командирован ИАК в Среднюю Азию.¹³³ Тогда в поле его зрения впервые попали памятники архитектуры ислама, прежде всего, г. Туркестана.¹³⁴

132 Назирова Н.Н. Центральная Азия в дореволюционном отечественном востоковедении. – М.: Наука, Изд. фирма «Восточная литература», 1992. – С.120, 121.

133 Лунин Б.В. Историография общественных наук в Узбекистане... С.127.

134 Кожа М., Ёлгин Ю.А. Туркестан и Отрар в неопубликованной рукописи Н.И. Веселовского о древних городах Сырдарьи // Новые исследования по археологии Казахстана: Труды научно-практической конференции «Маргулановские чтения-15». – Алматы: Ин-т археологии им.А.Х. Маргулана, 2004. – С.237 – 241.

18. Мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави. Почтовая открытка. Нач. XX в.
Mausoleum of Khoja Akhmed Yassawi. Postcard. Beginning of 20th century.

Вклад Н.И. Веселовского как *инициатора и организатора исследований* в изучение средневековой архитектуры несопоставим с усилиями других востоковедов-археологов в этой области. Его деятельность подводит своеобразный итог дореволюционному периоду архитектуроведения, и вместе с тем наглядно характеризует достижения и недостатки, обусловленные условиями того времени. Н.И. Веселовский, будучи уже сложившимся археологом, в научных выводах о средневековой архитектуре ислама не поднялся выше уровня своих менее подготовленных предшественников, о чём довольно едко заметил В.В. Бартольд: «...в этой части своей деятельности Николай Иванович [Веселовский] был несколько менее счастлив, чем в своих раскопках, его догадки о происхождении и назначении построек основывались на недостаточном материале и не всегда были удачны; не удавалось также привлечь необходимые силы и получить необходимые средства для собирания, изучения и издания материалов».¹³⁵

135 Бартольд В.В. Николай Иванович Веселовский: Некролог // Соч.: В 9-ти тт. – М.: Наука, ГРВЛ, 1977. – Т.IX: Работы по истории востоковедения. – С.645.

—————

Дореволюционному периоду исследования средневековой архитектуры ислама В.В. Бартольдом дана в 1918 г. резкая и не совсем справедливая оценка: *«До настоящего времени мы ни для одного из архитектурных памятников Туркестана не имеем полного научного описания; ещё менее можно было бы надеяться, в близком будущем, на более широкую постановку вопроса об изучении этих построек XIX – XV вв. как памятников не только искусства, но всей культурной жизни соответствующей эпохи»*.¹³⁶ Это утверждение считаем весьма спорным. Скажем, о мавзолее Ходжи Ахмеда Ясави С.Г. Маллицким была опубликована большая монографическая статья, которая ставит этот памятник в широкий историко-архитектурный контекст и представляет собой его детальный историко-архитектурный анализ.¹³⁷

Заметим, что и в других регионах Средней Азии ряд памятников описан и изучен с разной степенью археологической и архитектурной составляющей такими выдающимися историками-востоковедами, как А.А. Семёнов, В.А. Жуковский, А.А. Диваев и др.

На другой год после выхода статьи С.Г. Маллицкого мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави был включён в специальный сводный историко-архитектурный труд, созданный известным российским архитектором Н. Султановым, много занимавшимся археологическим изучением и охраной памятников средневековой архитектуры.¹³⁸ Кроме вышеназванной статьи Н. Султанову были известны и другие материалы, так как он поместил в своём «архитектурном атласе» план с грамотным перечнем всех основных помещений мавзолея, вид на его северный портал и купол гурханы. В тексте он привёл краткие, но ёмкие, в архитектурном отношении, уже учитывающие специфику средне-восточного зодчества, сведения о памятнике.¹³⁹

Высказывания В.В. Бартольда выглядят предвзятыми, потому что профессиональное изучение средневековой архитектуры ислама в Европе и России переживало ещё период становления и часто ассоциировалось с археологией. В специальных архитектуроведческих европейских изданиях второй половины XIX в., частью переиздававшихся в России, подробно описывалась архитектура

136 Там же.

137 Маллицкий С.Г. Историко-архитектурное значение мечети Хаѳрета Ясавийского в гор. Туркестане // ПТКЛА. – 1907. – Вып. XII. – С.6 –28.

138 История изучения мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави требует специального монографического исследования, поэтому здесь мы касаемся её только в общем контексте в качестве показательного примера археологических и историко-архитектурных изысканий на юге Казахстана.

139 Султанов Н. Памятники зодчества средних веков и магометанского Востока. Атлас. Пособие для изучения истории архитектуры. – СПб.: Журнал «Строитель», 1908. – С.1, Рис.587, 588.

античности и Ренессанса, стили барокко, рококо, классицизма, освещались вопросы современной архитектуры, и лишь изредка писалось расплывчато о «градостроительстве Востока». Лишь в очень кратких перечислениях в заключении статей европейских и русских учёных упоминались «Восточные страны».¹⁴⁰

На этом фоне достижения в области изучения средневековой архитектуры в Туркестанском крае выглядят достаточно весомыми и заслуживают уважения. Южный Казахстан в этот период (и ещё долгое время) не мог быть изучен в должной мере. Но он не оставался без внимания крупнейших отечественных ориенталистов и западных исследователей, работавших или бывавших в Туркестанском крае. Конечно, в первую очередь в поле зрения дореволюционных исследователей попали памятники г. Туркестана и те сооружения, которые располагались у важных археологических объектов (Отрар, Баба-Ата и др.). Едва были затронуты Сайрам, Турбат... Скудны сведения о Шымкенте. И всё же была создана историко-этнографическая база для дальнейшего изучения некоторых мавзолеев. Отдельные памятники были зафиксированы (немногие из них – визуально) и описаны более или менее правильно, в зависимости от археолого-архитектурной подготовленности авторов, состав которых был чрезвычайно пёстр - от армейских офицеров до выпускников Восточного разряда Санкт-Петербургского университета.

Революция 1917 года дала новый всплеск этому движению. В первый послереволюционный период развития археологии в Средней Азии, определяемый М.Е. Массоном очень кратким временным отрезком – 1917 – 1920 гг., на первое место вышли не собственно памятники археологии, а именно средневековая архитектура ислама. Аварийное состояние многих сооружений не могло не озаботить передовых представителей новой власти. Первым спасённым в 1918 г. памятником был падающий северо-восточный минарет медресе Улугбека в Самарканде (выпрямлен в 1932 г.).¹⁴¹

Второй послереволюционный период археологического и историко-архитектурного изучения Средней Азии и Южного Казахстана, входившего в состав Туркестанской республики, – это 1920 – 1928 гг., и связан он прежде всего с созданным в 1921 г. при Наркомпросе Туркеспублики Туркестанского (с 1924 г. – Среднеазиатского, с 1928 г. – Узбекистанского) комитета по делам музеев, охраны памятников старины, искусства и природы (Туркомстарис – Средазкомстарис –

140 Венедиктов А.И. Архитектура // История европейского искусствознания: В 2-х тт. – М.: Наука, 1969. – Кн. I: (Вторая половина XIX века – начало XX века). – С.182 – 261; Сытина Т.М. Архитектура // История европейского искусствознания: В 2-х тт. – М.: Наука, 1969. – С.48 – 75.

141 Массон М.Е. Краткий очерк истории изучения Средней Азии в археологическом отношении... С.14 – 15.

лось её выделение в особую область истории культуры Востока.¹⁴⁶ Даже в конце 1980-х гг. архитектурная историография в Узбекистане считалась в застое.¹⁴⁷ В Казахстане эти явления намного запаздывали.

Однако в 1920-е гг. и позже внимание учёных и общественности было сосредоточено преимущественно на памятниках, являющихся шедеврами мирового зодчества. В массе своей культовое зодчество, особенно позднего средневековья, оставалось вне поля зрения историков архитектуры, в лучшем случае становясь объектом исследований этнографов. Оправдания такого положения, выдвинутые первым председателем Средазкомстариса, выглядят вполне резонными: «В особенно тяжелом состоянии находятся памятники старины и искусства монументального характера, разрушение которых совершается на наших глазах, поэтому, учитывая невозможность сохранения многих из них от дальнейшего разрушения в силу отдалённости от культурных центров и путей сообщения, недостаточность научных сил и средств, Средазкомстарис выдвигает следующую практическую задачу: **Взятие на учёт наиболее ценных в археологическом отношении памятников старины и искусства в Средней Азии, главным образом, памятников зодчества**».¹⁴⁸

В Южном Казахстане из всего обширного археологического и архитектурного наследия Средазкомстарис выделил мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави в г. Туркестане, мавзолей Кок-Кесене в Перовском уезде, мавзолей Айша-Биби в Аулиеатинском уезде, колонны в Сайраме, развалины городов Сыгнака, Биш-Тама, Ашнаса и Шехрикента. Специальными постановлениями ЦИК Совнаркома Туркеспублики они были взяты на учёт и переданы в ведение Туркомстариса (Средазкомстариса).¹⁴⁹ Особое внимание было уделено, как и другим монументальным сооружениям эпохи Тимура и тимуридов, мавзолю Ходжи Ахмеда Ясави.¹⁵⁰ Одна из первых археологических экспедиций в г. Туркестан в составе Д.И. Нечкина, историка-востоковеда А.А. Семёнова, арабиста А.Э. Шмидта и инженера С.К. Орлова состоялась в 1922 г. Позднее в Туркестане побывали

146 Пугаченкова Г.А. Восточная миниатюра как источник по истории архитектуры XV – XVI вв. ... С.111.

147 Аскарлов Ш.Д. Проблемы архитектурной науки Узбекистана // АСУ. – 1991. – №6. – С.28.

148 Нечкин Д.И. Задачи и ближайшие цели комитета по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы в Средней Азии // Известия Среднеазиатского комитета по делам музеев, охраны памятников старины, искусства и природы (Средазкомстарис). – Ташкент: Издание Средазкомстариса, 1925. – Вып. I. – С.6.

149 Умняков И.И. Охрана памятников старины и искусства в советском законодательстве Средней Азии // Там же. С.48, 50.

150 Изучение мавзоля Ходжи Ахмеда Ясави в 1920-е гг. рассмотрено нами в отдельной статье. – См.: Ёлгин Ю.А. Мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави в 1920-е годы: Изучение. Ремонт. Реставрация // ИМНАН РК: Сер. общественных наук. – 1997. – №1. – С.44 – 53.

19. Мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави. Почтовые открытки.
Нач. XX в.

Mausoleum of Khoja Akhmed Yassawi. Postcards. Beginning
of 20th century.

историк искусства Востока Б.П. Денике и инженер М.М. Логинов. Почти все подобные комплексные освидетельствования памятника архитектуры именовались тогда «археологическими» экспедициями, хотя археологи в них отсутствовали. По-настоящему археологическое направление изучению памятников и археологии, и архитектуры в Южном Казахстане придал деятельный член Средазкомстариса М.Е. Массон, совершивший археологические поездки в Чимкентский и Аулиеатинский уезды.¹⁵¹ Ставя перед собой в первую очередь археологические задачи, он тем не менее не пренебрегал позднесредневековыми памятниками исламской архитектуры.¹⁵²

В пределах Южно-Казахстанской области в 1920-е гг. наряду с первоочередными охранными мерами в г. Туркестане большое значение приобрело изучение Сайрама как многозначного историко-археологического памятника. Интерес дореволюционных исследователей к этому средневековому городу, известному по письменным источникам, получил развитие на более высоком профессиональном уровне с преобладанием археологического аспекта в его изучении. В 1923 г. вышла первая рабо-

151 Миронов А.М. Организационная, научная и практическая деятельность Средазкомстариса... С.28, 30.

152 Ёлгин Ю.А. Михаил Евгеньевич Массон и архитектурное наследие Чимкентской области // Тезисы докладов научно-практической конференции, посвящённой 70-летию Чимкентского областного историко-краеведческого музея (10 – 12 октября 1990 г.). – Алма-Ата, 1990. – С.7 – 10.

21. Мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави. Фото Л.И. Ремпеля. 1950 г.
Mausoleum of Khoja Akhmed Yassawi. Photo by L.I. Rempel. 1950.

архитектуре. В фондах ЮКОМ хранились стеклянные негативы памятников архитектуры Средней Азии, в том числе мечети Идрис-Пайгамбар в Сайраме. Часть фотографий с этих негативов была выставлена в экспозиции музея 1930 – первой половины 1970-х гг.

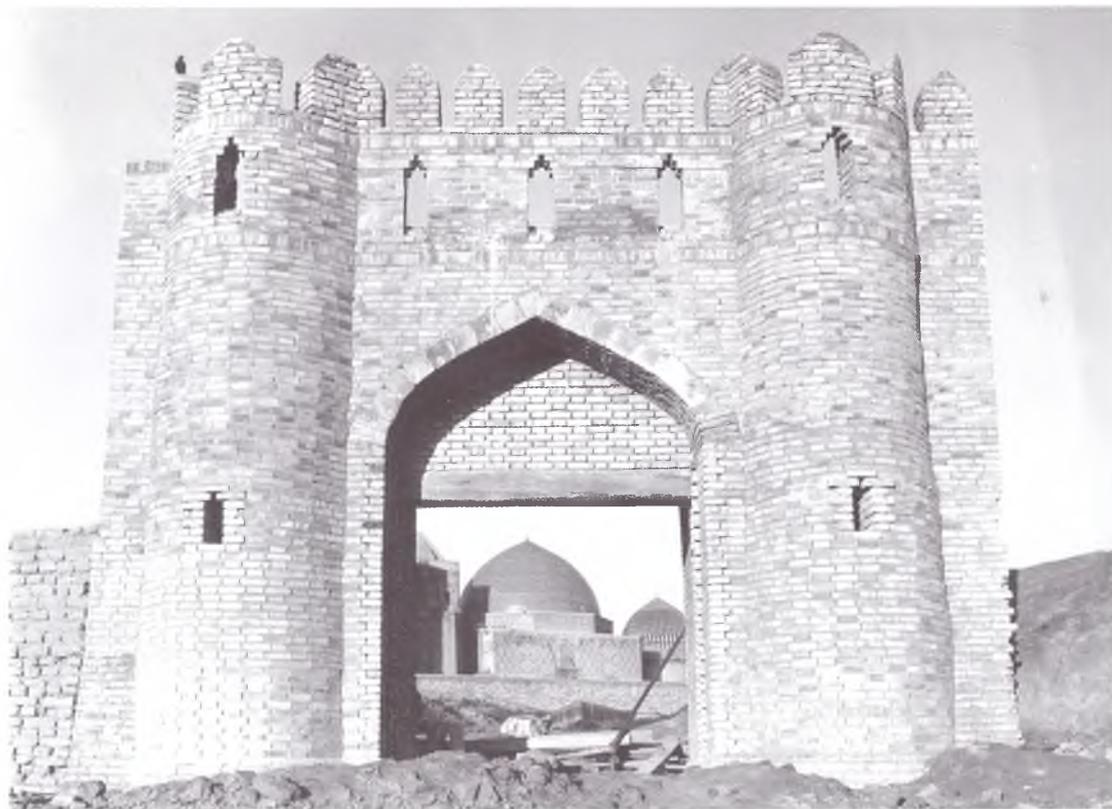
В 1920-е годы началось формирование профессиональных кадров архитекторов-реставраторов зодчества Средней Азии. Прежний «археологический» подход к архитектурному наследию, представители которого в большинстве случаев были не археологами, исчерпал свои возможности. Уже в начале 1920-х гг. в деле спасения памятников архитектуры на первый план выходят архитектор и инженер. Ремонтным, консервационным и реставрационным мероприятиям во многих случаях предшествовало изучение истории создания того или иного памятника. Этим закладывались основы истории архитектуры Средней Азии и Казахстана. Количество публикаций по данной тематике медленно, но неуклонно начинает расти. Уже тогда учёные приступают к разработке теоретических

22. Туркестан. Остатки фортификации второй пол. XIX в. Фото Л.И. Ремпеля. 1950 г.
Turkestan. Traces of fortification of the second half of 19th century. Photo by L.I. Rempel. 1950.

вопросов, включавших анализ планировочных схем и конструктивных приёмов средневековых зодчих, проблемы формообразования в архитектуре ислама, изучение архитектурного декора и т.д.

Экстренные противоаварийные меры по спасению памятников средневековой архитектуры отодвинули на второй план задачи их археологического изучения. Но они присутствовали всегда и по мере возможности решались. Некоторые археологи, в первую очередь М.Е. Массон, подготовили ряд исчерпывающих историко-архитектурных очерков по отдельным памятникам зодчества, сохраняющие научное значение и в наши дни. В свою очередь, как мы уже упоминали, архитекторы-реставраторы, хорошо изучившие особенности среднеазиатской архитектуры, в своей практике, особенно при исследовании подземных частей зданий, использовали археологические методы. Наконец, забегаая вперёд, скажем, что искусствоведы (Л.И. Ремпель, Г.А. Пугаченкова) и архитекторы (Н.Б. Немцева и др.) превосходно владели навыками полевых археологических исследований.

23. Туркестан. Ворота кокандской крепости XIX в. Реконструкция. Фото А.П. Рассказова. 1981 г.
Turkestan. Gateways of Kokand fortress of 19th century. Reconstruction. Photo by A.P. Rasskazov. 1981.

Для реализации заявленных новой политической элитой исторических, культурных и политических амбиций были необходимы высококвалифицированные специалисты. Местных культурных сил в лице старых туркестановедов уже было явно недостаточно. В Среднюю Азию стали приезжать крупные профессионалы, имевшие академическую подготовку и опыт реставрации памятников древнерусского зодчества. Наиболее яркой и значительной личностью среди них был Б.Н. Засыпкин (1891 – 1955), которому было суждено сыграть огромную роль в становлении и развитии консервации, реставрации, изучении истории развития и теории средневекового зодчества Средней Азии.

В 1923 г. состоялась первая командировка Б.Н. Засыпкина в Среднюю Азию в качестве члена комиссии по изучению, охране и реставрации средневекового зодчества при Главнауке Наркомпроса РСФСР. В эту комиссию также входили Н.Б. Бакланов и Б.П. Деннике (1885 – 1941) – один из первых

24. Туркестан. Угловая башня кокандской крепости XIX в. Реконструкция. Фото А.П. Рассказова. 1981 г.
Turkestan. Corner tower of Kokand fortress of 19th century. Reconstruction. Photo by A.P. Rasskazov. 1981.

историков искусство Востока. В Средней Азии он изучал главным образом прикладное искусство и архитектурный орнамент. В свои сводные труды он неизменно включал мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави в г. Туркестане.¹⁵⁷

Общие интересы, связанные со средневековым зодчеством Средней Азии, сблизили Б.П. Засыпкина с Б.П. Денике.¹⁵⁸ Был он дружен также и с Н.Б. Баклановым (1881 – 1959), художником-архитектором, принимавшим участие в реставрации мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави и особо выделявшим в своей научной биографии свои работы в Средней Азии.

За первой поездкой Б.Н. Засыпкина в Среднюю Азию последовали экспедиции 1927, 1928, 1929 гг., в которых ему принадлежала ведущая роль как

¹⁵⁷ Денике Б.П. Искусство Средней Азии.– М.: Центриздат народов СССР, 1927. – С.36; его же. О резных деревянных дверях в Средней Азии // ТСАИАИ. – 1928. – Т.4. – С.178 – 179; его же. Прикладное искусство Средней Азии // Художественная культура Советского Востока.– М. – Л., 1931. – С.65 его же. Архитектурный орнамент Средней Азии. – М. – Л.: Изд-во Всесоюзной Академии архитектуры, 1939. – С.168 и др.

¹⁵⁸ Горшенина С. Об изучении искусства Средней Азии... С.98.

архитектору-востоковеду Центральных Государственных реставрационных мастерских (ЦГРМ) при Главнауке Наркомпроса РСФСР.

Позиция ведущих сотрудников ЦГРМ в области культового зодчества явно не совпадала с линией партии, ориентированной на антирелигиозное просвещение масс. Вероятно, это было главной причиной того, что Б.Н. Засыпкин, как учёный, имевший свои принципы и обладавший безукоризненной порядочностью, был осуждён в 1934 г. и выслан в Северный край на три года. После отбытия ссылки в 1937 г., не имея разрешения проживать в столицах, он выбрал для себя Самарканд. С этого времени средневековое зодчество Средней Азии навсегда вошло в его жизнь. Через год в числе многих проектов он приступил к реставрации мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави, которой деятельно занимался до самой смерти с перерывом в военные годы.¹⁵⁹

Волна репрессий занесла в 1937 г. в Среднюю Азию и Л.И. Ремпелья (1907 – 1992), известного впоследствии искусствоведа, который также сыграл большую роль в изучении искусства и архитектуры этого региона. Археологии в сложении истории искусства Средней Азии он придавал огромное значение. У него нет публикаций по архитектуре описываемого нами историко-культурного района, но работая научным сотрудником Джамбулского музея в 1948 – 1954 гг., куда он был выслан из Самарканда, он 9 мая 1950 г. по заданию директора Чимкентского музея Покровского совместно с Г.И. Пацевичем приступил к составлению списка и научному описанию археологических и архитектурных памятников Южно-Казахстанской области.¹⁶⁰

С 10 августа по 10 сентября 1951 г. Л.И. Ремпель получил разрешение участвовать в Южно-Казахстанской археологической экспедиции Института истории, археологии и этнографии АН КазССР на раскопках архитектурного сооружения Баба-Ата в Сузакском районе Южно-Казахстанской области.¹⁶¹ В экспедиции он числился внештатным фотографом, но полагаем, роль его в этих исследованиях как сложившегося историка искусства и архитектуры Средней Азии была куда значительней. Фактически он был вторым научным руководителем диссертации начальника Баба-Атинской экспедиции Е.И. Агеевой, ободряя в своих письмах молодого учёного, которому непросто было работать в отрыве от крупных научных центров, и давая ценные советы.

159 Ёлгин Ю.А., Алибаева С.К. Борис Николаевич Засыпкин и его вклад в изучение и реставрацию мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави // ИМОННАН РК: Сер. общественных наук. – 2000. – №1. – С.28 – 39.

160 Остатки этих материалов (научные паспорта с великолепно выполненными рукой Ремпелья топопланами) можно было видеть ещё в 1980-х гг. среди бумаг отдела охраны памятников Чимкентского музея. – Авт.

161 Ремпель Л.М. Мои современники (20-е – 80-е годы). – Ташкент: Изд-во литер. и искусства, 1992. – С.166, 170.

– Всесоюзной архитектурной академии и Московского архитектурного института (МАРХИ). В.Л. Воронина, говоря о защите ряда диссертаций в МАРХИ на темы архитектуры Средней Азии, не приводит ни одного конкретного примера, не называет опубликованных работ.¹⁷⁰ Для нас более существен тот факт, что во Всесоюзной академии архитектуры в 1933 – 1937 гг. работал младшим (а затем старшим) научным сотрудником Л.И. Ремпель, уже в те годы обративший внимание на архитектуру ислама¹⁷¹ и впоследствии написавший капитальные обобщающие труды по искусству и архитектуре Средней Азии. Касался он в отдельных статьях и районов Южного Казахстана, в основном в археологическом отношении.¹⁷²

В предвоенные годы наблюдается эпизодическое освещение памятников средневековой архитектуры в археологических публикациях. Связано это с созданием в 1938 г. Джамбулского археологического пункта (ДАП) под руководством Г.И. Пацевича, работавшего под эгидой Семиреченской археологической экспедиции во главе с А.Н. Бернштамом, и оживлением археологических исследований в Южном Казахстане. Экспедиционные маршруты ДАП пролегли и по территории Южно-Казахстанской области. В 1940 г. была проведена большая археологическая разведка в регионе «Джамбул – Чимкент».¹⁷³ Тогда Г.И. Пацевичем были описаны памятники культовой архитектуры на территории городища Сайрам.¹⁷⁴

Позднекультовая архитектура в Южно-Казахстанской области к началу войны ещё не стала предметом *специального* изучения. Надо признать, что и памятники средневековой археологии в период 1930 – 1940-х гг. были изучены слабо.¹⁷⁵

170 Воронина В.Л. Советские учёные об архитектуре Средней Азии: Обзор работ по изучению архитектуры Средней Азии за 25 лет (1917 – 1942 гг.) // Сообщения Кабинета теории и истории архитектуры Академии архитектуры СССР. – М., 1943. – Вып.3. – С.14, 21.

171 Ремпель Л.И. Архитектура ислама // Академия архитектуры. – 1935. – №3. – С.47 – 52; его же. Мавзолей Измаила Саманида // Академия архитектуры. – 1936. – №5. – С.82 – 84; его же. Архитектура Хивы: Путевые заметки // Архитектура СССР. – 1936. – №9. – С.46 – 51.

172 Ремпель Л.И. Интересная археологическая находка в долине Таласа // ВАН КазССР. – 1953. – №4. – С.79 – 81; его же. Археологические памятники в дальних низовьях Таласа // ТИИАЭ АН КазССР. – 1956. – Т.1: Археология. – С.61 – 72; его же. Каменный сосуд из Турткуль-Тепе // Художественная культура Средней Азии. IX – XIII века. – Ташкент: Изд-во литер. и искусства, 1983. – С.169 – 176 (данная статья была написана в 1952 г., один её машинописный экземпляр хранился в архивном фонде ЮКОМ. – Авт.).

173 Маханбаева Н.Н. Вклад Джамбылского археологического пункта в историю археологического изучения Жетысу // ИНАН РК: Сер. общественных наук. – 2005. – №1. – С.289 – 281.

174 Байтанаев Б.А. История археологического изучения Испиджабского историко-культурного района (XIX – XX вв.) // ИНАН РК: Сер. общественных наук. – 2012. – №3. – С.184.

175 Там же. С.194.

25. Мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави. 1389 – 1399 гг. Главный портал. Фото А.П. Рассказова. 1981 г.
Mausoleum of Khoja Akhmed Yassawi. 1389 – 1399. Main entrance. Photo by A.P. Rasskazov. 1981.

Ситуация кардинально изменилась в послевоенные годы. Во время Великой Отечественной войны и после её окончания проводилась политика частичного возрождения религиозной жизни под жёстким контролем государства. В 1948 г. в Чимкенте открылись три церковных прихода, соборная мечеть была возвращена мусульманам. Несомненно, эти изменения косвенным образом повлияли на отношение к культовому зодчеству, но в изучении архитектурного наследия Казахстана стал более важным другой фактор – создание республиканской Академии наук и открытие в её составе Института истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова (ИИАЭ АН КазССР). В том же году начала работать Центрально-Казахстанская археологическая экспедиция ИИАЭ. На северных склонах Каратау ею были обследованы средневековые городища Сузак, Баба-Ата, Ак-Сумбе. В поле зрения археологов попали памятники архитектуры, находящиеся на их территории. В составе ИИАЭ АН КазССР появился сектор архитектуры. В 1948 г. работала комплексная экспедиция сектора архитектуры

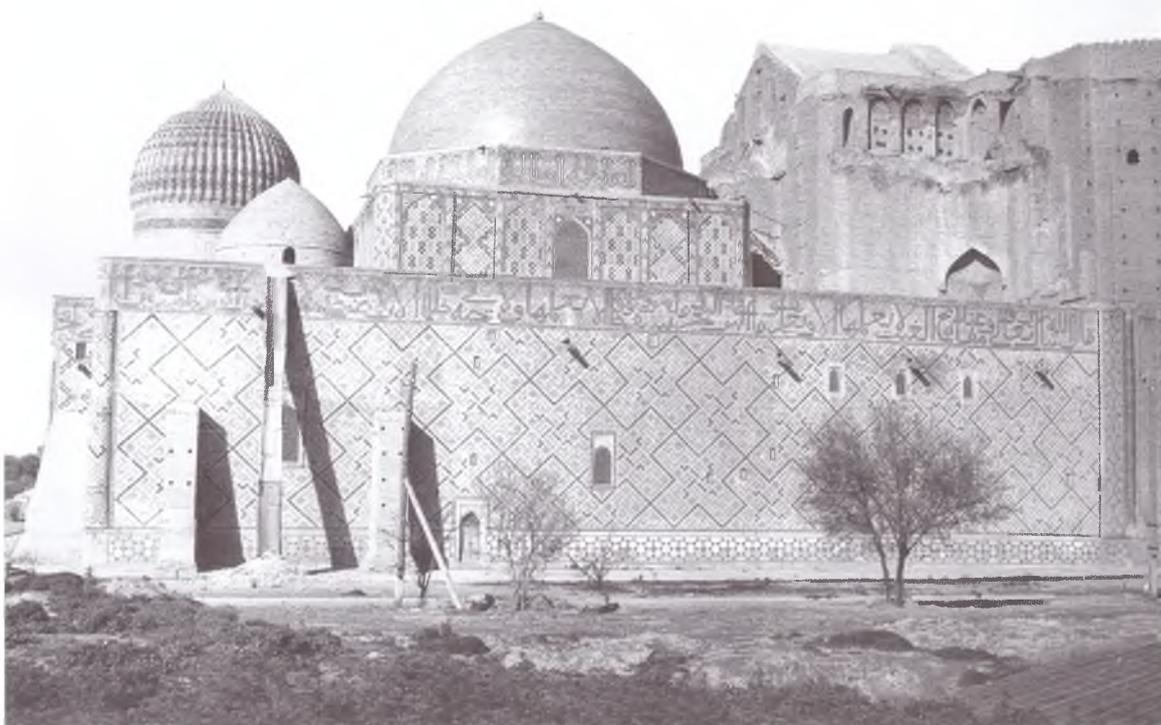
26. Мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави. 1389 – 1399 гг. Северный фасад. Фото А.П. Рассказова. 1981 г.
Mausoleum of Khoja Akhmed Yassawi. 1389 – 1399. North façade. Photo by A.P. Rasskazov. 1981.

и сектора археологии ИИАЭ АН КазССР, изучавшая памятники средневековой архитектуры по дороге из Чимкента в Джекказкан. В.В. Константинова исследовала памятники на Средней Сырдарье (мавзолей-мечеть Арыстан-Баб, мавзолей Али-Ходжа-Ата и Кара-Сопы, Большая и Малая мечети в Карнаке),¹⁷⁶ Г.Г. Герасимов – средневековые архитектурные сооружения у северных склонов Каратау вплоть до Сузака (комплекс мечети-медресе Аппак-Ишан и мавзолей Аулие-Тобе в с. Чайн, остатки цитадели в Чулак-Кургане, мавзолей-мечеть и медресе Баба-Ата в одноименном урочище на средневековом городище, мечеть Ногай-Ишан в Сузаке и др.).¹⁷⁷

Это были многосторонние исследования, включающие в себя натурное обследование, фотофиксацию, архитектурный обмер, обмеры и зарисовки фрагментов ар-

176 Константинова В.В. Некоторые архитектурные памятники по среднему течению реки Сыр-Дарьи // ИАН КазССР: Сер. архитектурная. – 1950. – №80. – Вып.2. – С.37 – 54.

177 Герасимов Г.Г. Памятники архитектуры Каратау // Там же. С.55 – 82.

27. Мавзолей Ходжи Акмеда Ясави. 1389 – 1399 гг. Западный фасад. Фото А.П. Рассказова. 1981 г.
Mausoleum of Khoja Akhmed Yassawi. 1389 – 1399. West façade. Photo by A.P. Rasskazov. 1981.

хитектурного декора, сбор сведений историко-архитектурного характера (легенды и предания, связанные с памятником, история его создания, ремонты и перестройки и т.д.). Иногда предпринимались попытки графической реконструкции (вариант предполагаемой композиции портала мавзолея-мечети Баба-Ата, предложенный Г.Г. Герасимовым).

Результаты исследований конца 1940 – начала 1950-х гг. публикуются в «Известиях» АН КазССР, как архитектурной, так и в археологической сериях издания. Исследования 1948 года были включены М.М. Мендикуловым в его обобщающую работу о позднесредневековой архитектуре Казахстана. Кроме памятников Средней Сырдарьи и Каратау им впервые была описана соборная мечеть в Чимкенте.¹⁷⁸ Памятники средневековой архитектуры Южного Казахстана становятся известными авторам монографических работ по градостроительству и архитектуре Средней Азии. Так, В.А. Лавров в книге по градостроительству и архитектуре Средней Азии

178 Мендикулов М.М. К характеристике архитектуры Казахстана XIX и начала XX века // Маргулан А., Басенов Т., Мендикулов М. Архитектура Казахстана. – Алма-Ата: Казгосиздат, 1959. – С.119, 128, 129, 130.

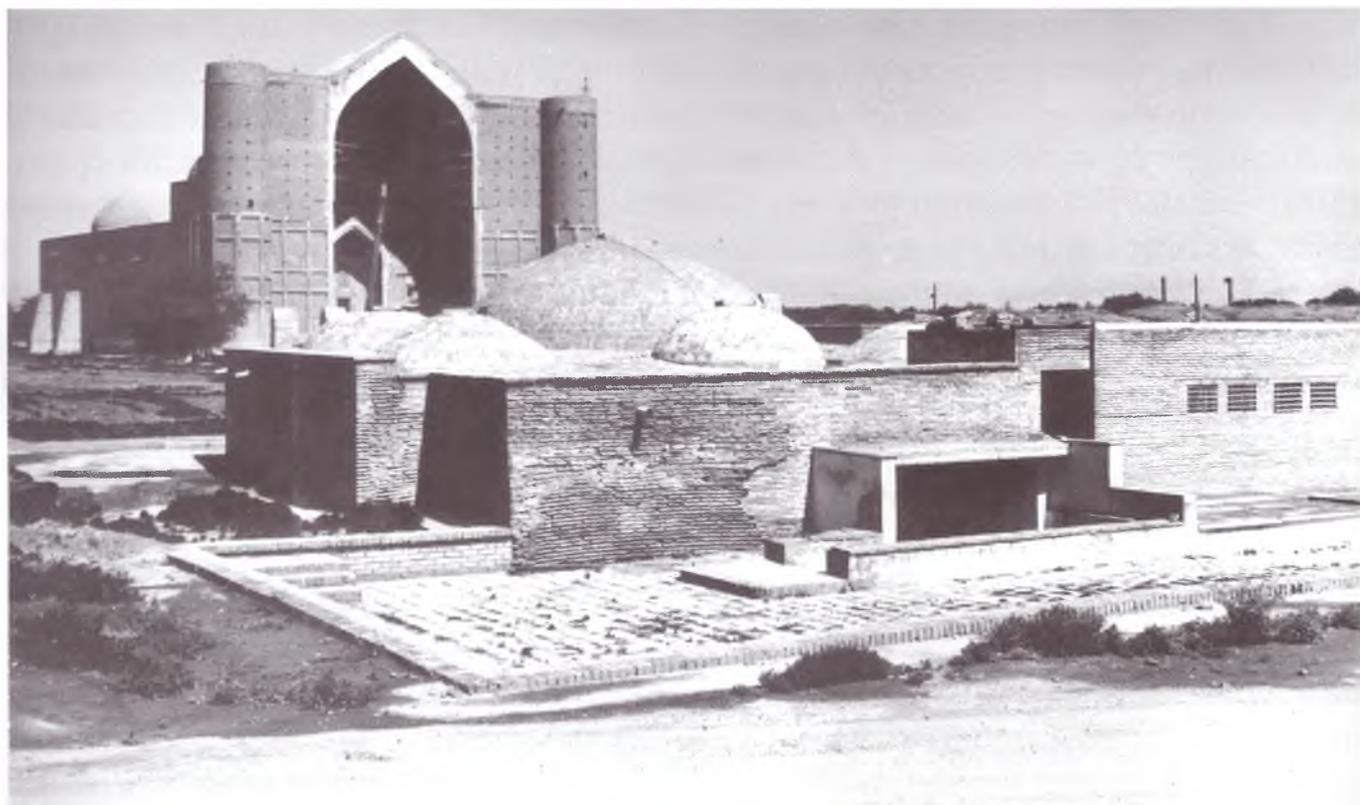

В 1920 -1960-е гг. изучались памятники культовой архитектуры, в большей или меньшей степени затронутые дореволюционными исследователями. Особенность нового этапа состоит в том, что наряду с уже довольно хорошо известными памятниками были выявлены в очень краткие сроки (1981 - 1982 гг.) совершенно неизвестные сооружения культовой архитектуры, о которых нет упоминаний в литературе.

С 12 октября по 5 ноября 1981 г. предпринята экспедиция в Чимкентскую область для сбора материалов по Своду, главным образом по выявлению неучтённых памятников архитектуры. Она состояла из двух отрядов - Чимкентско-Сайрамского и Полевого. Участники первого из них работали в Государственном архиве Чимкентской области, областной библиотеке, бюро технической инвентаризации, институте «Южгорсельпроект». Ими было учтено 38 памятников. Сделаны их обмерные чертежи, произведена фотофиксация, съёмка генпланов и планов. Второй отряд работал в Алгабасском, Бугунском, Сузакском районах Чимкентской области. Он действовал в тесном контакте с местными краеведами, указывавшими местонахождение неизвестных памятников. Было выявлено 60 памятников архитектуры и монументального искусства. На каждый памятник составлен научный паспорт, включающий дефиницию, краткое описание, фотографии фасадов, планы и разрезы сооружений и заведены учётные карточки.¹⁸³ Собранный материал составил основу архитектурного раздела Свода по Чимкентской области.

Однако написание статей Свода по памятникам архитектуры оказалось наиболее трудным делом. По сравнению с археологической его частью, написанной ведущими археологами Казахстана на высоком профессиональном уровне, некоторые статьи по архитектуре выглядели совершенно беспомощными. Сказались почти полная неизученность (за исключением памятников г. Туркестана, к этому времени уже имевшими историю своего изучения) материала и отсутствие квалифицированных кадров историков архитектуры, что было одной из главных причин задержки издания Свода по Чимкентской области. 4 июня 1982 г. президиум АН КазССР, коллегия Министерства культуры и Госкомиздат Казахской ССР приняли совместное специальное постановление по выполнению решений директивных органов по изданию Свода. Подготовка археоло-

¹⁸³ Асылбеков М. О Своде памятников истории и культуры Казахстана // Памятники истории и культуры Казахстана. - Алма-Ата: Өнер, 1984. - С.81.

29. Мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави. 1389 – 1399 гг. (на переднем плане восточная баня XIX в.). Фото А.П. Рассказова. 1981 г.
 Mausoleum of Khoja Akhmed Yassawi. 1389 – 1399 (Oriental bath of 19th century to the fore). Photo by A.P. Rasskazov. 1981.

гической части Свода возлагалась на ИИАЭ АН КазССР, архитектурной – на Институт «Казпроектреставрация» Министерства культуры Казахской ССР.¹⁸⁴ В последний были привлечены квалифицированные кадры архитекторов и искусствоведов (И.М. Байтенов, Т.Д. Джанысбеков, Г.М. Камалова, Е.Г. Малиновская, Н.Н. Мухамедиева, А.Н. Проскурин, Н.И. Синенькая, Е.Х. Хорош и др.) и предприняты историко-архивные и историко-библиографические изыскания в архивах и библиотеках Москвы, Ленинграда, Ташкента, Алма-Аты, Оренбурга, Томска, после чего недоработки по архитектурной части первого тома Свода были устранены.

Одновременно с формированием к середине 1980-х гг. единой госструктуры для решения вопросов, связанных с изданием Свода памятников, активизировало свою деятельность созданное в 1972 г. Казахское Общество охраны памятников истории и культуры (КазООПИиК). В 1980

¹⁸⁴ Смаилов Н. О Своде памятников истории и культуры народов СССР... С.115.

30. Туркестан. Восточная баня. XIX в. Фото А.П. Рассказова. 1981 г.
Turkestan. Oriental bath. 19th century. Photo by A.P. Rasskazov. 1981.

В 1983 г. институтом «Казпроектреставрация» был разработан проект реставрации мавзолея Ходжа-Салих. К 1991 г. силами Чимкентской реставрационной мастерской памятник частично отреставрирован (вернее, отремонтирован). Эти работы фиксировали состояние мавзолея в 1963 – 1983 гг., отраженное в обмерных чертежах. Для восстановления декора, почти полностью утраченного к началу 1960-х гг., и первоначальных перекрытий не было историко-архитектурных и иконографических данных. Консервация состояния памятника на начало 1990-х гг. была бы оптимальным вариантом, поскольку продолжал усиливаться крен несущих стен наружу. Дальнейшие работы могли бы только повредить.

Во второй половине 1990-х гг. нами был обнаружен в фондах ЮКОМ старый пожелтевший незарегистрированный снимок без подписи, размером 10,7 x 7,2 см. Большая часть его верхнего левого угла была оторвана, но не утрачена. Там же находилась увеличенная фоторепродукция, сделанная со сложенных частей снимка. На фотографии представлено архитектурное сооружение, имеющее кубический объём, со стрельчатыми арками на фасадах, перекрытое сфероконическим куполом на цилиндрическом барабане. На куполе виден архитектурный объём, аналогичный фонарям цилиндрических минаретов. Минарет, поставленный на купол или кровлю здания, часто встречается в культовом зодчестве Средней Азии и юга Казахстана XVIII – XIX вв.

золей, где более всего ощутимы местные самобытные черты в архитектуре, попросту заменялись современными сооружениями. В итоге в культовом зодчестве исчезает его этнографическое содержание и сопутствующая им аура подлинности.

Периодом начала 1990-х годов мы заканчиваем данный историографический экскурс. Вероятно, те изменения в культовом зодчестве, которые последовали за преобразованиями в стране, будут знаменовать новый этап в развитии архитектуры ислама. Формируется новая страница в истории культового зодчества Казахстана. С другой стороны, повсеместная замена аналоговой фотографии цифровой также по-иному отразится на отображении и восприятии архитектурного наследия.

ПО СВЯТЫМ МЕСТАМ

Путиями мусульманских паломников

В массе культовых зданий особо выделяются мемориальные сооружения – мавзолеи. Развитие культа святых в исламе, наложенное на искони древнее почитание духов предков, особенно сильное среди казахов, было благодатной почвой для развития этого вида зодчества.

Мавзолеи Южно-Казахстанской области можно разделить на несколько групп по святым и тому, какое место они занимают в религиозных верованиях населения. Это, прежде всего, мавзолеи святых, имеющих отношение к раннему исламу на юге Казахстана, сооружённые над могилами первых миссионеров, утверждавших ислам в крае. Это мавзолеи-мечети Баба-Ата в Сузакском районе и Арыстан-Баб под Отраром, сайрамские мавзолеи Абдель-Азиз-Баб, Мир-Али-Баб, Падшах-Малик и др. Много в области мавзолеев святых, имеющих отношение к суфийской традиции в исламе. Это, конечно же, мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави, мавзолей Кара-Бура (Бура-Хана), сподвижника основателя караханидской династии Карахана, в Сузакском районе, мавзолей Имам-Маркоз (Маргузи) в с. Шабанак Туркестанского района и др. Мавзолеи этих святых возводились, как правило, в виде портално-купольных сооружений, традиционных для Средней Азии, где были более сильны институты ислама. В более своеобразных, архаических формах строились мавзолеи местночтимых святых – покровителей отдельных местностей, профессиональных занятий (особенно скотоводства), имеющих

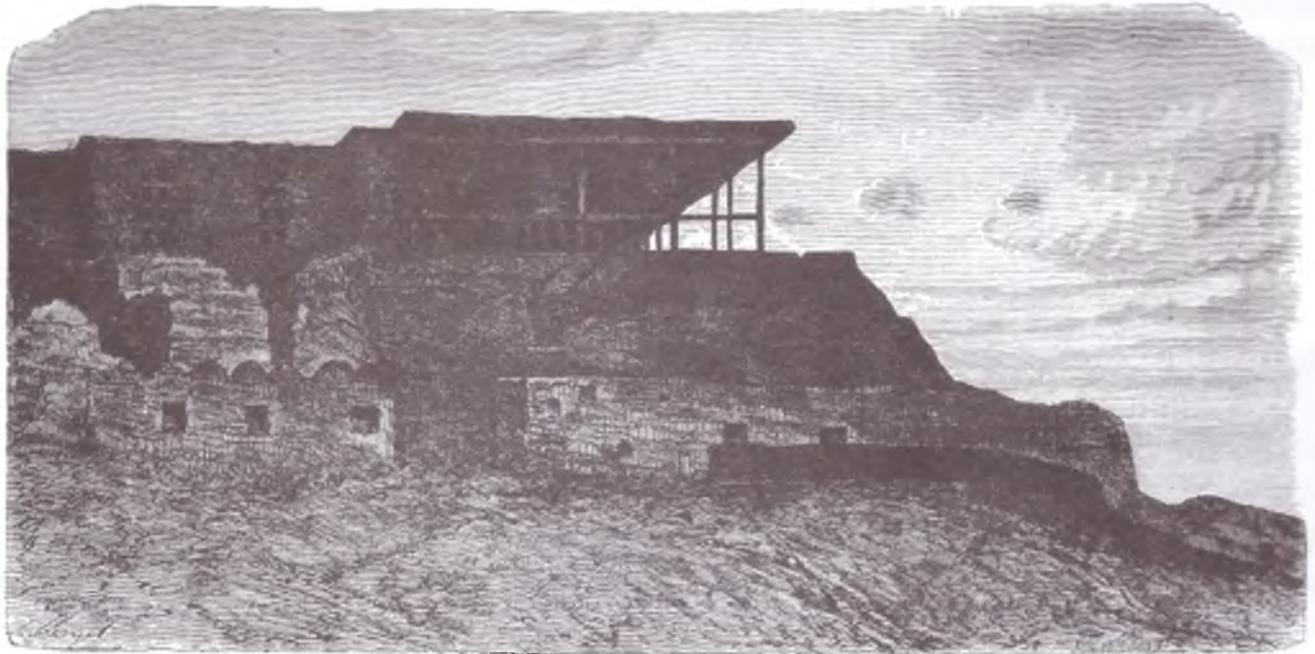
Дозволено Цензурою.

Съ картины, принадлеж. А. К. Гейнсъ.

Литогр. Беккера и К^о.

Ч И М И К Е И Д Ъ

Цитадель и городъ съ восточной стороны.

THE CITADEL AT TCHIMKENT.

31. Чимкент. Вид на цитадель. Рис. В.В. Верещагина. Из книги Ю. Скайлера «Туркестан».

Chimkent. View on citadel. Picture by V.V. Vereshchagin. From the book of Eugene Schuyler «Turkestan».

этому же времени предание относит и возникновение описываемых мавзолеев в Сайраме. В композиции узгенского и сайрамских мавзолеев прослеживается определённая тенденция, у которой наиболее вероятны тюркские корни, так как в этом регионе, начиная с раннего средневековья, выдвигаются на первую роль тюркоязычные этносы, с военными и хозяйственными миграциями.¹⁵

В основе как узгенского, так и сайрамских памятников лежит единая пространственная идея. Вызвать ее к жизни могла функциональная необходимость, связанная с ритуалом поминовения и поклонения чтимым могилам. Вслед за Л.Ю. Маньковской, предположившей, что Средний мавзолей в Узгене мог быть поминальной мечетью-зиаратханой, открывавшей выход к некрополю под открытым небом и превратившейся позже в мавзолей,¹⁶ мы по аналогии перенесли эти выводы на рассматриваемые сайрамские памятники, исходя из

¹⁵ Андрианов Б.В. Этническая история и хозяйственно-культурное развитие древних и средневековых народов Средней Азии и Казахстана // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. – М., 1991. – Вып. III: Этнография. – С.9.

¹⁶ Маньковская Л.Ю. Типологические основы зодчества Средней Азии: (IX – начало XX в.). – Ташкент: Фан, 1980. – С.106..

наличие двух обработанных декором фасадов), принятое Л.Ю. Маньковской, было признано ошибочным. Вероятно, это не единственное заблуждение. А.М. Прибыткова, поддерживавшая идею прототипа центрических мавзолеев в виде чортака, считала, что первоначально Средний мавзолей имел не два, а четыре входа; северный и восточный были заложены ещё в древности до половины толщины стен, превратившись во внутренние ниши, без объяснения, однако, причин этого. В.Д. Горячева объяснила это катастрофой в момент отделки здания – землетрясением, волны которого были направлены в юго-западном направлении.²² Однако заметим, если это так, то почему эта ориентация была повторена в других памятниках в других регионах?

Момент превращения мечети с двумя перпендикулярными проёмами, в случае правильности гипотезы Л.Ю. Маньковской, надо полагать, вероятнее усматривать в замене второго (южного) дверного проёма подобием оконного, низкопоставленного, забранного панджарой (в Узгене этот фасад вообще закрыт пристройкой Южного мавзолея). Но подобные проёмы часто соединяют *гурхану* и *зиаратхану* в многокамерных комплексах как позднего времени, так и более ранних памятниках, как например, в мавзолее Кусамы ибн Аббаса (XI в.) в ансамбле Шах-и Зинда в Самарканде.²³ Уже в XI – XII вв. складывается тип мавзолея с усыпальницей, соединённой низкопоставленным арочным проёмом с решёткой, с другим помещением, предназначенным для поминального обряда. В наружных стенах некоторых мавзолеев также устраивались арочные ниши с зарешеченными проёмами. Закономерным будет их наличие и в однокамерных ранних мавзолеех. Очевидно, этого уже тогда требовал обряд поминовения и поклонения, регламентированный в той мере, чтобы иметь локальные особенности, влияющие на структуру мемориального сооружения. Таким образом, пространство гурханы отделялось от внешнего мира и в то же время сохраняло с ним сакральную связь.

Рассматриваемые мавзолеи – это одиночно стоящие здания, до недавнего времени никак не связанные с окружающей застройкой (близлежащие мечети и подсобные помещения построены в 1990-х гг. и архитектурно с существующими памятниками не взаимодействуют). Любой архитектурный объект не мыслится без обволакивающего его пространства и так или иначе вступает в диалог с окружающей средой. Это аксиома. Пространство же, в свою очередь, в числе

22 Там же. С.81.

23 Немцева Н.Б., Шваб Ю.З. Ансамбль Шах-и Зинда: Историко-архитектурный очерк. – Ташкент: Изд-во литер. и искусства, 1979. – С.38 – 40.

Ходжа-Талиг (Ходжа-Салих в более грамотной транскрипции). Согласно устным преданиям и некоторым «агиографиям», Ходжа-Салих якобы приходился отцом Хазрет Хызру,²⁹ считавшемуся одним из допотопных пророков, относящихся к доисламской истории. Хызр в Коране по имени не назван, но пророк Салих – коранический персонаж. Оба агнионима присутствуют в коранических сказаниях и находят отзвук в библейской традиции.

В 2004 г. в охранной зоне этого мавзолея, в двух метрах от его восточного фасада был заложен раскоп (более детальные и максимально приближённые к памятнику работы были отложены из-за опасения, вызванного сильным креном стен здания наружу). Раскоп имел размеры 2 x 2 м и был углублён до 1,20 м. В нём под плотным десятисантиметровым дерновым слоем залегал полуметровый горизонт сероватого уплотнённого грунта, содержащего фрагменты жжёного кирпича и обломки средневековой керамики. В юго-восточном углу раскопа в описанном слое найден разбитый хум, очевидно, лежавший на уровне пола первого строительного горизонта. Далее залегал чистый материковый лёсс.

В раскопе не обнаружено позднесредневековых материалов. Не выявлены и следы построек, которые могли бы предшествовать сохранившемуся зданию, хотя предания упоминают об его неоднократном возобновлении и перестройках. Фрагменты кувшинов, котлов и хумчи датируются в пределах X – XII вв. Они имеют аналогии в материалах Отрара, Шаша, Тараза, Афрасиаба и др.

Однако этого нельзя сказать о найденной глазурованной керамике и фрагменте бронзового светильника. Аналогии к тарелке с прочерченным подглазурным орнаментом мы нашли среди материалов Самаркандского Согда. А это более ранние образцы керамики, относящиеся ко второй пол. IX – X вв. Бронзовые светильники-торшеры обнаружены среди материалов Тараза X – XII вв. и Семиречья XI – XIII вв. И хотя вопрос о существовании на месте мавзолея Ходжа-Салих более раннего культового сооружения остаётся открытым, полученные данные могут говорить о том, что предание не совсем бесосновательно относит его возникновение к караханидской эпохе (как и других упоминавшихся мавзолеев). Описываемый раскоп – едва ли не первый пример археологического исследования в Сайраме у столь позднего памятника. Такие работы призваны подтвердить или опровергнуть построения, основывавшиеся на неархеологических данных. Все материалы, полученные в ходе последних исследований городища, датируются X – XI или XI – XII вв., что позволяет отнести основание города к саманидскому времени. Именно в этот период начинает распространяться суфизм и вместе с

29 Беркинбаев Е., Мирхалдаров М. Святых в Сайраме бессчётно... С.39.

ним развивается культ святых³⁰ и, как следствие этого – интенсивное строительство мавзолеев, идея которых в принципе противоречила установлениям ортодоксального ислама. Суфизм во многом и стал той почвой, на которой сложились особенности сайрамских мавзолеев.

Не изменение первоначальной функции при неизменности структуры (превращение мечети в мавзолей, хотя и это могло произойти, например, с мавзолеем Ходжа-Салих), а функциональный фактор, на наш взгляд, оказал влияние на структуру двухпортальных мавзолеев Сайрама. В силу вступили законы формообразования. Ритуал диктовал постановку рядом двух порталов под прямым углом друг к другу. Приём контрастного построения исключался, так как в пределах одной стандартной архитектурно-планировочной ячейки «квадрат плана – купол – портал» соседство двух неодинаковых порталов нарушило бы принципы центрально-осевой симметрии и разбило ритм, тогда как удвоение одной и той же формы (приём нюанса)³¹ вело к монументализации небольшого в общем-то объёма и в итоге – к известному усилению архитектурного образа.

Вышесказанным не исчерпываются все аспекты интерпретации композиции двухпортальных мавзолеев Сайрама. Синкретизм религиозных идей, лежащих в истоках их композиции, очевиден и требует рассмотрения не только на архитектуроведческом, но и мировоззренческом уровнях.

Видное место в Сайраме занимают усыпальницы первых исламских миссионеров на юге Казахстана. К ним относятся мавзолей Мир-Али-Баб и остатки мавзолея его отца Падшах-Малика, находящихся в западной части села, на старом кладбище, неподалеку от мавзолея Карашаш-Ана.

Считается, что Мир-Али-Баб и Падшах-Малик – лица исторические. Мир-Али-Баб жил в конце XI – начале XII вв. Он состоял в личной переписке с Юсуфом Хамадани (1048/49 – 1140), одним из главных проводников ислама на среднеазиатской земле. Усиленно распространял суфизм – мистико-аскетическое направление в исламе. Учитывая его заслуги перед религией, уместно предположить, что мавзолеем над могилой Мир-Али-Баба был сооружён уже в XII в. Сохранившееся здание, на первый взгляд, относится к привычному типу небольшого однокамерного портално-купольного мавзолея. Но при традиционной объёмно-планировочной схеме, имевшей хождение в бесконечном множестве вариантов, мы видим некое новшество – устройство полуциркульных арок вместо ставших каноническими стрельчатых. В этом сказалось влияние

30 Немцева Н.Б. Ханака Сайф ад-Дина Бахарзи в Бухаре: (К истории архитектурного комплекса). – Бухара, 2003. – С.43.
31 Кринский В.Ф., Ламцов И.В., Туркус М.Л. Элементы архитектурно-пространственной композиции. – М.: Изд-во литер. по строительству, 1968. – С.22.

32. Чимкент. Вид на цитадель. Фото из «Туркестанского альбома». 1871г.
Chimkent. View on citadel. Photo from «Turkestan Album». 1871.

русского гражданского и культового зодчества, которое начало проникать в местную архитектуру. Особенно оно чувствуется в оформлении портала этого мавзолея. В нем выведена полуциркульная арка. По контрасту с простыми гладкими стенами он щедро украшен фигурной кирпичной кладкой, весьма далекой от обычных восточных мотивов. Декоративные пояски и карнизы, ложные фронтоны, по форме напоминающие килевидные кокошники, т.н. «сухарики», идущие лесенкой, заимствованы из архитектуры русской эклектики второй половины XIX в. Это оживило портал, сделало его нарядным по сравнению с суровым аскетизмом поздних мавзолеев Южного Казахстана.

Датируемый началом XX в., мавзолей Мир-Али-Баб среди сайрамских мавзолеев самый молодой памятник. Но его происхождение также уходит в глубь веков. За существующим зданием сохранились остатки мавзолея, Падшах-Малик-Баба, построенного будто бы в XV в. Он тоже был двухпортальным.

Памятником раннему исламу на юге Казахстана является также другой сайрамский мавзолей – Абдель-Азиз-Баб. Он находится в северной части Сайрама, на огороженном кладбище. Его название представляет собой казахский вариант арабского

Дозволено Ценаурою.

Съ натуры рисовъ Д. Вележевъ.

Литогр. Бейкера и К°

ЧИМЖЕНДЪ

Цитадель.

34. Чимкент. Мечеть Джами. 1890—е гг. Общий вид. Фото 1950-х гг. (?), Из фондов ЮКОМ.
Chimkent. Jami mosque. 1890's. General view. Photo of 1950's (?) from the funds of SKOM.

После смерти святого над его могилой был сооружён небольшой мавзолеем караханидского типа. Поскольку место это было очень почитаемым, вблизи него возник ряд построек, связанных с культом Ходжи Ахмеда. В 1389 – 1399 гг. по приказу Тимура возводится новое монументальное здание, по мнению современных исследователей, объединившее прежние постройки.⁵¹ Так возник комплекс, объединявший в строгом прямоугольнике стен свыше 35 различных по назначению, размерам и архитектуре помещений. Ядром этого комплекса стал казандык (получил название по казану, отлитому из семи сплавов металлов мастером из Тавриза Абд ал-Азизом и установленному в центре зала).⁵² Сюда к казандыку примыкает грандиозный недостроенный портал, с севера – усыпальница святого (гурхана). С востока и запада

51 Маньковская Л.Ю. Некоторые археологические наблюдения по реставрации комплекса Ходжи Ахмеда Ясави в г. Туркестане // ИАН КазССР: Сер. истории, археологии и этнографии. – 1960. – Вып.3 (14). – С.66 – 67. Выводы М.Е. Массона и Л.Ю. Маньковской о периодизации строительства мавзолея получили фактографическое подтверждение в ходе позднейших археологических исследований казахстанских учёных. – См.: Смагулов Е.А., Туякбаев М.К. Новое в ранней истории некрополя г. Туркестан // ИМНАН РК: Сер. общественных наук. – 1998. – №1. – С.25 и др.

52 Сам котёл представляет собой предмет отдельного исследования. – См.: Иванов А.А. О бронзовых изделиях конца XIV в. из мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави // Средняя Азия и её соседи в древности и средневековье: История и культура. – М.: Наука, ГРВЛ, 1981. – С.68 – 84.

35. Чимкент. Мечеть Джами. 1890-е гг. Главный фасад. Фото М.М. Мендикулова. 1950-е гг.
Chimkent. Jami mosque. 1890's. Front façade. Photo by M.M. Mendikulov. 1950's.

к нему прилегают большие двусветные залы – Малый Ак-Сарай, *кудукхана*, *халимхана* (кухня, где приготавливалась ритуальная пища – *халим*), *китапхана* (библиотека) и квадратные в плане *худжры* (кельи для паломников). Мечеть и Большой Ак-Сарай расположены по обеим сторонам гурханы. 4 пары двухэтажных коридоров делят здание на 8 пространственных блоков. Все части мавзолея соразмерны и композиционно уравновешены. В целом мавзолей Ясави воплощает характерные черты зодчества эпохи Тимура: укрупнённые размеры, внутренняя логика и законченность композиции, роскошь декора. В последнем употреблён весь комплекс художественных приёмов: широкое использование шлифованного и поливного кирпича в обработке больших поверхностей стен, куполов и барабанов, разнообразие орнаментов, широкое применение цвета. Интерьеры мавзолея представляют блестящие образцы синтеза архитектурных, скульптурных форм и монументальной живописи, дополненного комплексом предметов металлического убранства.

Между тем мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави, как и всякое большое явление в мировом искусстве, породил и будет ещё порождать множество гипотез, предположений, целых научных концепций, будут выявляться всё новые его грани. Своим возвышением и превращением в столицу Казахского ханства город Ясы-Туркестан во многом обязан этому величественному памятнику.

36. Чимкент. Мечеть Джами. 1890-е гг. Михрабный зал. Фото 1950-х н. (?). Из фондов ЮКОМ.
Chimkent. Jami mosque. 1890's. Mikhrab hall. Photo of 1950's (?) from the funds of SKOM.

Вокруг мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави со временем сложился целый некрополь, состоящий из мавзолеев Рабии Султан-Бегим (XV в., разобран во второй пол. XIX в. и восстановлен в 1980-х гг. по старым фотографиям и описаниям) и казахского хана Есима (XVII в.), мавзолеев Безымянного и Восьмигранного (XVI в.) и других, менее значительных захоронений. Сохранился ряд сооружений, связанных с суфийскими ритуалами и культом Ахмеда Ясави, таких, как *чилляхана* (XV в.), хильват Большой (XII – XIX вв.), подземная мечеть Аулие-Кумчик-Ата (XII в.), восточная баня (XVI – XIX вв.). В XIX в. неподалёку от мавзолея Ясави сооружена джума-мечеть.

37. Чимкент. Мечеть Джами. 1890-е гг. Западный фасад. Фото А.П. Рассказова. 1981 г.
Chimkent. Jami mosque. 1890's. West façade. Photo by A.P. Rasskazov. 1981.

Султан Ибрахим».⁵⁷ Благодаря этому свидетельству нам стал известен фокус с «качающимися» минаретами.

На бескрайних степных просторах северных районов Южно-Казахстанской области также можно встретить множество интересных архитектурных памятников. Такова мечеть Ногай-Ишан, построенная в начале XX в. в центре с. Сузак. Она, прежде всего, замечательна своим главным фасадом, в котором оригинально сочетаются старые порталные формы с двумя минаретами и лоджия стрельчатого очертания с ажурной деревянной решеткой и лепестковым венцом над аркой. Это яркий пример соединения традиций и новаций, коснувшихся культового зодчества в Казахстане в конце XIX – начале XX вв.⁵⁸

57 Болдырев А.Н. Мемуары Зайн ад-Дина Восифи как источник для изучения культурной жизни Средней Азии и Хорасана // ТОВГЭ. – 1940. – Т.II. – С.244.

58 Исабаев Г.А. Трансформация «кирпичного» стиля и модерна... С.42-43; Мендикулов М.М. К характеристике архитектуры Казахстана XIX и начала XX века // В кн.: Маргулан А., Басаров Т, Мендикулов М. Архитектура Казахстана. – Алма-Ата: Казгосиздат, 1959. – С.128 – 129.

Кроме этой мечети в Сузаке был сооружен в разное время целый ряд мавзолеев из сырцового кирпича – уже упоминавшиеся мавзолей Кара-Бура, мавзолей Казанши-Ата, Аже-Ата, Кулак-Ата и др. Это небольшие однокамерные, перекрытые зачастую ложными куполами сооружения. Их непрезентабельный архаический облик некоторые исследователи связывали с экономическим упадком вследствие джунгарского завоевания. Но некоторые из них сооружены гораздо позднее этих бедственных событий – в XIX веке. Мы не исключаем, что их архаичность продиктована особенностями культа этих святых, более приближённых к народным верованиям, чем к официальному исламу, о чём свидетельствуют по-народному простосердечные названия памятников.⁵⁹

Настоящей, неподдельной архаикой веет от другого памятника – башни Аксумбе, расположенной в Сузакском районе в одноименной местности. Она сложена из сырцового кирпича и датируется XIII – XIV вв. Упоминается в источниках как сторожевая башня, но не исключено, что могла иметь и культовое значение.⁶⁰

В целом Сузакский район богат мавзолеями чрезвычайно. Только в с. Тасты на севере района в 1980-х гг. было поставлено на государственный учёт более десятка мавзолеев. Многие из них очень интересны в архитектурном отношении и оставляют неизгладимое впечатление, несмотря на разрушения.

В этом же районе находится крупный культовый комплекс Баба-Ата. Он возник в живописном урочище Баба-Ата, на цитадели одноименного городища, отождествлённого в научной литературе с городом Баладжем, известным по арабским источникам с X в.⁶¹ Начало комплексу дало монументальное здание дворцово-замкового типа, сложенное из сырцового кирпича на высокой платформе. Здание нижнего слоя датируется VI – VIII вв. Это было прямоугольное в плане сооружение, с большим восьмигранным в плане залом, перекрытым полусферическим куполом, укрепленным четырьмя взаимно перпендикулярными контрфорсами. К нему примыкали квадратные купольные помещения поменьше. Чередование куполов и сводов, выведенных на кровлю, придавали сооружению большую выразительность.

Это здание было вскрыто раскопками 1957–1958-х гг. и реконструировано археологом Е.И. Агеевой.⁶² Но это был настолько интересный и многозначный памятник,

59 Рысбергенова К.К. Историко-лингвистический анализ топонимов Южного Казахстана. – Алматы: Ғылым, 2000. – С.89 – 90.

60 Башня Ак-Сумбе // Археологическая карта Казахстана: Реестр. – Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1960. – С.226.

61 Байпаков К.М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья: (VI – начало XIII в.). – Алма-Ата: Наука, 1986. – С.72.

62 Агеева Е.И. Памятники средневековья (Раскопки на городище Баба-Ата): Цитадель.// Археологические исследования на северных склонах Каратау. – Алма-Ата, 1962. – С.117 – 225 (ТИИАЭ, Т.14).

38. Шымкент. Мечеть Джамии. 1890-е гг. Дворовый фасад. Вид после реконструкции 1988 г. Фото Ю.А. Ёлгина. 1999 г.
Chimkent. Jami mosque. 1890's. Yard façade. View after reconstruction of 1988. Photo by Yu.A. Yolgin. 1999.

что до сих пор делаются попытки в научной литературе по-новому интерпретировать его.⁶³

Теперь это оплывший большой холм, а вначале здесь было, как гласят легенды, жилище знаменитого араба Схак-Баба (Исхак-Баба), прозванного в народе Баба-Ата. Одну из таких легенд привел дореволюционный археолог И.А. Кастанье. Она рассказывает, что «Во второй пол. VIII в. сириец Схак-Баб во главе 150-тысячного войска под началом 360 арабских вождей с братом своим, Абдужамидом, правившим тогда в Йемене, двинулся на север. Прошёл в сражениях Багдад, Исфахан, Серахс, Балх, Бухару, Шахрисябз, Самарканд, Узгент. Касан и Ош, покорил Фергану, установив там ислам. После этого войско разделилось на три части. Схак-Баб во главе третьей из них пошел по правому берегу Сырдарьи на Шаш и Испиджаб (Сайрам). Захватив Ташкент и

63 Байпаков К.М., Шарденова З.Ж. Архитектурный памятник Баба-Ата в Южном Казахстане // Ата-Мұра: Сборник статей, посвящённый 75-летию Южно-Казахстанского областного историко-краеведческого музея. – Шымкент, 1995. – С.115 – 117.

поставив там имама Бекра ад-Дина Кафали, Схак-Баб обрушился на Сайрам, в то время имевший будто бы 160 тысяч домов и 30 тысяч садов. Сайрам пал после 300-дневной осады. После этого Схак-Баб направился в Каргалык, но по пути туда узнал, что его брат Абдуджамиль убит под Ходжендом. Он повернул войско к Ходженду, взял его приступом, убил тамошнего царя Утамыша, а жителей обратил в ислам». Далее И.А. Кастанье пишет: «Почувствовав затем потребность в душевном отдыхе, Схак-Баб предпринял хадж в Мекку, откуда он вернулся в Сайрам, где построил за 30 тысяч тильллей известную мечеть Джумбыр по образцу виденной им в Мекке. Утомившись невзгодами боевой жизни, Схак-Баб посвятил остатки её мирным трудам. Выбрав в Каратауских горах живописную балку, покрытую лесом, он построил себе замок на берегу светлой речки и ещё долго царствовал там, мудро управляя вновь покорёнными народами».⁶⁴

Возможно, в малой мере эта легенда отвечает историческим реалиям. Она гласит, что после смерти Схак-Баб был похоронен неподалёку от своего дворца. Есть упоминания, что над его могилой был сооружён мавзолей, который не сохранился. Много позже был построен мавзолей-мечеть, существующий и ныне. Это прямоугольное в плане портално-купольное сооружение (портал остался недостроенным), состоящее из квадратной в плане обширной мечети, перекрытой куполом, покоящемся на арочных парусах, квадратной в плане гурханы, также перекрытой сфероконическим куполом, и зиаратханы (поминальной комнаты), примыкающей к гурхане и перекрытой коробовым стрельчатым сводом. Интерьеры украшены лепным декором (сталактитами в зиаратхане) и росписями (в мечети). Наружный облик лишен каких бы ни было украшений, но тем не менее производит внушительное впечатление лапидарностью объёмов и суровой пластикой куполов, покоящихся на восьмигранных барабанах. Это сооружение весьма гармонирует с окружающим ландшафтом. Сооружён этот мавзолей-мечеть в начале XX в. (точнее дату называл И.А. Кастанье – 1902 год), но другими называлась и середина XIX в.⁶⁵

В состав комплекса входит медресе, построенное в начале 1900-х гг. Оно Г-образное в плане, но, по свидетельству старожилов, прежде имело П-образный план. Его планировочную основу составлял ряд худжр (келий для проживания учащихся медресе), на дворовом фасаде отмеченных стрельчатыми арками. Угол оформлен в виде портала, украшенного своеобразной кирпичной кладкой, мотивы которой заимствованы из русской гражданской архитектуры конца XIX века. Таким

64 Кастанье И.А. Древности Киргизской степи и Оренбургского края. – Оренбург: Типо-лит. Т-ва Каримов, Хусаинов и К, 1910. – С.184 – 185 (Труды Оренбургской архивной ученой комиссии, Вып. XXII).

65 Герасимов Т.Г. Памятники архитектуры Каратау // ИАН Каз ССР: Сер. архитектурная. – 1950. – Вып. 2. – №80 – С.72.

образом выделяется вход в *дархану* – аудиторию для занятий. В этом сооружении явно видно эклектическое наложение чуждых декоративных элементов на традиционно среднеазиатскую конструктивную схему.⁶⁶

Ещё один интересный архитектурный комплекс находится ближе к северным склонам Каратау. Это комплекс мечети-медресе Аппак-Ишан в с. Шаян.

В Казахстане медресе появились значительно позднее, чем в Средней Азии и были весьма немногочисленны. Людей для получения духовного образования чаще всего посылали в Бухару, Самарканд, Казань. Казахские медресе основывались в тех местах, где имелись постоянные жители и приходские мечети. Обычно это были невзрачные строения с одной или двумя хужрами.⁶⁷ Несомненно, наиболее крупным и интересным в архитектурном отношении не только на юге, но и во всём Казахстане является медресе в с. Шаян Байдибекского района.

Существует предание, что строить медресе в Шаяне начал в середине XIX в. некий Касым-Ишан. После смерти Касым-Ишана его дело продолжил сын Сабыр, а завершил внук Аппак-Ишан.

Связь шаяновского памятника с ферганской школой зодчества не вызывает сомнений. Здания построены в традиционных архитектурных формах, применены строительные приёмы и конструкции ферганских зодчих, декор сведен к минимуму, что характерно для поздней культовой архитектуры Средней Азии и юга Казахстана. И в то же время это сугубо самобытное сооружение, уже хотя бы потому, что не укладывается ни в какие типологические рамки среднеазиатских медресе. Набор помещений шаяновского комплекса типичен для классических медресе: кельи-хужры, дарсхана, большая мечеть. Но принцип их планировки совсем иной. Вместо того, чтобы заключить эти помещения в нерасчлененную компактную структуру (веками это был прямоугольник двора с монументальным входом-пештаком), зодчие медресе Аппак-Ишан расположили их в пространстве свободно, независимо друг от друга. При этом им удалось добиться композиционного равновесия и стилового единства всех построек комплекса. Достигнуто это путем соразмерности главных и второстепенных архитектурных объёмов, их общности. Объединяющим моментом также является мотив стрельчатых арок по фасадам медресе, дарсханы и айвана мечети.

Центральное положение в комплексе занимает мечеть. Она представляет собой прямоугольную в плане постройку. С южной и восточной стороны к ней примыкает сквозная галерея – айван, служившая летней мечетью. Айван перекрыт рядом

66 Там же. с.73.

67 Сабитов Н. Мектебы и медресе у казахов: (Историко-педагогический очерк). – Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1950. – С.17.

Верещагин В.В. Нищенствующие монахи ордена Накшбенди у входа в мечеть в Туркестане. Ок. 1882 г.
V.V. Vereshchagin. Mendicants of Nakshbendi Order at the entrance of mosque in Turkestan. About 1882.

небольших сфероконических куполов. Объёмно-пространственная композиция мечети в целом проста и выразительна: над основным объёмом как бы вырастают последовательно два восьмигранника, на верхний из них поставлен барабан, несущий сфероконический купол. Этот купол перекрывает молитвенный зал. Система пересекающихся арок и щитовидных парусов служит для него конструктивной основой, и вместе с тем эти стрельчатые арки и ниши пространственно обогащают интерьер молитвенного зала мечети. Молитвенный зал окружён с трёх сторон сквозными помещениями, перекрытыми десятью сфероконическими куполами. Таким образом, по контрасту с внешним аскетически суровым объёмом мечети её внутреннее пространство сильно расчленено, множество ниш и арок, образованных подкупольными конструкциями, значительно обогащают интерьер.

Здание медресе примыкает к мечети с запада. Угловые комнаты, большие по размеру, служили зимними аудиториями медресе. Дворовый фасад оформлен стрельчатыми арками. Ими же расчленён фасад дарсханы. Она построена в едином стиле со зданием мечети, и пропорции обеих построек также соразмерны.⁶⁸

Из архитектурных памятников, расположенных на юге области, наиболее значительным является обширный культовый комплекс Исмаил-Ата. Он находится в центре села Турбат Казыгуртовского района, живописно раскинувшегося у северных склонов хребта Каржантау. Основу комплексу положил мавзолей Исмаил-Ата, святого, связываемого с суфийской традицией в исламе (он относится к потомкам Ходжи Ахмеда Ясави), а по народным преданиям считавшегося покровителем скотоводов и чабанов.⁶⁹

Сооружения, входящие в комплекс, выстроены по периметру двора, здесь же разбит тенистый густой сад. Вход в комплекс оформлен в виде дарвазаханы, входного сооружения, представляющего собой четырехарочный купольный киоск, раскрытый на четыре стороны. В щипцовой стене арочной ниши, выходящей на улицу, сделан дверной проём. На дверном полотне вырезана эпиграфическая надпись, содержащая дату (1886 – 1887 гг.).

В глубине двора высится мавзолей Исмаил-Ата. Это крестообразное в плане сооружение с невысоким порталом, в который вписана стрельчатая арка классических пропорций и необычайно чистых для позднего зодчества очертаний.⁷⁰ В отличие от других мавзолеев Южного Казахстана Исмаил-Ата перекрыт не привычным сфероконическим куполом, а гранёным шатром, что крайне редко встречается

68 Ёлгин Ю.А. Архитектурный комплекс в Чаёне // АСУ. – 1990. – №5. – С.37 – 39.

69 Диваев А.А. Предание о Хазрет-и Исмаил-Ата // ТВ. – 1901. – №20, 24 – 25.

70 Мирзабаев А.С. Исмаил-Ата, кумбезд // Казахская ССР: Краткая энциклопедия: В 4-х тт. – Алма-Ата: Гл. ред. Каз. сов. энциклопедии, 1991. – С.266.

ся в позднекультовой архитектуре не только Казахстана, но и всей Средней Азии. По формам мавзолеей Исмаил-Ата приближается к сооружениям ташкентской школы зодчества XV – XIX вв. Это влияние объяснимо близостью регионов.

Слева от мавзолея Исмаил-Ата выстроился ряд зданий, тесно примыкающих друг к другу. Это *чилляхана* (помещение для сорокадневного поста), мавзолеей Кошкар-Ата и комната для ритуальных омовений – *даретхана* (*тааратхана*). Чилляхана и мавзолеей Кошкар-Ата также портално-купольные сооружения, перекрытые сфероконическими куполами невысокого подъёма.

В состав комплекса также входит мечеть. Её внешний облик сильно искажён позднейшими перестройками, но интерьеры сохранили своеобразие архитектурного и декоративного решений. В составе комплекса находится и мавзолеей Жабраил-Ата. Он сооружён в юго-восточной части комплекса, на пересечении двух аллей. Периметр двора завершало здание медресе, но оно не сохранилось.

В южной части Турбата, в предгорье есть ещё один архитектурный комплекс – Исхак-Ата. Название ему дал мавзолеей местного покровителя религиозной общины, пира Исхак-Ата. Это традиционный портално-купольный мавзолеей. Как и мавзолеей Исмаил-Ата, он имел шатровое покрытие. Он плохо сохранился, но до сих пор в нём угадываются чистота и благородство архитектурных форм. Рядом с ним в комплексе находятся ещё три мавзолея, названия которых нам неизвестны. По архитектуре и декору эти памятники восходят к лучшим образцам караханидского зодчества XI – XII вв.

Недалеко от Шымкента, у посёлка Аккойлы, на холме одиноко высится причудливое сооружение. Это мечеть Ишан-Базар, памятник монументальный, нетипичный среди культовых построек Казахстана.

Место, где стоит мечеть, раньше было весьма оживлённым и, вероятно, являлось центром религиозно-общественной жизни всей округи. По праздникам здесь шумели базары, собиравшие окрестное население. Поэтому и мечеть, и местность, к ним прилегавшая, стали называться «Ишан-Базар». Были у мечети и другие названия – Кумеш (по названию речки), Аккойлы (по казахскому роду аккойлы, селившемуся здесь). Ещё её называют мечетью Ахуна. В ней учился известный казахский поэт Нысанбайулы Нуралы (1857 – 1930).

Сооружать мечеть начали, судя по опросным данным, во второй половине 1880-х гг. Строили около тридцати лет, но она так и осталась недостроенной. Тем не менее это архитектурное сооружение – настоящее произведение зодчества, и лишь варварское к нему отношение в послереволюционные годы ввергло его в плачевное состояние. Ишан-Базар разделила участь храмов по всей стране.

Всё же Ишан-Базар – мечеть особенная. Чтобы понять значение этого памятника, надо коснуться истории мечети, несомненно, выступающей в качестве социально-политического и историко-культурного феномена.⁷¹

В IX в. возникли и ныне существуют мечети квартальные, базарные, сельские и городские для ежедневного пятикратного намаза, городские соборные мечети (джума), где на полуденную пятничную молитву и к проповеди собирались все благочестивые мусульмане города. Мечети были в медресе, в крупных мемориальных комплексах и на кладбищах (поминальные). Была еще одна категория сооружений, предназначенных для больших массовых молений в дни двух мусульманских праздников – ид аль-адха (Курбан-байрам) и ид аль-фитр (Ураза-байрам), когда на праздничное богослужение собиралось всё окрестное население. Иногда в мечети, вернее перед ней, собирались общественные моления и помимо этих праздников: в день шаб и-берат, для молитвы по покойнику и в дни тяжёлых всенародных бедствий. Такие мечети назывались намазгох (синонимы: мусалла, идгах). Сооружались они за городом или у больших селений, имевших базары.⁷²

Назначение намазгох – служить местом собраний огромных масс людей. Её идея – единение их в общей молитве к Богу. Это требовало значительного пространства, его трудно было найти в городах с их скученной застройкой. Принципы организации этого пространства и дали импульс развитию типа загородной мечети-намазгох – от несложных сооружений до монументальных зданий с множеством помещений и сквозными галереями-айванами. Первоначальное название этих мечетей «мусалла» – обозначало ту обширную молитвенную площадь, где совершались праздничные моления, на которой стали возводить специальную мечеть. На первых порах (в Средней Азии в IX – XII вв.) это была просто стена с молитвенной нишей-михрабом. В XVI – XVII вв. намазгох окончательно оформляется как монументальное объёмное сооружение.

Именно таким образом в завершающем звене эволюции загородной мечети, не имеющим отклонений от классической схемы, предстает Ишан-Базар.

По преданию, в этой местности жили поэты Сагиндык и Егемберды. Последний около тридцати лет учился в Бухаре и получил титул ишана. Он пользовался авторитетом среди местного населения. Его сын Мадии-кари также учился в Бухаре. Он и начал постройку описываемой мечети, руководил её строительством. По другим данным, сам Егемберды был имамом этой мечети. Сын Мади Ишан, умерший в 55

71 Ёлгин Ю.А. Ишанбазар мешіті // Қазыналы қара шанырақ: Дерек намалық баян. – Алматы: Ана тілі, 1996. – С.103 – 106; БайттанаевБ.А., Ёлгин Ю.А. Намазгох в Южном Казахстане: (Мечеть Ишан-Базар) // ИНАН РК: Сер. общественных наук. – 2011. – №3. – С.139 – 151.

72 Кочнев Б.Д. Средневековые загородные культовые сооружения Средней Азии. – Ташкент: Фан, 1976. – 84 с.

лет от роду в 1940 г., учился в Ишан-Базаре. Строилась она на средства Мади и его сородичей при помощи окрестного населения.

Закладку фундамента вели два мастера из Ташкента, руководил строительством также ташкентский зодчий Юсуф.

Мечеть состояла из девяти помещений – большого молитвенного зала с михрабом, прилегающими к нему с севера и юга парами квадратных комнат. С михрабным залом комнаты соединены арками, широкими настолько, что возникает впечатление свободного перетекания пространства. В углах здания устроены худжры (жилые комнаты) для имама и учеников. Архитектурно Ишан-Базар медресе не является. Но культовое и общественно-культурное её значение было таково, что она переросла типологические рамки, становясь центром притяжения многих людей, и чем, собственно говоря, и привлекало к себе внимание исследователей.

Очень украшал мечеть развитый айван, обращённый на восток, к молящимся. Его глубоко затенённые ячейки составляли контраст с глухой гладкой поверхностью наружных стен. Над всем сооружением господствовал лапидарный объём купола, перекрывавшего главный молитвенный зал. Он покоился на конструкции из арочных и щитовидных парусов. Впервые этот приём применён в мечети Биби-Ханым в Самарканде, встречается также и в скромных мемориальных сооружениях XVI – XX вв.

В западной стене главного зала устроен нарядный михраб, сама стена разбита на панно и картуши с традиционным орнаментальным мотивом вазы с распустившимся букетом. Стену завершала узкая лента *гириха*⁷³ из синих восьмиконечных звезд, как бы разрезанных по горизонтали пополам. Над большими панно помещались меньшие с текстами из Корана.

39. Паломник из Чимкента. Фото 1920-х гг.(?).
Pilgrim from Chimkent. Photo of 1920's (?).

⁷³ **Гирих** – разновидность геометрического орнамента, в искусстве и архитектуре Среднего Востока, разворачивающегося непрерывной лентой.

40. Паломник из Сайрама. Фото 1920-х гг. (?).
Pilgrim from Sairam. Photo of 1920's (?).

Мечеть описана во многом реконструктивно, так как памятник сильно разрушен. В последние годы предпринята попытка его восстановления силами Шымкентской реставрационной мастерской (проект реставрации разработан ещё в 1985 г.).

В советские доперестроечные времена культовое зодчество воспринималось в целом как явление реликтовое, его история целиком принадлежала прошлому. Право на существование культовые здания имели лишь в качестве «памятников архитектуры и искусства», да и право это признавалось только за отдельными выдающимися произведениями зодчества. Действующие мечети и церкви, как правило, помещались в приспособленных помещениях, если строились новые здания, то они были лишены какой бы то ни было архитектурной идеи и художественной выразительности. Но ситуация коренным образом изменилась после принятия Закона о суверенитете Республики Казахстан. С пересмотром роли религии в обществе быстро оживилось строительст-

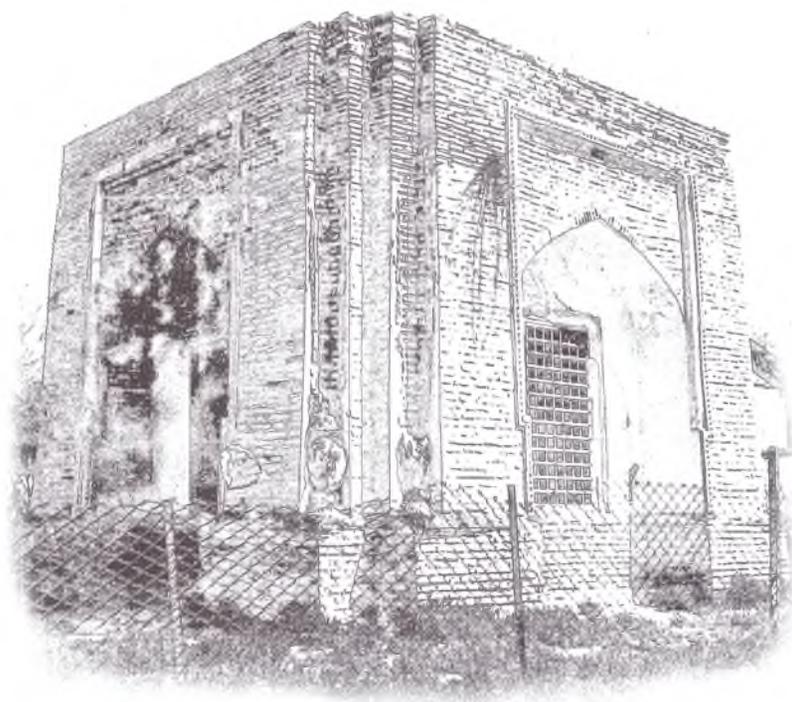
во культовых зданий. Не все из них можно считать произведениями архитектуры, но в этой массе есть немало объектов, которые завтра войдут в историю зодчества Казахстана, так как обладают достоинствами, присущими подлинным произведениям зодчества. Этот всплеск подготовлен всем тысячелетним развитием архитектуры в Южном Казахстане, без этого наследия невозможно было бы движение вперёд. Освоение этого бесценного фонда идет в основном, как нам кажется, двумя путями. Первый из них – изучение и переработка классического наследия зодчества Средней Азии и Казахстана, создание на основе традиционных форм новых современных культовых зданий.

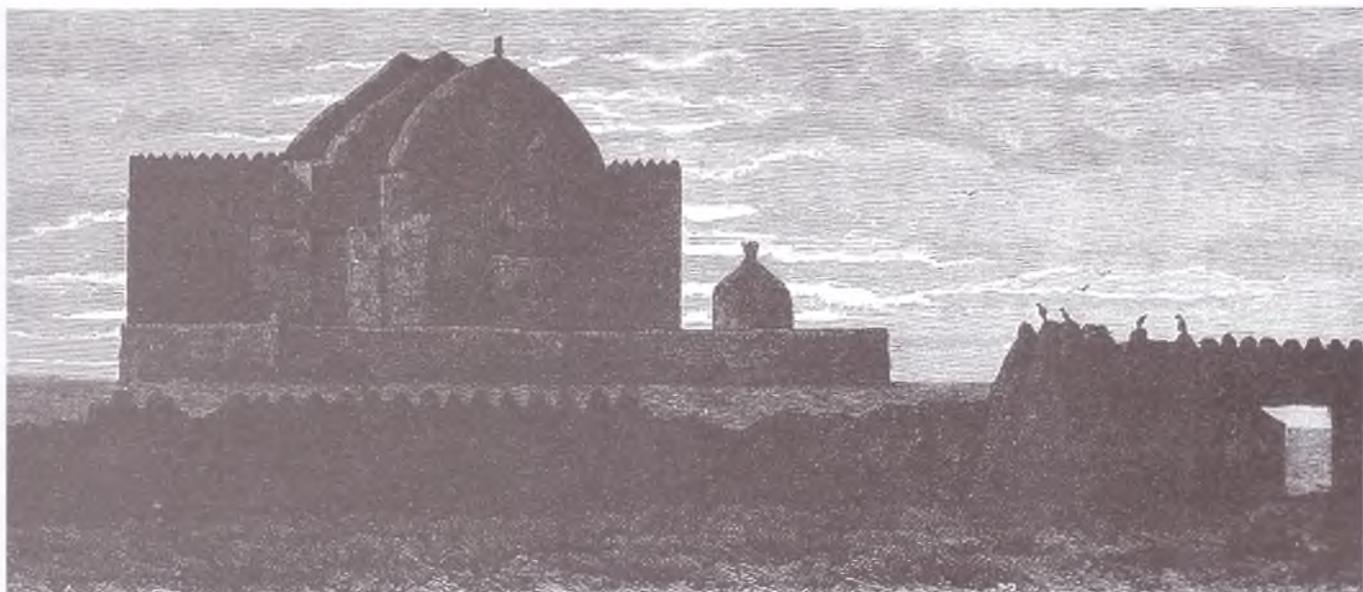
По этому методу построена областная мечеть Амали-Салих в Шымкенте. При взгляде на это здание в воображении возникают шедевры тимуридского зодчества Бухары и Самарканда, основательно изученные авторами проекта этой мече-

ти. Объемно-пространственная идея мавзолея Фахреддина-Рази в Куня-Ургенче (XII в.) положена в основу композиционного решения мавзолея родоначальника казахских племен Байдыбек-Ата, построенного по проекту Г. Садырбаева (мавзолеем сооружен на месте неказистого строения, походившего больше на сагану). В другом ключе решен мавзолеем супруги Байдыбека - Домалак-Ана (архитектор С. Токтамыс). Здесь за основу взят не приём создания нового здания на основе комбинаторики уже известных форм и мотивов, а метод глубинного освоения исконно казахского народного наследия на ином, более сложном уровне, путём создания ассоциативного ряда. Известные компоненты культового здания: портал, купол, минареты сооружены здесь с помощью иного пластического языка, перекликаясь на эмоционально-художественном уровне не со среднеазиатской классикой, а с казахской степной архаикой...

Таким образом на наших глазах пишется новая страница в истории зодчества Южного Казахстана. Можно считать, что вековая цепь времен в архитектуре не прервется.

**HISTORY OF SOUTH KAZAKHSTAN
ARCHITECTURAL AND ARCHEOLOGICAL STUDY
(Second half of XIX century – 1990 y.)**

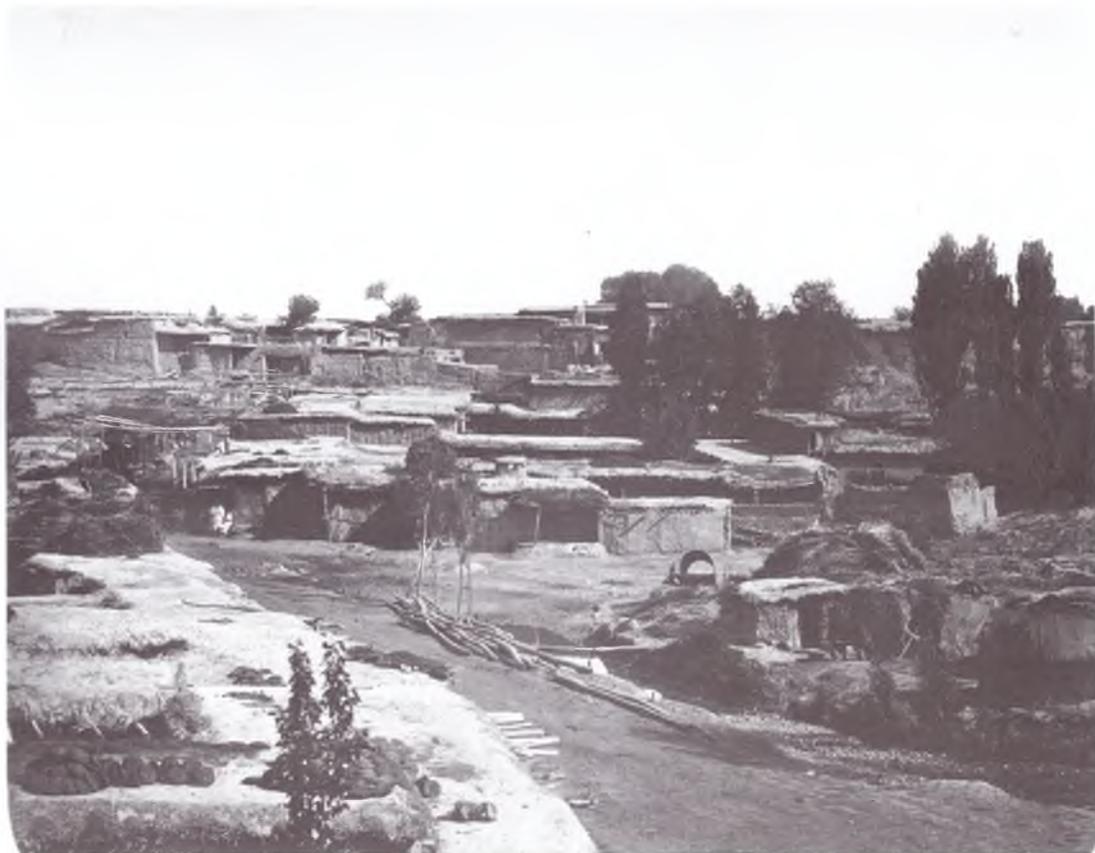

Architectural heritage of the Central Asia and South Kazakhstan was divided into two or three extensive areas for the purpose of sorting of rich and varied material. Gradually, pressing tasks of scientific exploration of this material led local scientists to creation of more detailed typological classification of the Central Asia and Kazakhstan architectural monuments of Islam. This is rather complex and historically developing system. In preparation of this publication, we were interested both in large and common grades of the system, and subdivision on specific types of buildings and structures.

G.A. Pugachenkova divided all types of buildings in architecture of Central Asia into two fields, civil and cult architecture.¹ In these latter days archeologists and historians of architecture use the most complete classification of medieval architecture of Central Asia which was developed by L.Yu. Mankovskaya. She pointed out three mainstreams of typological classification of architectural monuments of Islam, such as city planning, public works and church buildings.² Functional feature of objects was taken as a basis of classification. Division according to the architectural typology characteristic, i.e. by the types of

1 Пугаченкова Г.А. Зодчество Центральной Азии. XV век: Ведущие тенденции и черты. – Ташкент: Изд-во литер. и искусства, 1976. – С.5.

2 Маньковская Л.Ю. Типологические основы зодчества Средней Азии (IX – начало XX в.). – Ташкент: Фан, 1980. – 183 с.

41. Сайрам. Местность Базар-Капка. Фото из «Туркестанского альбома». 1871 г.
Sairam. Bazar-Kapka location. Photo from «Turkestan Album». 1871.

three-dimensional structures was carried out inside the functional classification. Further development of classification proceeded on the analysis level of individual building types of cult architecture of Islam, development of terminological and conceptual apparatus for each construction of Muslim cult. This work has been done recently by T.Kh. Starodub and it is useful in describing monuments of South Kazakhstan, as the origin of most of them is connected with Sufism.³

L.Yu. Mankovskaya also divided architecture into two classes, class I is a civil architecture; class II - cult architecture. However, despite its “globality”, and apparent isolation, these “classes” are not independent enough. It contains large “departments” – “dwellings” and “public buildings”, forming its niche in the classification system. Cult architec-

3 Стародуб Т.Х. Эволюция типов средневековой исламской архитектуры: Автореферат дисс. ... д-ра искусствоведения. – М., 2006. – 45 с. As a part of the study of South Kazakhstan oblast architectural heritage we used set of different literature sources beginning with the pre-revolutionary period, which is reflected piecewise in the list of used literature.

ture of Islam, comprising department of public buildings, is divided into constructions associated with celebration of divine services (mosques of various types and purposes), and memorial buildings (mausoleums). Utilitarian-shaped structures (as defined by L.Yu. Mankovskaya), minarets and khanaka, adjoined it.⁴

We allowed ourselves to dwell on this issue, as none of the regions of Kazakhstan have such variety of cult buildings types, as South Kazakhstan oblast. Almost all types in the noted classifications remained in pure or mixed form on its territory. These are mosques – from district to jami, mosques-medrese (besides, medrese in Shayan, a part of complex of divine and educational buildings, is separated from the mosque),⁵ minarets, mausoleums – from single-compartment to large memorial complexes. There is one more type of cult architecture in South Kazakhstan oblast not taken into account by the named authors. These are underground church constructions for religious worship chillya, quadregesimal fasting (chillya-khana, shildekhana, khilvat). Their appearance is associated with spread of Sufism in South Kazakhstan, mainly to the cult of Khoja Akhmet Yassawi. They have been studied primarily by archeologists and ethnographers then they were included into the Code of Monuments of History and Culture of Kazakhstan as the monuments of architecture.⁶ These constructions could comprise complexes of large mosques, but more often appeared near revered burial grounds as underground special premises.⁷

Typological classification of the medieval architecture of Islam is not strictly defined and reinforcing structure. Here, it is impossible to observe sequential conformity. L.Yu. Mankovskaya writes: "... church buildings can be separated from the memorial (also apparently church), public buildings are considered separately from the church, though public buildings prevail among the church".⁸ In many cases, functional and composite-typological features are mixed at the level of architectural types. In South Kazakhstan oblast, city and even district mosques assumed functions of jami usually associated with monumental

4 Маньковская Л.Ю. Типологическая классификация памятников средневековой архитектуры Средней Азии // ИМКУ. – 1982. – Вып.17. – С.144 – 151, Табл.2.

5 This is perhaps a single monumental building of medrese in Kazakhstan. See: Ёлгин Ю.А. Архитектурный комплекс в Чаёне // АСУ. – 1990. – №5. – С.37 – 39.

6 Немцева Н.Б. Археологические раскопки у комплекса мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави (1958 г.) // ИАН КазССР: Сер. истории, археологии и этнографии. – 1961. – Вып.1(15). – С.92 – 104; Сенигова Т.Н. Культовые сооружения около мавзолея Ходжа Ахмеда Ясави // Археологические исследования в Отраре. – Алма-Ата: Наука, 1977. – С.42 – 52; Тайжанов К., Исмаилов К. Хилват – суфийский обряд у узбеков Южного Казахстана (конец XIX – начало XX в.) // Всесоюзная сессия, посвящённая итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1976 – 1977 гг.: Тезисы докладов. – Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1978. – С.175.

7 Байтанаев Б.А., Богомолов Г.И., Ергешбаев А. Мечеть Хызыр-Пайгамбар в селе Сайрам // ИНАН РК: Сер общественных наук. – 2008. – №1. – С.129 – 140; Байтанаев Б.А., Ёлгин Ю.А. Мечеть Джамии в Чимкенте: Архитектурно-археологические исследования. – Алматы, 2012. – С.108.

8 Маньковская Л.Ю. Типологическая классификация памятников средневековой архитектуры Средней Азии... С.140.

42. Сайрам. Местность Бурибай-мазар. Фото из «Туркестанского альбома». 1871 г.
Sairam. Buribai-mazar location. Photo from «Turkestan Album». 1871.

building of country yard structure. For example, Khyzyr-Paigambar mosque in Sairam has definitely grown out value of district mosque, and in Chimkent, this type is represented by Jami mosque successfully combining role of jami and medrese. Architectural complex in Shayan, originally forethought as a monumental medrese, altogether fell into constituent parts, self-contained architectural volumes, freely arranged relative to each other, – properly medrese with hudjra (cells for students' accommodation), darskhana (classrooms), and monumental mosque which became focus of the entire complex.⁹

As in Mendelejev's table, there are empty "cells", free niches in existing classifications. To our opinion, raw mausoleums archaic to outward seeming, stood at Suzak necropolis before the 1990's, should find a place there.

The conquest of the Central Asia and South Kazakhstan by Russian Empire

9 Ёлгин Ю.А. Архитектурный комплекс в Чайне... С.37 – 39.

brought a lot of new to the local architecture. Russian church and civil architecture immediately came into co-operation with Eastern Muslim architectural tradition. It is not just about advanced materials, previously little-used in South Kazakhstan, and technological innovations in building. Influence on the architecture of Islam followed the line of structural morphology and architectural decoration. In architectural and typological relation mosques and mausoleums remained unchanged, but in the late XIX – early XX centuries, appeared interesting monuments, from the point of architectural composition and system of traditional brick decor, such as Arystan-Bab mausoleum-mosque in Otrar region, Baba-Ata medrese and Nogai-Ishan mosque in Suzak, Mir-Ali-Bab mausoleum in Sairam, which diversified the repertoire of church buildings in South Kazakhstan.

The authors of architectural and typological classifications, certainly, understood conventionality of division in the developed schemes.¹⁰ In the history of architecture, as well as in the history of art in general, it is involuntarily necessary to accept conventionality, limitation, and at the same time, mobility, variability of classification schemes. Some monuments do not fit into the conventional periodization of the development of architecture, being ahead of time, or vice versa, turned into archaic phenomena. This is complexity in the typological classification of architecture of Muslim Central Asia. But at the same time, developed schemes and concepts, like formulas in mathematics, become effective means in stylistic analysis, in revealing specific original monuments, and in finding its place in the system of medieval architecture of Central Asia and Kazakhstan. Rejecting some constructions, schemes, and creating new, the researchers objectively, along with other methods of study, influence on the historical cognition process of archeological and architectural heritage.

This leads to another complex aspect of evaluation of architectural heritage of the Middle Ages. These relation between archeology and history of architecture in South Kazakhstan region, are dynamic and ambiguous.

Despite the fact that concept “architectural archeology” was formed a long time ago and was established in science, such concepts and terms as “monument of archeology” and “monument of architecture”, directly in relation to the archeological science, are multivariate and even to some extent unstable. Architectural constructions, along with real historical sources, are also archeological monuments.¹¹

We leave aside existed issues of the archeology itself, its status and content as the science and discussion that has arisen among theorists of native archeology of what

10 Маньковская Л.Ю. Типологическая классификация средневековой архитектуры Средней Азии... С.140.

11 Амальрик А.С., Монгайт А.Л. Что такое археология / Изд. испр. и доп. – М.: Просвещение, 1966. – С.49.

43. Сайрам. Местность Сылык-мечеть. Фото из «Туркестанского альбома». 1871 г.
Sairam. Sylyk-mosque location. Photo from «Turkestan Album». 1871.

it is, independent science, or auxiliary historical discipline.¹² Only note: just study of archeological and architectural monuments accompanied to the establishment of archeology as competent historical science. Revelation of settled structures, containing remains of human construction activity, contributed to its exit from semi-dilettant state when there were studied mainly real resources, such as instruments of labor, household stuff, weapon, coins, clothes, ornamentals, etc. Along with the study of gravestones, which pose the most of movable findings,¹³ archeologists obtained important historical source, non moving archeological object, created in a given place at

12 См.: Генинг В.Ф. Объект и предмет науки в археологии. – Киев: Наук. думка, 1981; Клейн Л.С. Археологическая типология. – Л.: АН СССР, 1991; the same author. Археологические источники. – СПб.: ФАРН, 1995.

13 It is often spoken about gravestones in the archeological literature. In this case the issue about referring of large burial mounds to the objects containing fundamentals of architecture is extremely controversial, as not every building of the past, but the object of the past having also aesthetic function among other functions, is usually understood as the monument of architecture. – Косточкин В. О некоторых понятиях в области архитектурного наследия // Архитектура СССР. – 1972. – №9. – С.60; Герчук Ю. Что такое памятник архитектуры? // ДИ. – 1973. – №4 – С.37 – 40.

44. Городище Сайрам. Фото 1940-х гг. Из фондов ЮКОМ.
Sairam settlement. Photo of 1940's from the funds of SKOM.

a given time, under certain local conditions, “multifaceted comprehensive source that allows to judge regarding its production and technical side, and about its ideological, artistic side”.¹⁴

Thus, architecture should comprise qualities of both material and spiritual culture. To the highest degree they are inherent to the monuments of church architecture. Archaeology, according to G.A. Pugachenkova, is intended to identify these properties by studying not only architectural remains, but also cultural layers connected with it.¹⁵

But not every construction discovered by archeologists can be counted among the monuments of architecture. In turn, not every medieval building preserved on the ground surface can be called the monument of archeology, even if archeologists participated in its comprehensive study, and excavations were carried out at the walls or inside the building.

14 Воронин Н.Н. Архитектурный памятник как исторический источник // СА. – 1954. – XIX. – С.43.

15 Пугаченкова Г.А. К проблеме архитектурной археологии в изучении зодчества Средней Азии // КСИА. – 1982. – Вып.172. – С.25.

45. Сайрам. Джума-мечеть (Идрис-Пайгамбар), Нач. XX в. Фото 1920-х гг. (?). Из фондов ЮКОМ.
 Sairam. Juma-mosque (Idris-Paigambar). Beginning of 20th century. Photo of 1920's (?) from the funds of SKOM.

Study of the monuments of architecture with participation of archeologists and by archeological research methods is widespread. Definition of architectural archeology emerged as a trend oriented on the study of monumental architecture monuments.¹⁶ In archaeological typology this concept and term did not receive clear contours. It occurs probably because architectural constructions, as a rule, are included in settled structures (settlements, cities, religious complexes, etc.), generally – often perceived as part of specific archeological culture or historical period.

Certainly, the architectural archeology will obtain its further theoretical understanding. In practice this trend has strongly taken its place a long time ago in the archeological science. A number of archaeologists were specially engaged in research of the monuments of architecture. There is an example of N.B. Nemtseva, archeologist from Uzbekistan, who by the early 1980's was proceeding to generalize her experience of archaeological study of the mon-

16 Новоселов Н.В. Предмет архитектурной археологии [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rusarch.ru/novoselov.htm>.

46. Сайрам. Колонна из Джума-мечети. XI в. Фото 1920-х гг. (?). Из фондов ЮКОМ.
 Sairam. Column from Juma-mosque. 11th century. Photo of 1920's (?) from the funds of SKOM.

uments of medieval architecture of the Central Asia.¹⁷ In Kazakhstan, there are no archaeologists specializing in architectural monuments, however, archaeological and architectural studies have been developed, mainly in the study of medieval urban culture of Semirechye and South Kazakhstan. Numerous publications and series of monographs on issues of the cult architecture of the early and developed Middle Ages speak for itself.

Objects of these studies - another category of the church architecture, unimpaired by the authors of the architectural and typological classifications. In this case the question could be not about the actual architectural monuments, but about their remains, uncovered by archaeologist's shovel. To what sections of the historical and cultural heritage these objects will be assigned, to the monuments of archeology, or to the archaeological and architectural monuments, also depends on their condition. Products of contemporaneous building operations, destroyed, or half-ruined on top, hidden by followed cultural layers, are classed among the

¹⁷ Немцева Н.Б. К вопросу о методах полевых археологических работ на памятниках зодчества Средней Азии // СА. – 1981 – №1. – С.79 – 87.

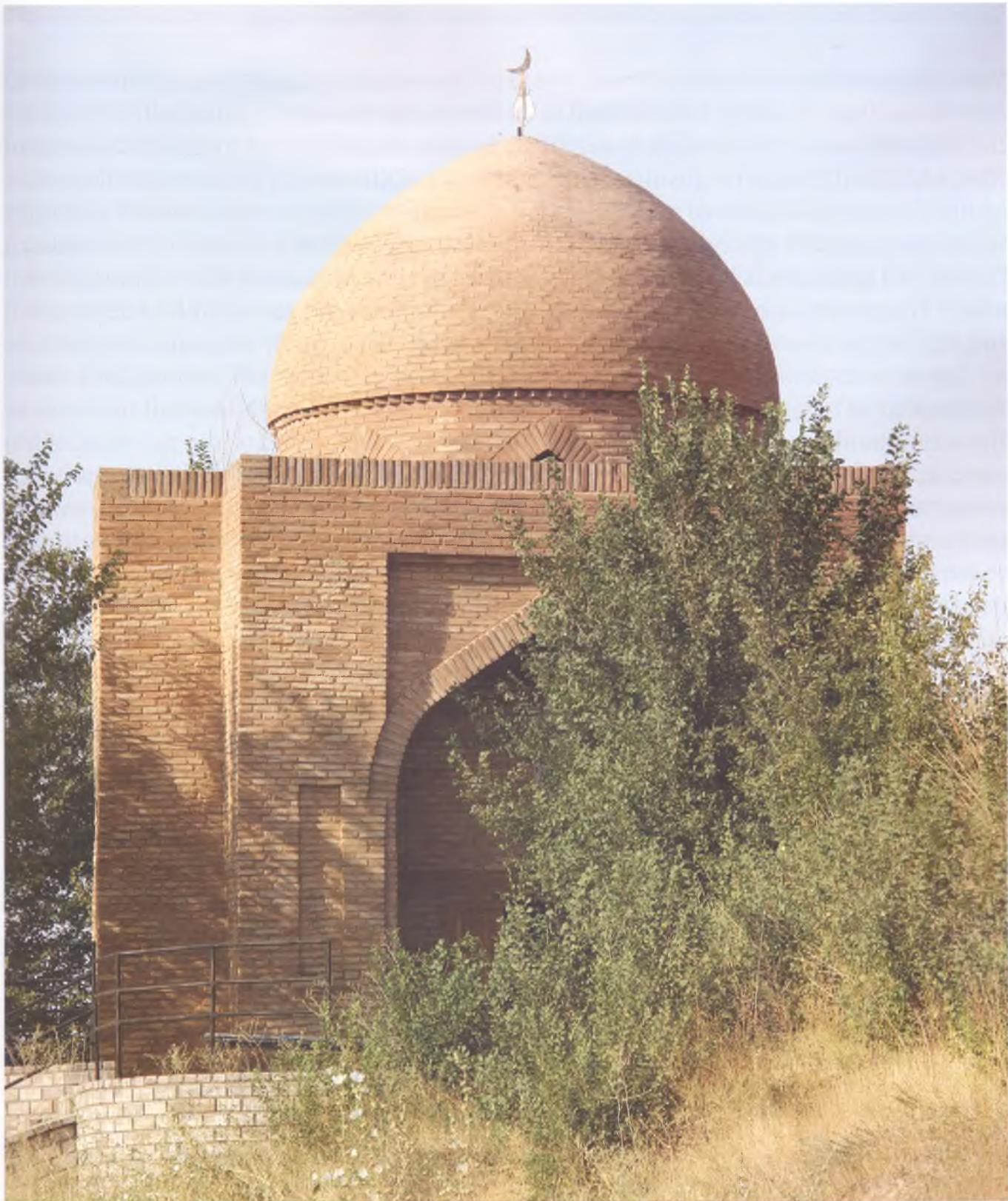

48. Сайрам. Мавзолей Ибрагим-Ата. Вторая пол. XIX в. Фото А.П. Рассказова. 1981 г.
Sairam. Mausoleum of Ibragim-Ata. Second half of 19th century. Photo by A.P. Rasskazov. 1981.

fragments of burnt brick of X – XII centuries have been found.²⁸ But absence of fragments of building decor, typical for single-compartment Karakhanid mausoleums, brings us to more critical than before conclusion on the evolution of Sairam mausoleums over XII – early XX centuries, based on legends, written sources, and analysis of architectural and compositional features. Numerous excavations of occupation layers as a consequence of crowding of medieval Ispidzhab-Sairam development may no longer allow reveal remains of original mausoleums mentioned in “Risalya”, anonymous history of Sairam.

Representatives of “traditional archeology began to study architecture of Islam in South Kazakhstan” very late, at the end of XX century. Theoretically archeological studies should be carried out at the beginning of collection of historical and architectural materials about monument of church architecture, including building itself and occupation layers surrounding it. But cult buildings of medieval centuries in South Kazakhstan were studied only when they were found on the territory of large settlements, remaining in a

28 Байтанаев Б.А., Богомолов Г.И., Ергешбаев А. Мечеть Хызыр-Пайгамбар в селе Сайрам... С.130.

Сайрам. Мавзолей Ибрагим-Ата. Сер. XIX в. Фото Б.А. Байтанаева.2013 г.
Sairam. Mausoleum of Ibragim-Ata. Series of 19th century. Photo by B.A. Baitanayev. 2013.

Yassawi mausoleum and in its protective area, were incommensurate in scope with excavations of M.E. Masson, who worked in Turkestan just six days.³² But also in the 1950's the major discovery was made more likely by non-archeological method. Remains of Khoja Akhmed Yassawi mausoleum original walls of XII century included in the pylons of north portal and size of gurkhana (kabyrkhana) of Timur monumental buildings were discovered in the course of sounding of facings and brickworks on the northern facade and disassembly of crumbling panels encircling bottom of the building perimeter.³³ Fragments of carved unglazed facing of XII century, discovered by M.E. Masson in 1928 on the roof of the complex, were referred to the actually existing construction.

A new stage of Yassawi mausoleum archeological study fell within the 1990's. Archeological investigation of trenching for underpinning along almost all the walls of the monument was carried out in 1993. In 1997 it was decided to dig the floor of kazandyk, central hall of the mausoleum.³⁴ Traces of well in the center of kazandyk were found together with late burials. We believe that excavation in kazandyk is an important step not only in archaeological terms. These discoveries lead to new reading of written sources about mausoleum of Khoja Akhmed Yassawi and bring significant new details to the concept of composition of this monument.

Later, practice of archeological excavations was spread among other medieval constructions of Islam associated with revered burials in South Kazakhstan. S.Sh. Akambek, excavated in gurkhan of Arystan-Bab mausoleum-mosque,³⁵ B.A. Baytanayev laid stratigraphic hole in the east wall of Khoja-Salih mausoleum in Sairam and later opened underground part of the north wall of the monument.³⁶ Similar events were observed in other regions of Kazakhstan.³⁷

It seems that the architectural monuments of Islam of XVIII – early XX centuries were ignored by archeology. But rather superficial glance at the history of architecture

32 Preliminary report about trip of M.E. Masson and T. Mir-Giyasov to Turkestan to carry out archeological supervision for opening of ground works of Khoja Akhmet Yassawi monument // CSA of RUz, F.P2773, Publ.3, D.26, L.1.

33 Маньковская Л.Ю. Некоторые архитектурно-археологические наблюдения по реставрации комплекса Ходжа Ахмеда Ясеви в г.Туркестане // ИАН КазССР: Сер. истории, археологии и этнографии. – 1960. – №2 (14). – С.53 – 66, Рмс.9.

34 Смагулов Е.А., Туякбаев М.К. Новое в ранней истории некрополя г.Туркестана // ИМНАН РК: Сер. общественных наук. – 1998. – №1. – С.19, 20.

35 Акымбек С.Ш. Мавзолей Арыстан-Баб в свете новых данных // ИНАН РК: Сер. общественных наук. – 2009. – №1. – С.87 – 92.

36 Байтанаев Б.А., Ёлгин Ю.А. О некоторых особенностях мемориального зодчества Сайрама... С.342 – 143.

37 Байтанаев Б.А. и др. Археологические исследования мавзолея Бердыкожа Батыра // Наследие Л.Н. Гумилёва и современная Евразийская интеграция: IX Евразийский научный форум. – Астана, 2012 – С.136 – 147; Смагулов Е.А. Мавзолей Абат-Байтак: Некоторые итоги археологического исследования // ИНАН РК.: Сер. общественных наук. – 2006. – №1 – С.126 – 135 и др.

of Central Asia and Kazakhstan is enough to make sure that namely archaeologists were pioneers of the study of church constructions in South Kazakhstan. Archeological, historical and architectural studies originated and evolved at the same time, often crossed over each other.

M.E. Masson carried up the beginning of the special archeological study of Central Asia to the middle of XIX century.³⁸ In Kazakhstan, formation of archeology is usually referred to 1866 – 1867 years, to the time of the first works of V.V. Radlov and P.I. Lerch.³⁹ Occupation of Ak-Mechet (in 1853) and confirming of Russian military presence in the Middle Syr-Darya can be considered as a certain conventional line of this process for South Kazakhstan. The origins of South Kazakhstan history of architecture should be searched in the archeological study of “Russian” Turkestan, in the depths of this unique movement.

Since then, mention about the architectural monuments in Russian periodicals became regular. After capture of Chimkent (in 1864) by detachment of General Chernyaev this flow had been increased. The architectural monuments became the subject of interest of military and official services. They were reflected in magazine and newspaper notes, in diaries and memoirs of participants of Turkestan campaigns and officials who came to develop annexed region. Information contained in the works of M.S. Bekchurin, K.K. Abaza, A.K. Gaines, A.P. Khoroshkhin, P.P. Pashino and other authors, still retains its value as literature sources on the archeology and architecture of South Kazakhstan.⁴⁰ Russian and European orientalists also took interest in the architectural heritage. Steps to its professional research were taken. The Imperial Archeological Commission (IAC) organized in 1859 gave priority to the fixing of architectural monuments. Members of IAC P.I. Lerch and V.V. Radlov, and after twenty years N.I. Veselovsky were among the first who addressed this issue in Central Asia and Kazakhstan.⁴¹

In the fixing of architectural and archeological monuments excellent results were very quickly achieved for its time, as evidenced by the famous “Turkestan Album” (also known

38 Массон М.Е. Краткий очерк истории изучения Средней Азии в археологическом отношении // ТСАГУ: Новая серия. – 1956. – Вып. LXXXI: Исторические науки. – Кн.12. – С.9.

39 Акишев К.А., Аргынбаев Х.А., Алимбаев Н. Археологическое и этнографическое изучение Казахстана // История науки Советского Казахстана (1917 – 1960 гг.). – Алма-Ата: Гылым, 1990. – С.43. Ye.I. Ageyeva also considered earlier periods connected with the first archeological knowledge and collection of antiquities in Kazakhstan. – See: Агеева Е.И., Максимова А.Г. Очерк археологического изучения Казахстана // Археологическая карта Казахстана: Реестр. – Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1960. – С.9 – 11.

40 Ёлгин Ю.А. Мавзолей Ходжа Ахмеда Ясави в русской дореволюционной печати // Туран – Туркестан: Проблемы культурно-исторической преемственности. Древность и средневековье: Материалы Международной научной конференции, посвящённой 10-летию деятельности Туркестанской археологической экспедиции. Туркестан, 23 – 24 ноября 2006 г. –Туркестан, 2006. – С.171 – 172.

41 Массон М.Е. Краткий очерк истории изучения Средней Азии в археологическом отношении... С.10.

informally as “Kaufman” or “Kuhnovsky”), composed in 1871 – 1872 years, highly appreciated by contemporaries and up to now successfully exploited by historians, archeologists, ethnologists, anthropologists, historians of architecture and other experts of historical-oriental profile.

Here we make a digression from the outline of our historiographical excursus as “Turkestan Album” in all its parts (besides “archeological” part, containing mainly photographs of the monuments of architecture of Islam) casually demonstrates many shots of various architectural structures. Also, besides imperishable scientific value of “Turkestan Album”, tradition of photographic albums of the monuments of architecture was unexpectedly extended in the early 1980’s in South Kazakhstan, of course, not in such “geopolitical” scale, as project of K.P. von Kaufman, but it was of great importance for the study of church architecture of Islam in South Kazakhstan.

Three events concerning the study of the architectural heritage of South Kazakhstan clashed. This is the beginning of Russian forces movement deep into the Central Asia, associated with beginning of the archeological research in this vast region and rapid development of photos by science.⁴² The region of Middle Syr-Darya, medieval South Kazakhstan cities became launching pad for this jump. These events took place against the background of vigorous development of Oriental Studies in Europe and Russia. Then interest in systematic study of architecture of “classical Islam” countries (Syria, Palestine, Egypt, Muslim Spain) awakened.⁴³ Russian science in this process was not far behind. But besides the Middle East, available for Europeans in the XIX century, already in the first half of the XIX century it managed to enter the life of Central Asian cities, isolated from the world. Beginning of collection of visual material on the church architecture of Islam in the Central Asia was initiated earlier than in Europe. In 1841 – 1842 years, mission of Lieutenant Colonel, K.F. Butenyev, known as “Bukhara expedition of 1841”, was sent to Bukhara and Khiva. It didn’t bring any political benefits, but due to the fact that it consisted of orientalist N.V. Khanykov and naturalist A.A. Lehmann, it was the first of many trade and political-diplomatic missions that gave planned scientific results. Alexander Lehmann, young scientist, as outstanding draftsman, made a number of drawings of the monuments of architecture of Bukhara and Samarkand. He certainly didn’t achieve the level of scientific understanding of the church architecture of Islam, it was too unusual for him because he used to make botanic drawings and unprecedented monumen-

42 Абашин С. Власть и фотография: визуальная репрезентация в имперской рамке // Неприкосновенный запас. – 2012. – № 4 (84). [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://magazines.russ.ru/nz/2012/4/a_13-pr.html.

43 Стародуб Т.Х. Эволюция типов средневековой исламской архитектуры... С.8.

tal buildings. But his drawings were the first in the region priceless iconographic documents on Islamic architecture. It were brought to the light ten years after the death of A. Lehmann, who died in Samara, on the way back from Orenburg at the end of Bukhara expedition.⁴⁴ In comparison, Giraud de Pragey, French traveler and artist, made the first photograph of one of the most important shrines of Jerusalem, Qubbat As-Sakhras mosque in 1844. Lehmann had to overcome incomparably great difficulties and dangers. It is suffice to remind that British Charles Stoddart, Colonel and Arthur Connolly, Captain, were publicly beheaded on the 17th of July, in 1841 in Bukhara.⁴⁵

After publishing of Lehmann's book, one of the Full Members of IRGS (Imperial Russian Geographical Society), V.V. Zavyalov, wrote: "Turning to Samarkand, vast and magnificent capital of Timur in the XIV century, we see that here, very few Europeans preceded to Lehmann, and even between Asian, who left descriptions of Samarkand there were very few who wrote as obvious witnesses".⁴⁶

Due to these unprofessional drawings of A. Lehmann, Russian society received visual representation of the architecture of Islam, still associated in Russia with "Moorish style".

In subsequent years, we owe to military specialists, topographers, more or less knew how to paint professionally and showed interest to local sights, fine material in the architecture and archeology of Turkestan, I must say, insufficient in number and in their scientific and artistic level.⁴⁷

As for photo sources on the architecture of Central Asia, they appeared in Russia early enough, twenty years after the invention of photography. In fixing of monuments there was made rapid and unprecedented in scale shoot forward. The first pictures of the monuments of Central Asian architecture were made by A.S. Murenko,⁴⁸ artillery lieutenant, attached to photographic department of Military Topographical Depot, who accompanied mission of N.P. Ignatyev to Khiva and Bukhara in 1858. Here are the first pictures from the region. 28 pictures of A.S. Murenko demonstrating scientific results of the mission, including images of the architecture, in 1859

44 [Lehmann A.]. Alexander Lehman's Reise nach Buchara und Samarkand in den Jahren 1841 und 1842. – St. Petersburg: Buchdruckerei der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1852. – S.343 – 352.

45 Жуковский С.В. Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трёхсотлетие. – Пг., 1915. – С.134 (Труды Общества русский ориенталистов, №2).

46 Завьялов В.В. Исторический обзор путешествий в Бухарию. – Уфа: Губерн. типогр., 1854. – С.26.

47 Прищепова В.А. Путешественники о Средней Азии: иллюстрации периодической печати конца XIX – начала XX вв. // Радловские чтения. 2006. – СПб.: МАЭ РАН, 2006. – С.172.

48 В.А. Gollender calls him "lieutenant". – See: Голлендер Б.А. Окно в прошлое. Туркестан на старинных почтовых открытках (1893 – 1917). – Ташкент: ЛИА Р Элинина, 2002. – С.9.

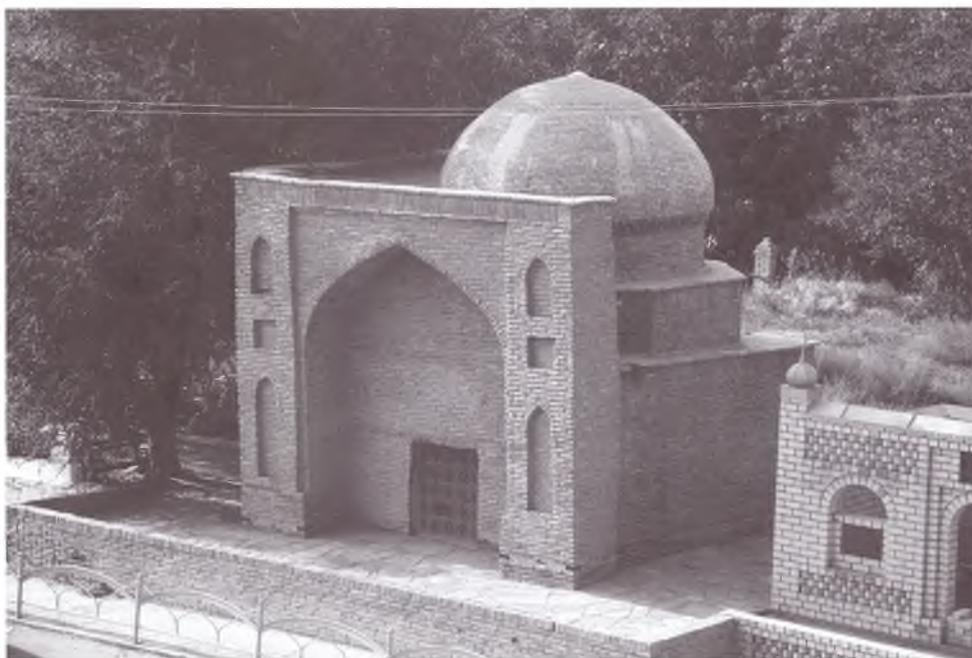

50. Сайрам. Мавзолей Карашаш-Ана. Сер. XIX в. Фото нач. 1980-х гг.
Sairam. Mausoleum of Karashash-Ana. Series of 19th century. Photo of the beginning of 1980's.

were presented to Konstantin Nikolayevich, Grand Duke, as a chairman of IRGS. In 1860 A.S. Murenko was awarded Silver Medal of IRGS.⁴⁹

After this, the photograph was involved very quickly and efficiently in the scientific development of the conquered areas of South Kazakhstan and Central Asia, photofixation of ancientry in the Middle Syr-Darya region began immediately after the capture of Turkestan, Chimkent and Tashkent by Russians. Of course, it had to compete with traditional forms of art, drawings, xylography, lithographs, paintings, etc. However, this didn't happen in a day, technology of photos of that time was complicated, especially difficult in the field conditions; there were not enough professional photographers. Photo in Turkestan coexisted with pictorial forms of reality fixation (at that time photos were called "photographic paintings") and came with it in close relation, revealing the example of what decoration is of P.I. Pashino book "Turkestan land in 1866", published in 1868, where the book drawings and photos were quite organically linked in the headpieces of some chapters.

⁴⁹ Длужневская Г.В. Изучение памятников Средней Азии в период деятельности Императорской Археологической комиссии (1859 – 1917): (Фотографии Научного архива Института истории материальной культуры РАН) // РА. – 2008. – №3. – С.157; Голлендер Б.А. Окно в прошлое... С.9.

51. Сайрам. Мавзолей Карашаш-Ана. Сер. XIX в. Фото Б.А. Байтанаева. 2013 г.
Sairam. Mausoleum of Karashash-Ana. Series of 19th century. Photo by B.A. Baitanayev. 2013.

“Turkestan Album” was a triumph of photo on the outskirts of Russian Empire. But note, after its publishing, other art books on Central Asian issues have been published.⁵⁰ Orientalism of painters worked in Turkestan in the comfort of the bed of realistic currents of Russian art of the second half of XIX century, clearly affected vision of photographers who created new “photographic” image of Turkestan. On the other hand, photo became necessary and effective tool for reproduction and replication of artists’ works, translating it into book illustrations. These are the albums mentioned as a kind of synthesis of graphic forms and photos. Here, the main thing was defined for the archeology and history of architecture, quality of photo, actuality, at that time considered as a synonym for science. Impartiality of camera fixing almost everything was opposed to the subjectivity of artist’s vision which discards “unnecessary” details and focuses on the worthy, in his opinion, things. Photo document immediately became valuable and objective source of information. But role of photo was not limited by fixa-

50 Верещагин В.В. Туркестан. Этюды с натуры В.В. Верещагина, изданные по поручению Туркестанского генерал-губернатора на высочайше дарованные средства. 26 листов с 106 рисунками. – СПб, 1874; Виды Русского Туркестана по рисункам с натуры О.А. Федченко, исполненные Саврасовым в Москве, Сисери, Сабатье и Ламерсье в Париже. Федченко О.А. – М.: Изд-во Имп. Об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии, [между 1903 и 1913]. – 14 л.

tion. The new way of documentation immediately became effective tool in the study of the monuments of architecture. Paradoxically, features, lines couldn't be recorded after visual familiarity with the monument, a sort of "agent" to "original" in nature, are shown through in photos. Photo print can be viewed for a long time and attentively when you have no possibility to return to the monument.

Photos itself become historical evidences. Thanks to it, we have an idea of some architectural monuments of South Kazakhstan, lost or changed by destruction and rebuilding. What would we know about famous Sauran towers-minarets of Mir-i Arab medrese portal, if M.K. Priorov, architect and amateur photographer, in 1866 did not make his photographic work on its ruins, which were included in "Turkestan Album" and other editions later? A year later, one of the minarets fell down, in 1872 N.A. Mayev and in 1876 Charles Eugène Ujfalvi de Mezo-Kovezd and his wife Marie de Ujfalvi-Bourdon saw the second one, but in 1878 it also collapsed.⁵¹

In addition to documentation in photo, there were founded the possibilities of systemization of huge nonhomogeneous material. With its help, it is possible to classify the monuments of architecture according to types, composition, purpose, etc. This can be seen by selection of objects for "Turkestan Album".

In contemporary special literature there is extremely biased assessment of "Turkestan Album" in the spirit of exposure of "imperial" past. However, this is not a "representative-glossy export image of Russian Turkestan".⁵² "Turkestan Album" is expensive edition, but not pompous. Although copies of the album were brought the highest persons, its design wasn't deluxe, no velvet, nor saffian or gold edges. Some other subsequent editions about Turkestan were made with incomparably large printing sophistication. "Post-imperial" view deliberately obscures best qualities of this project, especially its scientific research direction and value as a historical source.

Years of its establishment coincided with the emergence of photography as a scientific method in the historical sciences. Image albums were published in Russia before and after implementation of Kaufman's project. There were existed such albums as Altai, Amur, Ural ... Why did only "Turkestan Album" receive such broad public resonance (despite the fact that there were only few copies) and scientific recognition in Russia and Europe? Probably, besides political dividends and representation purposes, it also decided scientific-cognitive objectives. Dipping into the vanishing reality of poorly studied region was as complete as possible, and found a lot of interesting mate-

51 Пугаченкова Г.А. Сауранские башни // ТСАГУ. – 1954. – Вып.LVII. – С.163.

52 Горшенина С. Крупнейшие проекты колониальных архивов России: Утопичность тотальной туркестаники генерал-губернатора Константина Петровича фон-Кауфмана // Ab imperio. – 2007. – №3. – С.5.

rial. After that, there is clearly seen historical retrospection. This is especially evident in the archeological and architectural part of the album. Fixation of the monuments of archeology and architecture is the most objective component of this edition in historical relation.

“Turkestan Album” in its final version, in five copies, consisted of four sections, as ethnographic (2 volumes), archeological (2 volumes), one volume of trade and one volume of historic.⁵³ “Historic”, perhaps, is the front part of the edition. There were many group shots and portraits of Turkestan campaigns members, officers and soldiers distinguished themselves in the capture of Aulie-Ata, Turkestan, Chimkent and Tashkent, in cases under Ak-Bulak and Ikan, St. George knights, including “Kyrgyz” police which rendered assistance to General Chernyaev. All are posing frankly, some of them, in the scenic poses. Compared with this, it was much harder to prepare trade, and in particular, ethnographic sections. It was very difficult to observe the life of people and grasp its interesting moments in the presence of a stationary camera and shooting at long shutter speeds. Even nowadays production ethnographic picture is used as scientific method. At that time, it was inevitable. Element of “stage direction”, some artificiality of separate shots is felt. In any case, image should be stopped for a short time. It was even harder to overcome the fear of Muslims to use image of man, because it is forbidden according to Koran. This situation was very vividly described by A.K. Gaines after his visit to Karnak in Turkestan region: “Priorov, who was with us, decided to make photo of all of us. The first photo was poor, however, there was no end of surprise of true believers when they saw themselves and all of us on the glass. Exclamations and laughter were endless. But when he tried to make the other photo, the majority of the audience fled. When someone was invited to the group, he ran away with a frightened face, so only the bravest participated in the group. It came out very well”.⁵⁴

The majority of the local population posed (especially for portraying of local ethnic types) under constraint or for money. These difficulties were intensified at portraying of female character types, because most of women in Central Asia could not appear in front of others with open faces.⁵⁵

53 The same. С.36, 37 (Notes).

54 Гейнс А.К. Путешествие в Туркестан: Дневник 1866 года // Собр. литер. трудов: В 3-хтт. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича. 1898. – Т.П. – С.304 – 305.

55 However, on the most of photos, women with open faces and sometimes without head-dresses. For ethnographic photos, as models demonstrating costumes, ornamentals, etc., and also for anthropological tables there were engaged prostitutes. – See: Абашин С. Власть и фотография: визуальная репрезентация в имперской рамке // Неприкосновенный запас. – 2012. – № 4 (84). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2012/4/a13-pr.html>; Прищепова В.А. Центральная Азия в фотографиях российских исследователей (по материалам иллюстративных коллекций МАЭ РАН) // Центральная Азия: Традиция в условиях современности. – СПб.: Наука, 2007. – Вып.1. – С.228.

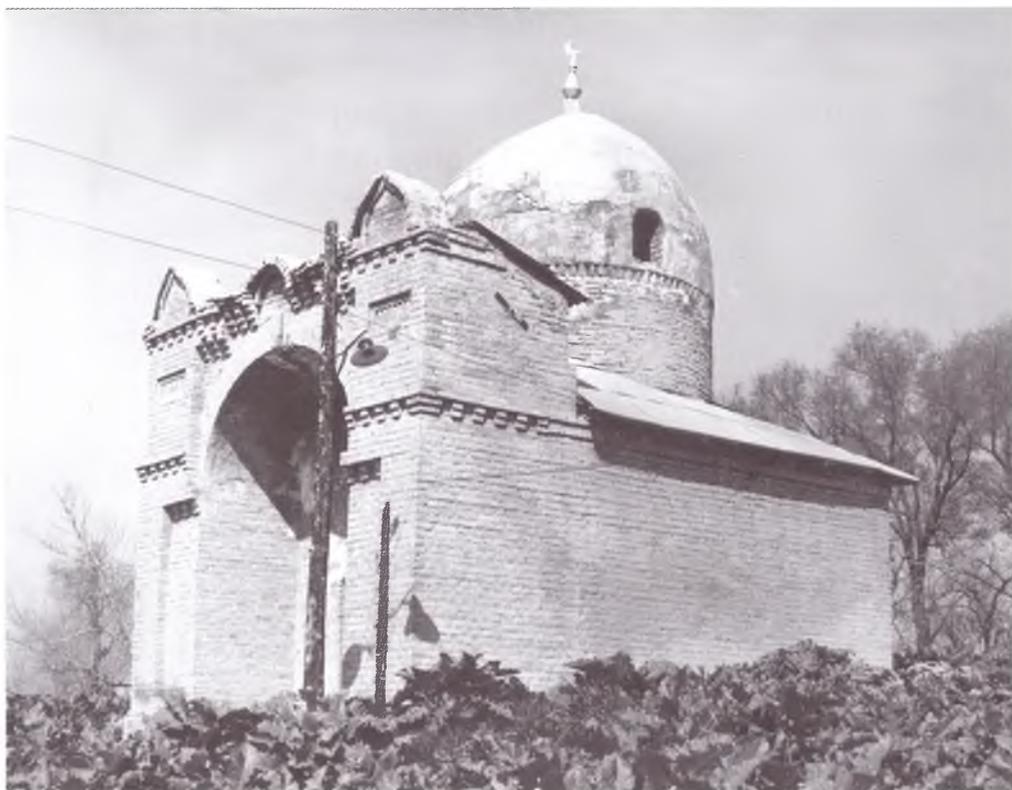
52. Сайрам. Мавзолей Мир-Али-Баб. Главный фасад. Нач. XX в. Фото А.П. Рассказова. 1981 г.
Sairam. Mausoleum of Mir-Ali-Bab. Front façade. Beginning of 20th century. Photo by A.P. Rasskazov. 1981.

Thus, conventionality, accentuated exoticism, and some theatrical performance are inherent to these sections of the album in all their factual saturation, unconditional historical and ethnographic authenticity, accuracy and veracity.

Archeological part of the album with a greater degree of reality reflects the reality existed. In particular it concerns the architecture, which, as noted by the scientists, constitutes a large part of the album.⁵⁶

Historicity of these photos is generally due to the shooting objects themselves. The architectural monument in itself is a complex historical source containing varied information. It is closely related to the society, culture and epoch in which it was created. Architecture, besides the fact that it accumulates ideas, views of its

56 Абашин С. Власть и фотография: визуальная репрезентация в имперской рамке // Неприкосновенный запас. – 2012. – № 4 (84). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2012//4/a13-pr.html>; Длужневская Г.В. Историко-археологическое наследие Азиатской России в фотографиях русских исследователей второй половины XIX – первой половины XX века (по фондам научного архива Института истории материальной культуры Российской Академии наук): Автореферат дисс. ... д-ра ист. наук. – СПб., 2008. – С.15.

53. Сайрам. Мавзолей Мир-Али-Баб. Нач. XX в. Общий вид. Фото А.П. Рассказова. 1981 г.

Sairam. Mausoleum of Mir-Ali-Bab. General view. Beginning of 20th century. Photo by A.P. Rasskazov. 1981.

time, is also the most material of all the arts. This was shortly, but famously said by B.N. Zasyupkin, eminent scientist, architect and restorer of Central Asian architecture: "... material nature of the monument is unquestionable historic evidence".⁵⁷ Architecture is a concrete reality.⁵⁸ Photographers, artists (however, ordinary spectators) minimally have effect on it, they can only select angle, lighting, time of shooting ... Architecture can be changed only by time and will of man, destructive or constructive. This process is usually very long.

"Turkestan Album" is the most valuable evidence on the medieval architecture of South Kazakhstan having few analogues. English edition of 1859, illustrating monuments of Islamic architecture in India, can be named under such analogue.

57 Citation according to Горшенина С. Об изучении искусства Средней Азии (деятельность историка, архитектора и реставратора Бориса Засыпкин) // Пути и перепутья: Материалы и исследования по отечественному искусству XX века. – М., 1999. – С.99.

58 Виппер Б.Р. Введение в историческое изучение искусства. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Изобр. искусство, 1985. – С.216.

This album, consisting of 83 pages, includes Muslim mausoleums and mosques of the XVI century, located in Bijapur (South India).⁵⁹ It was published under the editorship of James Fergusson. It was also “colonial project” carried out under the auspices and at the expense of the East India Company. Frery Henry Barthes, English politician, managed the whole project. Like K.P. von Kaufman, he played in his colony a role of “conqueror” and “organizer”, being in the rank of High Commissioner, he controlled the colony, introduced new crops, improved sanitary conditions, and built roads, factories, schools. Edition of “Indian” album was, as in Turkestan, part of “civilizing” mission, but at the same time it acquired scientific value. And the architecture in “Turkistan Album” was extensive, but not the only area. It showed a broad panorama of the history and life of the conquered territory. London edition was specific, especially architectural. There was no photos, that, probably, narrowed possibilities of publishers. Measurements and drawings of outstanding architectural monuments of Islam in Bijapur, made by local Indian draftsmen under the direction of Alexander Cumming, civil engineer, were included in Indian album.⁶⁰

The album of Barthes came into Imperial Public Library, and probably was known to A.L. Kuhn, who prepared archeological and ethnographic parts of “Turkestan Album”. When it was planned to produce album Tashkent, “no worse than Indian one ...”, we think that edition was meant.

In the first decade of XXI century, the history of “Turkestan Album” creation was studied good enough by Russian and Western scientists.⁶¹ We touch on it to the extent to which it will refer to the history of study of the medieval architecture of South Kazakhstan.

All authors agree that idea of “Turkestan Album” entirely belongs to K.P. von Kaufman, Turkestan governor-general. But one can say that this idea was

59 Architectural illustrations of the principal mahometan buildings of Beejapore: Executed under the direction of Bartle Frere esq. B.C.S., resident at Saattara, by capt. Philip D. Hart b.e. assisted by Alex. Camming, civil engineer, and native drafismen . Edited by James Fergusson. – London: Cundall and Downes. – 83 sh.

60 Стасов В.В. Фотографические и фототипические коллекции Императорской Публичной библиотеки. – СПб., 1885. – С.64 – 66.

61 See references to the literature and materials of CSA of RUz in the article of S.M. Gorshenina. – Горшенина С. Крупнейшие проекты колониальных проектов России... С.31 – 47; также: Длужневская Г.В. Историко-археологическое наследие Азиатской России в фотодокументах второй половины XIX – первой половины XX вв. ... С.15 – 16; Прищепова В.А. Иллюстративные коллекции по народам Центрально Азии конца XIX – начала XX века (Из собрания МАЭ РАН) // Культурное наследие Центральной Азии, Казахстана и Кавказа. – СПб.: Наука, 2006. – С.220 – 222 (Кунсткамера, Сборник МАЭ РАН, Т.52); Вишневецкая В.А. Фотоальбом 1874 г. по этнографии Средней Азии в собрании МАЭ // Краткое содержание докладов среднеазиатско-кавказских чтений. Май 1989 г. – Л., 1990. – С.56 – 58 и др.

54. Сайрам. Мавзолей Казии-Байзавии. Нач. XX в. Фото А.П. Рассказова. 1981 г.
Sairam. Mausoleum of Kazi-Baizavi. Beginning of 20th century. Photo by A.P. Rasskazov. 1981.

originated among military-political and cultural elite of Orenburg and Tashkent, before formation of Turkestan province. K.P. von Kaufman acquired it and realized, because he had appropriate administrative resources and wherewithal for it. In 1866, A.K. Gaines, Colonel, on the commission of ministries of armed and internal affairs went from Orenburg to Tashkent to develop legislation for management by the conquered regions. This trip in many ways had the character of historical-ethnographic expedition. In 1867 – 1869, A.K. Gaines served as a head of chancellery of Turkestan Governor-General, at one time he was military governor of Turkestan region.⁶² He noted in his diary: “In Ural fortification we found Priorov with photo. I am very happy because I will have album with at least part of the steppe”.⁶³

62 [Маслова О.В., сост.]. Обзор путешествий и экспедиций в Среднюю Азию. Материалы к изучению истории Средней Азии. Ч. II: 1856 – 1869. Материалы к библиографии. Вып. VII. – Ташкент: Изд-во САГУ, 1956. – С.102.

63 Гейнс А.К. Путешествие в Туркестан... С.214.

55. Сайрам. Мавзолей Абдель-Азиз-Баб. Вторая пол. XIX в. Общий вид. Фото 1950-х гг.(?).

Sairam. Mausoleum of Abdel-Aziz-Bab. Second half of 19th century. General view. Photo of 1950's (?).

In any case the idea about large photo album did not come suddenly.

For some time it was considered that creation of "Turkestan Album" was timed to the opening of Polytechnic Exhibition in Moscow in 1872, dedicated to the 200th anniversary of Peter the First.⁶⁴ Turkestan section of Polytechnic Exhibition was prepared on the initiative of K.P. von Kaufman and partly at his own expense with participation of Natural Sciences, Anthropology and Ethnography Society. Preparation had been carried out in Tashkent from March, 1872 to September, 1872.⁶⁵ At the same period, owing to photographic materials brought by A.L. Kuhn from St. Petersburg, several military and professional photographers were shooting all areas of Central Asia, which were under the control of Russian forces.⁶⁶ These really total shootings were

part of large research and collecting program related primarily to the exhibition activities. At Turkestan exhibition in 1869, and Moscow ethnographic exhibition in 1867, Turkestan region was presented as real and graphic material, also including South Kazakhstan.⁶⁷

Photographs of M.K. Priorov collected in an album were shown at Moscow ethnographic exhibition in 1867. This album, little-known even in the academic circles, was preceded to the extensive work of Kuhn-Kaufman. It was originated by photographs made by M.K. Priorov in 1866 in South Kazakhstan steppes, forts, towns, ancient ruins. Confirmation of this comes from "Diary of 1866" by A.K. Gaines: "We woke up in the early morning and went on horseback to the ruins of ancient Sauran. Priorov went there in tarantas in order to take pictures of all the interesting. Here,

64 Длужневская Г.В. Историко-археологическое наследие Азиатской России в фотодокументах второй половины XIX – первой половины XX века... С.8.

65 Прищепова В.А. Иллюстративные коллекции по народам Центральной Азии конца XIX – начала XX века... С.220.

66 Горшенина С. Крупнейшие проекты колониальных архивов России... С.32 – 33, 34.

67 Там же. С.33.

Petr Ivanovich Pashino (1838 - 1891) was a man of marked individuality, writer, traveler, Orientalist. He was familiar with archeology; his field researches in Bulgars of Kazan province are well-known.⁸⁵ He had progressive views, independent disposition. That is why, after departing from Orenburg in February, 1866, in June of that year, he was expelled by military governor of Turkestan oblast, General D.I. Romanovsky from Tashkent "as unreliable, harmful to the service in Turkestan oblast".⁸⁶ Within three months of his journey and stay in Tashkent, P.I. Pashino managed to gather material, gain experience and quickly write book "Turkestan region in 1866". According to B.V. Lunin, it was one of the first (almost first) descriptions of Turkestan region during its incorporation into the Russian empire.⁸⁷

For illustration and design of Pashino's book, there was used not the whole, but considerable material created by D.V. Velezhev in their joint tour. Painter A.V. Gine, a group mate of D.V. Velezhev in landscape painting class at the Academy of Fine Arts, made about twenty lithographs by his drawings and picturesque works.⁸⁸ The book was also decorated by 35 headpieces and end pieces, engraved on wood by A. Daugel according to drawings of V. Kryukov from sketches of Velezhev.

57. Сайрам. Минарет мечети Хызыр. Вторая пол. XIX в. Фото 1940-х гг.

Sairam. Minaret of Khyzyr mosque. Second half of 19th century.

85 In the same place. С.272.

86 Ёлгин Ю.А. Первый художник в Чимкенте... С.160.

87 Лунин Б.В. Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане. Туркестанский кружок любителей археологии (1895 - 1917 гг.). - Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1958. - С.255.

88 Lithography is a specific type of release graph, way of plate print, where prints are usually obtained at ink transfer under pressure from plate (flat) printing form directly to the paper. Smooth (for reproduction of pen graph) or grained (for reproduction of pencil drawing) surface of stone (limestone), on which image is rendered by grease ink (brush or pen) or grease lithographic crayon, serves as printing form. Then after pickling of stone by acid reacting on surface exposed by oil, picture is washed, instead there is rendered printing paint, which is stuck only to the nontreated parts of stone. Printing is carried out on specific machine. In printing art in the 1930's, the lithography was changed by modern printing types. Lithographic way of printing was also used in the design of "Turkestan Album".

58. Сайрам. Минарет мечети Хызыр. Вторая пол. XIX в. Фото А.П. Рассказова. 1981 г.

Sairam. Minaret of Khyzr mosque. Second half of 19th century. Photo by A.P. Rasskazov. 1981.

These lithographs depicted views of Turkestan, Chimkent, Tashkent, Khujand. They were not fully included in all copies of Pashino's book. They were placed in the form of inserts arranged randomly. These pages were made according to technique, so-called "tone lithography", when main image is printed by dark paint, and covered with light gray and ochreous color; somewhere image is enlivened by white flares (on some pictures Tashkent sky was painted by turquoise tone).⁸⁹ In point of fact, it's a colored lithographic print.⁹⁰ All the inserts were printed in St. Petersburg workshop "Lithography of Becker and K", as evidenced by inscriptions.

In the introduction P.I. Pashino wrote: "Publishing first book of my works in such stylish form, I would like to thank D.V. Velezhev, deceased, whose pictures were in my possession" (marked by us – Auth.)⁹¹

But closer look reveals that not all drawings of Velezhev were included in Pashino's book. First of all, it refers to images of the most famous monuments of architecture of Sauran and Turkestan. Picture of Turkestan bazar lithographed by Velezhev's drawing was placed on one of the in-

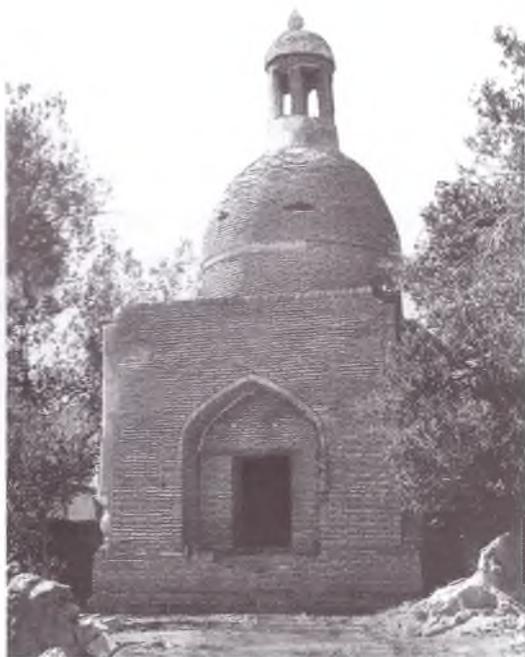
serts. View of Khoja Akhmed Yassawi mausoleum from the south-west (it was wrongly written in the caption that from the east) was lithographed from M.K. Priorov's photo made in 1866, but later from Velezhev's sketches. It was also performed in the technique of "tone lithography" and is little different from the other lithographs made from original arts. M.K. Priorov also took photo of Khoja Akhmed Yassawi mausoleum from the other, south-east side. According to this photo A. Daugel engraved headpiece⁹² to the

89 Чабров Г.Н. Средняя Азия в литографии: (К 150-летию со дня изобретения литографии) // Звезда Востока. – 1946. – №6. – С.94.

90 Printmaking is a lithographic or engraving print, mounted creation of imaginative graph.

91 Пашино П.И. Туркестанский край в 1866 году... С.[II].

92 Headpiece is small ornamental or imitative composition, sometimes narrative, highlighting and flourishing beginning of some chapter of script or printed book or journal. Name of chapters can be entered into the headpiece.

59. Сайрам. Мавзолей Ходжа-Салих. Вторая пол. XIX в.
Фото до 1928 г.

Sairam. Mausoleum of Khoja-Salikh. Second half of 19th
century.

60. Сайрам. Мавзолей Ходжа-Салих. Вторая пол. XIX в.
Фото нач. 1980-х гг.

Sairam. Mausoleum of Khoja-Salikh. Second half of 19th
century. Photo of the beginning of 1980's.

sixth chapter of Pashino's book "The city of Turkestan".⁹³ The headpiece was combined with initials which started chapters. The initials⁹⁴ in Pashino's book were artistically interpreted and ingeniously played, each letter got any real pictorial form. In this case, in design of the initial letter "I" ("И" in Russian), images of minarets of Mir-i Arab Sauran medrese played key role of vertical lines (trunks). Inclined connecting bar between them was presented in the form of chain between the minarets, described in the memoirs of Zayn ad-Din Vasifi (XVI c.) as "one of the wonders of the world".⁹⁵

The base of this composition was photo taken by M.K. Priorov during his joint visit with A.K. Gaines to Sauran in August 25, 1866. The end-piece⁹⁶ of the chapter about Turkestan also depicts Sauran ruins. It wasn't engraved by photo, it was engraved by D.V. Velezhev's

93 P.I. Lerch directly points on this: "Drawing from Turkestan mosque, cut on wood, according to the photo of M.K. Priorov" published in the above mentioned work of Pashino (Turkestan region in 1866) on p. 63. – See: Лерх П.И. Археологическая поездка в Туркестанский край в 1867 году... С.16.

94 Initial in the art of book is an enlarged capital (initial) letter of some chapter of script or printed book. Sometimes initials are changed into illustrations.

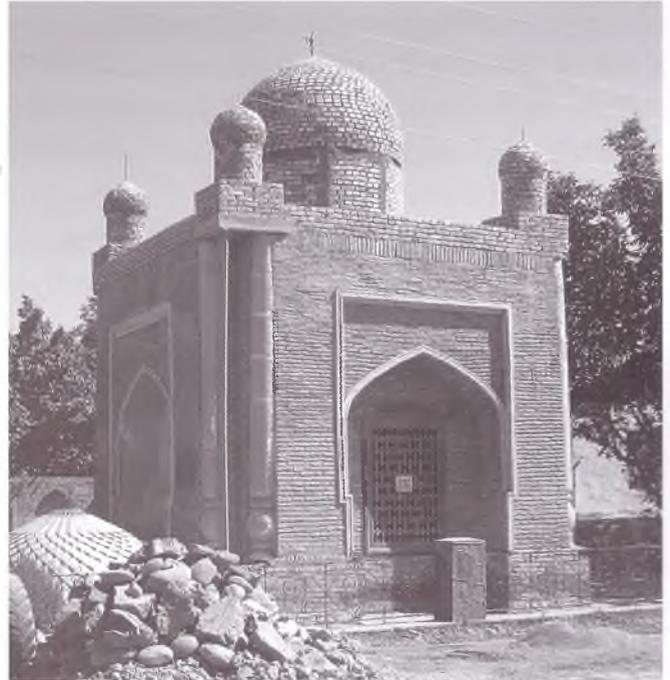
95 In greater detail about this see the following chapter of our book. – Authors.

96 End-piece is a graphic composition, ornamental or imitative, concluding or flourishing book, or its chapter.

61. Сайрам. Мавзолей Ходжа-Салих. Искажение первоначального облика памятника. Фото нач. 2000-х гг.

Sairam. Mausoleum of Khoja-Salikh. Distortion of the monument's initial appearance. Photo of the beginning of 2000's.

62. Сайрам. Мавзолей Ходжа-Салих. Вторая пол. XIX в. Очередная «реставрация» здания. Фото конца 2000-х гг.

Sairam. Mausoleum of Khoja-Salikh. Second half of 19th century. Regular «restoration» of the building. Photo of the end of 2000's.

drawing. Next, the seventh chapter of Pashino's book "From Turkestan to Chimkent" was completely designed by Velezhev's material. There is view of Turkestan from the south-west side with Khoja Akhmed Yassawi mausoleum in the background at the headpiece. Drawing of Rabiga Sultan-Begim mausoleum in Turkestan was used at the end-piece.

The described above and other photos by M.K. Priorov were included in "Turkestan Album" in 1871. The fate of Velezhev's Central Asian material is unknown. Most likely, after the death of P.I. Pashino in 1891, it was completely lost.

Meanwhile, it is known that D.V. Velezhev made detailed drawing of Khoja Akhmed Yassawi mausoleum showing it from the south-east. It is almost identical to M.K. Priorov's photo. There was shown professionalism of the artist and architect, and both of them chose one, the optimal point of view of the monument. But, there are differences in details. There are several adobe buildings with flat roofs, typical for Asian cities at D.V. Velezhev's drawing. By the time of M.K. Priorov's arrival to Turkestan some of them were replaced by outquaters with large rectangular windows and glassed window cross casements, built by Russian soldiers.

We believe that the drawing of Khoja Akhmed Yassawi mausoleum hadn't been included into Pashino's book because it was used by series of periodicals in June or July, 1866. This is not surprising. It was sensational for that time, as the architectural monuments of Samarkand and Bukhara and other architectural treasures of Central Asia were practically unknown to Russian public. In the mid-1860's, Yassawi mausoleum was the largest and most significant monument in the Muslim Central Asia in the architectural and design relation, available for search and study.

A number of compilation compositions were made from this drawing of Velezhev, carried out in the woodprint technique.

Some difficulties appear in authentication of pictures of Khoja Akhmed Yassawi mausoleum, made both from the artistic originals, and from the photos. There are different author's signatures (sometimes up to three or four) under the same pictures as it seems. It is due to polygraphic capabilities of that time. Imitation was possible in the form of woodprint, xylography.⁹⁷ Therefore, under such illustrations firstly the name of the painter, the author of original picture was printed (it was sometimes forgotten as in the case of early dead D.V. Velezhev), then the name the draftsman on wood (or stone), and the name of the engraver.⁹⁸

We assume that the first reproduction of Khoja Akhmed Yassawi mausoleum drawing appeared in August, 1866 in "Military Collection" with no indication of authorship. It was attached to the article of Mir-Salikh Bekchurin "Description of Azret mosque, located in the city of Turkestan".⁹⁹ Technically, this engraving was well executed. But while transferring to the board, unknown draftsman strongly distorted the original, depicting the monument very primitively, that was immediately noted by P.I. Lerch.¹⁰⁰ Proportions of the mausoleum were heavily distorted, the architectural forms were exaggerated (may be it is the reason of this list anonymity?). However, a number of small details, down to the cracks in the walls were shown that for the architects-conservators could be very valuable at the early stages of study of the monument.

More artistic image of Khoja Akhmed Yassawi mausoleum on the original of D.V. Velezhev was published after the death of the artist and after the publishing of Pashino's book in June, 1870 in "The World Illustration" journal. There had already been printed

97 Xylography is a woodprint, one of the types of engraving. A printing form (cliché) is made by hand engraving. An image is printed from flat wooden board covered by paint, where hollows cut between elements of image are free.

98 Прищепова В.А. Путешественники о Средней Азии: иллюстрации периодической печати конца XIX – начала XX вв. ... С.172.

99 Бекчурин М.-С. Описание мечети Азрета, находящейся в городе Туркестане // Военный сборник. – 1866. – №8. – С.209 – 217.

100 Лерх П.И. Археологическая поездка в Туркестанский край в 1867 году... С. 16.

engravings from the other drawings of D.V. Velezhev, partly known by Pashino's book: "Types of Sarts", «Kazaly, church in the 1st fort», "Karmakchi grave", depicting Kazakh mausoleums, types of bazaars in Perovsk and Turkestan.

Yassawi mausoleum was depicted in details and realistically, in a completely professional manner on the engraving from "The World Illustration". There was mistake in the caption of the artist's name (I. Velezhev instead of D. Velezhev). Engraver N. Kondem cut the printed board, A.N. Pischenkov painted on the wood. The composition, of course, has compilation character, as well as the article, which posted pictures painted by the same Pischenkov who retold information from P.I. Pashino's book "Turkestan region in 1866".¹⁰¹

P.I. Pashino's book with its wonderful illustrations in a compressed form contained program of historical and ethnographic, archaeological and architectural study of the region (types and views of Turkestan, trades and occupations, customs and ways of life, etc.) implemented on a large scale in "Turkestan Album" by the means of photography.

"Turkestan Album" covered five oblasts of Turkestan province, including photo fixation of Syr-Darya oblast with south regions of Kazakhstan, it gave large-scale panorama of cultural life and history of this region. Implementation of K.P. von Kaufman's project began and completed by M.K. Priorov's photos made in South Kazakhstan, the last photographic works were in Kazalinsk, Aulie-Ata and Chimkent.¹⁰² Photos from "Turkestan Album" were continually copied, actively used by pre-revolutionary and Soviet archeologists and historians of architecture. Kazakhstan part of the Album was published in 2005 as separate volume, repeating the format and design of the original.¹⁰³ Most of the photos were also included into "Muslim World of Russian Empire in old photos" book-album.¹⁰⁴

To study the archaeological and architectural heritage, the album of Kuhn-Kaufman has imperishable significance. Outstanding orientalist, chairman of IRGS, V.V. Grigoriev wrote to K.P. von Kaufman that the Society "... will make efforts to solve archaeological issues incited by the album".¹⁰⁵

It took considerable time and efforts of scientists to resolve these issues. Although foundations for study of the architecture of Islam in the Central Asia and Kazakhstan

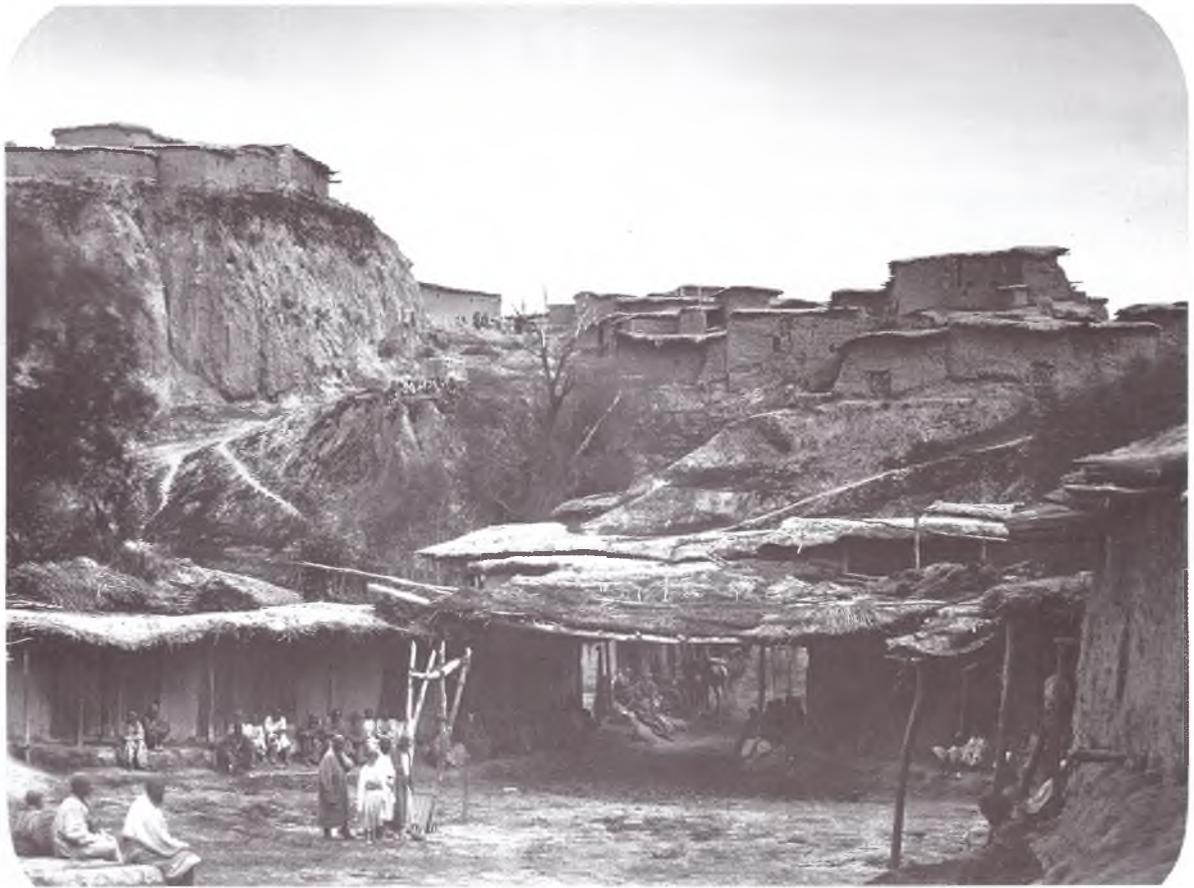
101 Писченков А. Путевые заметки по дороге в Ташкент // Всемирная иллюстрация. – 1870. – II год. – Т.III. – №76. – С.421 – 422.

102 Горшенина С. Крупнейшие проекты колониальных архивов России... С.34.

103 Кун А.Л. Туркестанский альбом. 1871 – 1872. – Алматы: ОФ Берел, ТОО Asia line, 2005. – 166 с.

104 Длужневская Г.В. Мусульманский мир Российской империи в старых фотографиях. По материалам фотоотдела Научного архива Института истории материальной культуры РАН. – СПб.: Лики России, 2006. – 304 с. Второе издание вышло в 2010 г.

105 Citation according to Горшенина С. Крупнейшие проекты колониальных архивов России... С.43.

63. Карабулак. Местность Дун-Тепе. Из «Туркестанского альбома». 1871 г.

Karabulak. Dun-Tepe location. Photo from «Turkestan Album». 1871.

were established in the second half of 1860 – beginning of 1870's, for a long time it had been in the state of factual material accumulation. On the other hand, we cannot agree with the statement of A.A. Formozov that “Pearls of Central Asia architecture hadn't been noticed immediately after its accession to Russia”.¹⁰⁶ History of Khoja Akhmed Yassawi mausoleum study in Turkestan completely refutes this. The first detailed description of this monument was made by outstanding scientist, zoologist and explorer N.A. Severtsov having broadest scientific outlook, in 1859.¹⁰⁷ But generally speaking, about the value of the architecture of Muslim Central Asia, Russian historians have realized much earlier, even in the first third of XIX century. Historian N. Pogodin found it

106 Формозов А.А. Страницы истории русской археологии. – М.: Наука, 1986. – С.172.

107 Северцов Н.А. Месяц плена у кокандцев. – СПб.: Кушелев – Безбородко, 1860 – С.77 – 78. Впервые: Русское Слово. – 1859. – №10.

necessary to mention in the introduction to his “History of Russian nation”: “The dispute what is more entertaining: history of Mongolian people or history of Greece me-thinks the dispute, proper to the actions of intellectual concepts. Here and there a man acts, and the ruins of Samarkand just as great in the eyes of the enlightened observer, like the ruins of Corinth and Athens; the Mongolian chronicle as much worthy of attention as the Greek one”.¹⁰⁸

However, this awareness dealt only with monumental buildings, mostly masterpieces of Timur and Timurid dynasty period, including Khoja Akhmed Yassawi mausoleum in Turkestan. In its mass, the monuments of Islam architecture, especially of the XVIII – early XX centuries, remained unknown to the science. From the monuments of church architecture in Chimkent region, which are included into the Code of Monuments of History and Culture of Kazakhstan,¹⁰⁹ only 44 are described or mentioned in the various literatures. There is no any information about 34 church buildings, Muslim or Christian.¹¹⁰ Therefore, we’ll dot the historiography line of the architecture of Islam in South Kazakhstan region because of the very poor study of this issue. Furthermore, in this book we concentrated attention on the visual material that was insignificant, and the less was preserved.

After publishing of “Turkestan Album”, study of the architecture of Islam before organization of Turkestan Circle of archeology fans (TCAF) in 1895 (mostly in the activities of its members), followed path of the factual material accumulation. B.V. Lunin defined succinctly and neatly pre-revolutionary period of this process: “Modest merit of the pre-revolutionary workers was concluded in the fact that in the difficult conditions of scientific-local history they have collected a lot of information about the historical-architectural monuments of Central Asia, fixed their location and degree of preservation, took on the account, tried to describe them, in some cases and for its time, carefully and in detail (for example, description of Turkestan mosque, etc. by S.G. Mallitsky.)”.¹¹¹

The collected material of 1870 – 1917 years was sprayed on the various prints of a wide range, so-called “travel literature” and memoirs, from which something is published after a long delay, such as “Diary” by A.K. Gaines, journalism and materials of very diverse periodicals, writings on history, geography, ethnography ...

108 Полевой Н. История русского народа. – М.: Типогр. Августа Семена при Имп. Медико-хирургической академии, 1829. – Т.I. – С.XXVI.

109 Свод памятников истории и культуры Казахстана. – Алма-Ата: Гл. ред. «Қазақ энциклопедиясы», 1994. – Т.1: Чимкентская область. – 368 с.

110 Культовое зодчество на юге Казахстана: (Библиографический указатель) / Сост. Ю.А. Ёлгин. – Шымкент, 1994. – С.23 – 26, Табл. №1; С.27 – 29, Табл. №2.

111 Лунин Б.В. Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане... С.107.

The genre of “travel literature” wasn’t always empty reading, some serious researchers vested their works in the form of travel notes, diaries, memoirs, essays, among them both native (G.A. Arandarenko, V.V. Vereshchagin, A.K. Gaines, I.I. Zarubin, P.I. Pashino, N.A. Severtsov, N. Sorokin, A.P. Khoroshkhin, and others), and foreign (S. Hedin, G. Moser, Charles Eugène Ujfalvi, E. Schuyler, and others). Works of the last were quickly translated into Russian and published in Russia.

As a whole, these diverse data collected both by orientalists and researchers of Turkestan amateurs are considered by B.V. Lunin as important contribution to the science.¹¹² Extracting essential material from this vast and inaccessible heritage is a time-consuming process, and for many monuments such efforts will not succeed because they do not exist anymore.

Pioneers of Turkestan orientalism, most of which had historical-oriental or philological education, were archeologists in their scientific interests. Before opening of the TCAF and during its fruitful work they believed that their main objective is archeological study of the early history of Central Asia. They also had other global issues, such as problem of Central Asian nations’ ethno-genesis and related to it, the idea about “great Arian race”, and its culture, which origin was looked for in the newly acquired region. The monuments of architecture of the developed Middle Ages fell into the orbit of their scientific interests not as the works of architectural arts, but as the carriers of other information, such as epigraphy, genealogy, history of religions, etc.

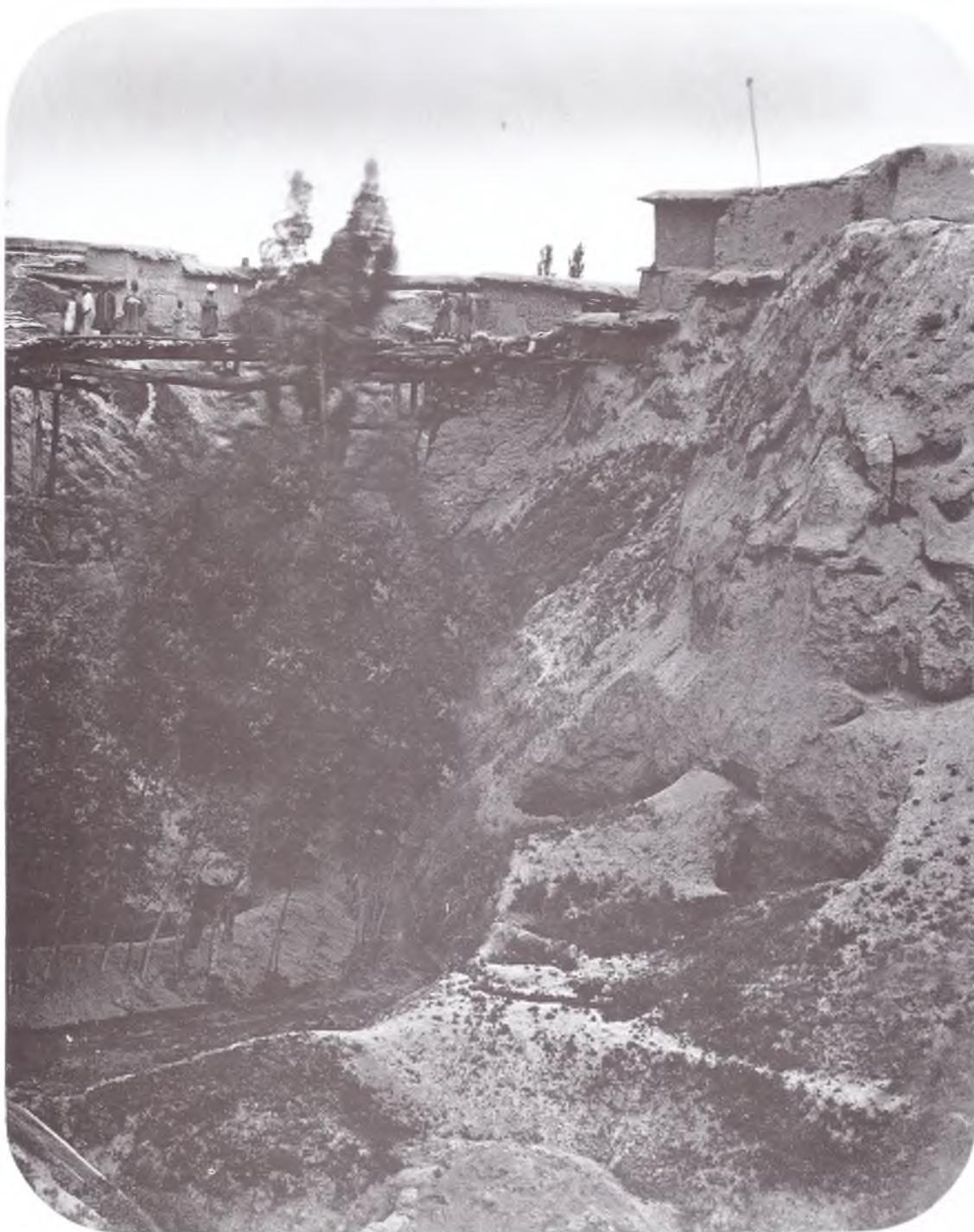
In the second half of XIX century, the architectural monuments of Central Asia and South Kazakhstan were perceived as archeological objects (however, epigraphy, written sources, numismatics, etc. at that time were also associated with archeology).¹¹³ At the same time, paradoxically enough, their archeological study had been falling behind for decades. The absence of specialists in Turkestan, having special architectural education also affected on these circumstances, and those people (including V.V. Vereshchagin, M.K. Priorov, and others), even with academic art education, had no idea about the architecture of Islam besides false understanding of “Moorish style” European in origin. N.S. Lykoshin,¹¹⁴ and later B.V. Lunin¹¹⁵ pointed at the lack of orientalists, who had architectural specialty. There is another circumstance. For many researchers of Turkestan engaged in history of the region, the architectural heritage of

112 Лунин Б.В. Материалы к историографии истории хозяйства народов Средней Азии и Казахстана конца XIX – начала XX в. // Хозяйственно-культурные традиции народов Средней Азии и Казахстана. – М.: Наука, 1975. – С.25.

113 Лыкошин Н. Очерк археологических изысканий в Туркестанском крае до учреждения Туркестанского кружка любителей археологии....С.28 – 62.

114 In the same place. P.49.

115 Лунин Б.В. Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане... С.107.

Карабулак. Мост Джар-Копр. Фото из «Туркестанского альбома». 1871 г.

Karabulak. Dzharkopri bridge. Photo from «Turkestan Album». 1871.

64. Манкент. Местность Шарбаглык. Фото из «Туркестанского альбома». 1871.

Mankent. Sharbaglyk location. Photo from «Turkestan Album». 1871.

late Middle Ages and modern times seemed too “late” and not worthy of attention in the context of global archaeological problems. Those mosques, medrese, mausoleums, and minarets of the XIX – early XX centuries, which we after more than fifty years perceive as historical monuments, seemed to the first archeologists and orientalists of Turkestan as almost modern constructions, not interesting for historical science. For example, at first V.V. Bartold was indifferent to the memorial architecture of Sairam of the XVIII – XIX centuries.¹¹⁶ However, later, he greatly contributed to the study of architecture as if he ignored the later period, not as archaeologist, but as orientalist, master of written sources, referring to many questions of terminology, typology and functioning of the church buildings of Islam.

116 Бартольд В.В. Отчёт о командировке в Среднюю Азию // Соч.: В 9-ти тт. – М.: Наука, ГРВЛ, 1966. – Т.IV: Работы по археологии, эпиграфике, нумизматике и этнографии. – С.111.

On the other hand, the most active members of TCAF (its vice-chairman N.P. Ostroumov, members I.T. Poslavsky, V.A. Kallaur, E.T. Smirnov, N.G. Mallitsky, A.A. Divayev, and others) paid considerable attention to the monuments of Islamic architecture in South Kazakhstan. As before, the church architecture in their understanding is inseparable from archeology. In 1910, one of the best pre-revolutionary works on the Islamic architecture, A.D. Kalmykov's article "Mosque", was published in a special organ of the TCAF. It had significant subtitle "The main issues of Central Asian archeology" (marked by us – Auth.).¹¹⁷ Before publishing of this article, almost any building associated with the Muslim cult was meant under the title "mosque". A.D. Kalmykov explained extensive use of this term by its "perspicuity and common intendment".¹¹⁸ He settled this situation by explaining that also other structures of Islam should be distinguished under the term "mosque". A.D. Kalmykov perhaps for the first time touched on questions of the typological classification, functional belonging of the monuments of the late periods of the history of Islam in the Central Asia

Nevertheless, the development of Islamic architecture even in the early XX century stayed within collecting of legends, associated with the monuments, their history and other related materials. If the best happened, there was made more or less detailed description of a building's current state. A. Cherkasov's article "Trip to the ruins of Otyrar" is indicative in this respect, it listed legendary information about Arystan-Bab mausoleum-mosque located near Otyrar, and therefore, came into the view of the TCAF members; the construction itself was described in considerable details.¹¹⁹ Several similar articles were published in "Proceedings" of the TCAF, "Turkestan Gazette", rarely in the national press. As a result, to the beginning of XX century, the monuments of Islam architecture in the South Kazakhstan had been studied primarily in folklore-ethnographic relation, rather than in archaeological and architectural. This feature had been noted by G.A. Pugachenkova. The role of archeology in the study of architectural heritage is very great. But due to its specific character it was unable to give overall estimate to separate monuments, and recreate history of architecture of the region as a scientific system. But, as a whole indirect sources, collected by the archaeologists of pre-revolutionary period, served as basis for further researches.¹²⁰

However, question about special study of this heritage had been already drawn. At the meeting of Orenburg Scientific Archive Commission on September, 15, 1903, chair-

117 Калмыков А.Д. Мечеть: Основные вопросы среднеазиатской археологии // ПТКЛА. – 1910. – Вып. XIV. – С.91 – 109.

118 In the same place. P.91.

119 Черкасов А. Поездка на развалины Отрара // ПТКЛА. – 1905. – Вып. VIII. – С.71 – 72.

120 Пугаченкова Г.А. Восточная миниатюра как источник по истории архитектуры XV – XVI вв. // Архитектурное наследие Узбекистана. – Ташкент, 1960. – С.111 – 161.

man of the Commission, I.S. Shukshintsev, reported: "... during summer trip to Kirghiz steppe, he paid attention to the tombstones at mazars (cemeteries). These tombstones were put up comparatively recently, while colonization of the steppe by Russians they were gradually being destroyed by ignorant settlers, and maybe, that time when they will completely disappear is not far away, therefore it would be highly desirable to preserve at least their description ...". I.V. Anichkov and I.S. Shukshintsev were ordered to develop a program to gather information about these monuments.¹²¹ These statements were not declarative, because in a few years two significant works were published, "Ancientries of Kirghiz steppe and Orenburg region"¹²² and "Tombstones of Kirghiz steppes",¹²³ of Joseph Castagné, French teacher and archeologist by calling, who had been working from 1902 in the Orenburg Scientific Archive Commission. In 1904 Joseph Castagné made his first trip to Turkestan, and his observations formed the basis of the first of these works. It showed Castagné's disposition to analyze and systematize materials, as well as to study and generalize previous researches.¹²⁴ In "Ancientries of Kirghiz steppe" Joseph Castagné stated legends related to the monuments of Baba-Ata, and Arystan-Bab mausoleum-mosque, and gave detailed descriptions of them. He described "Sauran Towers" according to the works of P.I. Pashino, P.I. Lerch, and V.M Florinsky.¹²⁵

The disadvantages of the study of South Kazakhstan architecture in pre-revolutionary period began to change in the middle of the first decade of XX century, when TCAF began to cooperate with architects and civil engineers worked in Turkestan region (V.S. Heinzelmann, S.G. Mallitsky), and there had been engaged outstanding Russian architects (A.V. Schusev, P.P. Pokryshkin), as well as painters-architects, who had academic training such as S.M. Dudin, A.I. Gorokhov (from Kazan), A.M. Gurzhienko (from St. Petersburg). Their efforts were directed to fixation and study of the largest buildings of Timur in Samarkand, including Khoja Akhmed Yassawi mausoleum in Turkestan. Great service in organization of this work belongs to N.I. Veselovsky, Russian orientalist and archeologist (1848 -1918).

N.I. Veselovsky equally directed his efforts to the archeology of the Central Asia, and to the study of the medieval architecture, which he tried to put on the scientific

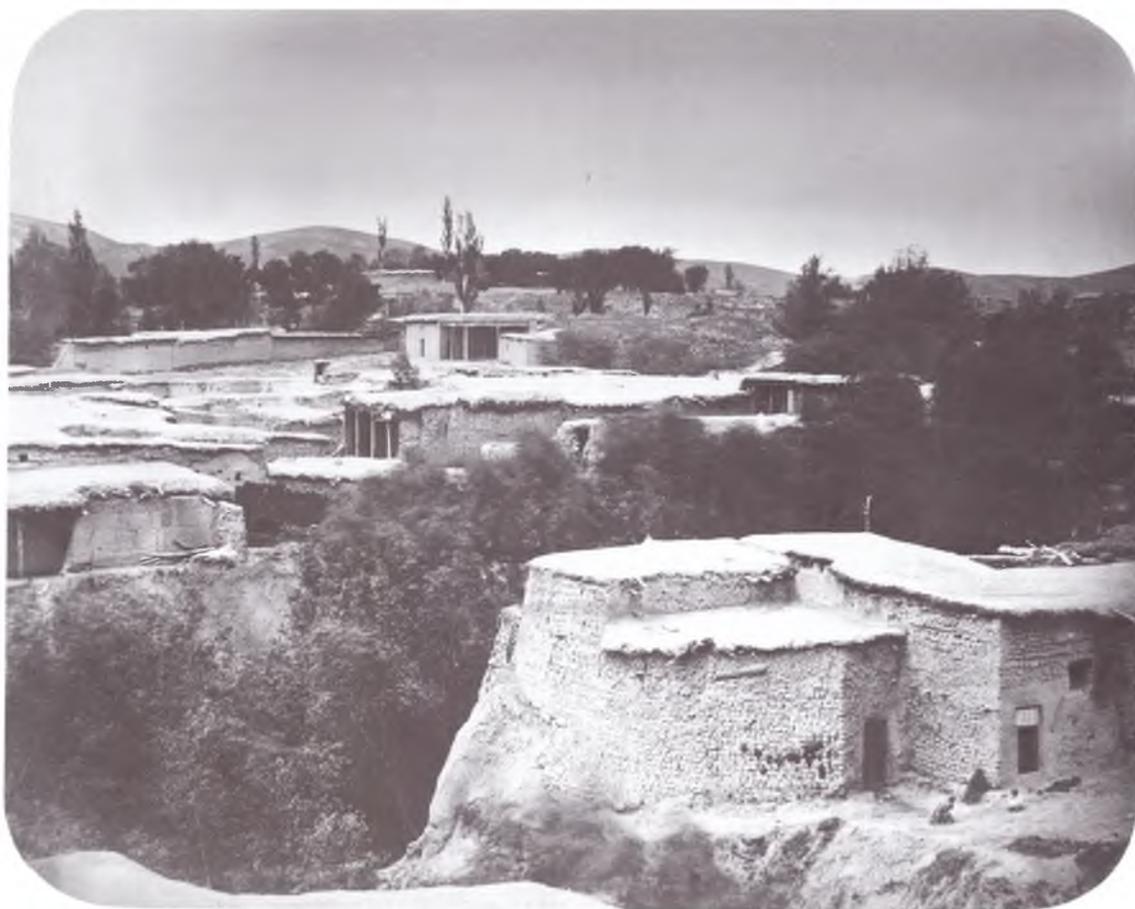
121 Протоколы заседаний Комиссии за 1903 год // Труды Оренбургской учёной архивной комиссии. – Оренбург: Типо-лит. И.И. Евфимовского-Мировицкого, 1905. – Вып. XIV. – С.158 – 159.

122 Кастанье И.А. Древности Киргизской степи и Оренбургского края. – Оренбург: Типо-лит. Т-ва Каримов, Хусаинов и К, 1910. – 327 с. (Труды Оренбургской учёной архивной комиссии, Вып. XXII). Reissue: Кастанье И.А. Древности Киргизской степи и Оренбургского края. – Алматы: Дайк-Пресс, 2007. – 516 с.

123 Кастанье И.А. Надгробные сооружения киргизских степей. – Оренбург, 1911. – 107 с., 28 табл., 77 рис.

124 Горшенина С. Странный археолог Кастанье // Звезда Востока. – 1996. – №3. – С.147, 148, 149.

125 Кастанье И.А. Древности Киргизской степи и Оренбургского края... С178 – 179, 183 –184, 185.

65. Манкент. Местность Такшилык. Фото из «Туркестанского альбома». 1871 г.
Mankent. Takshilyk location. Photo from «Turkestan Album». 1871.

basis. V.V. Bartold wrote about it: “Even during trip to Central Asia in 1885, as it was seen from his report about Shah-i Zinda read in March, 1886, along with excavations in the field of ancient cities he paid attention to the importance to study the architectural monuments preserved on the surface of the earth”.¹²⁶ For more than twenty years, the architecture of Muslim Central Asia occupied very important place in the scientific activity of N.I. Veselovsky. In his works, he also used materials from “Turkestan Album”.¹²⁷ He concentrated his key attention on the buildings of Timur in Samarkand,

126 Бартольд В.В. Н.И. Веселовский как исследователь Востока и историк русской науки // Соч.: В 9-ти тт. – М.: Наука, ГРВЛ, 1977. – Т.IX: Работы по истории востоковедения. – С.660.

127 Лунин Б.В. Средняя Азия в научном наследии отечественного востоковедения: Историографический очерк. – Ташкент: Фан, 1979. – С.79.

66. Городище Оtrar. Гончарная мастерская. XIV в.
Фото А.П. Рассказова. 1981 г.

Otrar settlement. Pottery. 19th century. Photo by A.P.
Rasskazov. 1981.

67. Городище Оtrar. Жилой квартал XV – XVII вв. Фото
А.П. Рассказова. 1981 г.

Otrar settlement. Residential district of 15th – 17th centuries.
Photo by A.P. Rasskazov. 1981.

arranging for their study special historical-architectural expedition in 1895 - 1896 and 1898 – 1899's. The result of these works was publication of album dedicated to Gur-e Amir mausoleum in Samarkand, called as mosque by inertia. The introductory text was written by N.I. Veselovsky, drawings and paintings were made by academics of architecture, A.V. Schusev and P.P. Pokryshkin.¹²⁸ B.V. Lunin called this edition "polygraphic masterpiece of its time".¹²⁹ These works were started on the initiative of the IAC and continued at the expense of Russian Committee for Study of Central and East Asia in historical, archeological, linguistic, and ethnographical relation (RCCEA).¹³⁰ Similar measures had been taken in the line of RCCEA concerning Khoja Akhmed Yassawi mausoleum in Turkestan on January 29, 1905.

N.I. Veselovsky "offered proposal to the Russian Committee of Study of the Central Asia for appropriation of funds on perpetuation of Khoja Akhmed Yassawi mosque in Turkestan in drawings and illustrations, such as those made for Gur-e Amir mosque". For these purposes N.I. Veselovsky asked 3000 rubles.¹³¹ The expedition to Turkestan

128 Самаркандские мечети: Альбом архитектурных рисунков и чертежей, Вып. I: Мечеть Гур-Эмир. СПб., 1905.

129 Лунин Б.В. Средняя Азия в научном наследии отечественного востоковедения... С.79 – 80.

130 Бартольд В.В. Н.И. Веселовский как исследователь Востока и историк русской науки... С. 661.

131 Лунин Б.В. Средняя Азия в научном наследии отечественного востоковедения... С.83, 83, прим.; Веселовский Н.И. Экспедиция в Туркестан для снятия планов и зарисовок в красках местной мечети // ИРКСВА. – СПб., 1906. – Вып.6. – С.23 –26.

took place in July, 1905. In November 30, 1905, at the meeting of RCCEA, N.I. Veselovsky presented activity report.¹³² The album, similar to edition on the Gur-Emir, unfortunately, had not been published, but part of the collected material was deposited in the archives of the State Hermitage Museum.

This is fairly well-known fact. But N.I. Veselovsky began to study the Islamic architecture in South Kazakhstan twenty years before the historical-architectural expedition to Turkestan. Unpublished manuscript of Veselovsky "Description of ruins of ancient cities on the road from Kazaly to Tashkent", probably written in 1884, when he was first sent by the IAC to the Central Asia,¹³³ is kept in the Russian State Archive of Literature and Art. Then, the monuments of Islam architecture, especially of Turkestan city, came into his field of vision for the first time.¹³⁴

The contribution of N.I. Veselovsky as initiator and organizer of the research into the study of the medieval architecture is incommensurable with the efforts of the other orientalist-archeologists in this field. His work resumes the pre-revolutionary period of the architecture studies, and with that vividly describes achievements and shortcomings due to the conditions of that time. N.I. Veselovsky, as already established archeologist, did not rise above the level of his less-skilled predecessors in the scientific conclusions on the medieval architecture of Islam, whereof V.V. Bartold noticed quite nastily: "... in this part of his activity Nikolai Ivanovich [Veselovsky] was somewhat less happy than in his excavations, his guess about the origin and purpose of the buildings was based on insufficient evidences and not always was successful; he also failed to attract necessary strength and obtain necessary funds for collection, study and publication of materials".¹³⁵

In 1918, V.V. Bartold gave sharp, and not exactly valid estimate to the pre-revolutionary period of the study of the medieval Islamic architecture: "Up to the present moment we don't have full scientific description for any of the architectural monuments of Turkestan, still less hope this would be childish, in the near future, to broader presentation of the study of these buildings of the XIX – XV centuries, as the monuments, not only as the art, but the entire cultural life of the reasonable epoch".¹³⁶ We consider

132 Назирова Н.Н. Центральная Азия в дореволюционном отечественном востоковедении. – М.: Наука, Изд. фирма «Восточная литература», 1992. – С.120, 121.

133 Лунин Б.В. Историография общественных наук в Узбекистане... С.127.

134 Кожа М., Ёлгин Ю.А. Туркестан и Отрар в неопубликованной рукописи Н.И. Веселовского о древних городах Сырдарьи // Новые исследования по археологии Казахстана: Труды научно-практической конференции «Маргулановские чтения-15». – Алматы: Ин-т археологии им.А.Х. Маргулана, 2004. – С.237 – 241.

135 Бартольд В.В. Николай Иванович Веселовский: Некролог // Соч.: В 9-ти тт. – М.: Наука, ГРВЛ, 1977. – Т.IX: Работы по истории востоковедения. – С.645.

136 The same.

68. Когам. Мавзолей-мечеть Арыстан-Баб. 1900-е гг. Главный фасад. Фото А.П. Рассказова. 1981 г.
Kogam. Mausoleum-mosque of Arystan-Bab. 1900's. Front façade. Photo by A.P. Rasskazov. 1981.

this statement as extremely controversial. For example, S.G. Mallitsky published monographic feature about Khoja Akhmed Yassawi mausoleum that puts this monument in the historical and architectural context, and represents its detailed historical and architectural analysis.¹³⁷

Note that also in other regions of Central Asia, a number of monuments was described and studied with different degree of archeological and architectural component by such outstanding historians-orientalists, as A.A. Semenov, V.A. Zhukovsky, A.A. Divayev, and others.

Next year after the publishing of S.G. Mallitsky's article, Khoja Akhmed Yassawi mausoleum was included into the special cumulated historical and architectural work, created by N. Sultanov, famous Russian architect, for a long time engaged with the archeological study and conservation of the monuments of medieval architecture.¹³⁸

137 Малицкий С.Г. Историко-архитектурное значение мечети Хазрета Яссавийского в гор. Туркестане // ПТКЛА. – 1907. – Вып. XII. – С.6 –28.

138 The history of study of Khoja Akhmed Yassawi mausoleum requires special monographic research, therefore here we touch it only in general context in the quality of prime example of archeological and historical-architectural searches in South Kazakhstan.

69. Когам. Мавзолей-мечеть Арыстан-Баб. 1900-е гг. Вид с юго-запада. Фото А.П. Рассказова. 1981 г.
Kogam. Mausoleum-mosque of Arystan-Bab. 1900's. View from south-west. Photo by A.P. Rasskazov. 1981.

Besides the above-mentioned article, the other materials were known to N. Sultanov, as he put in his "architectural atlas" the plan with a competent list of all of the main premises of the mausoleum, its view on the north portal and gurkhana dome. In the text he gave brief, but architecturally intensive, information about the monument considering specificity of the Middle Eastern architecture.¹³⁹

Statements of V.V. Bartold look preconceived because professional study of the medieval Islamic architecture in Europe and Russia passed through the period of formation and often associated with the archeology. In the special architectural European editions of the second half of XIX century, frequently reprinted in Russia, there were closely described architecture of the ancient world and the Renaissance, tastes of the

¹³⁹ Султанов Н. Памятники зодчества средних веков и магометанского Востока. Атлас. Пособие для изучения истории архитектуры. – СПб.: Журнал «Строитель», 1908. – С.1, Рис.587, 588.

Baroque, rococo, classicism, covered issues of modern architecture, and very seldom it was indefinitely written about "town planning of the East". "Oriental countries" were mentioned to only a small extent in the conclusions of articles of the European and Russian scientists.¹⁴⁰

Against this background, achievements in the study of the medieval architecture in Turkestan region look quite weighty, and deserve consideration. South Kazakhstan during this period (and for a long time) could not be studied in due measure. But it did not lose attention of the largest local orientalists and Western scholars who worked or stayed in Turkestan region. Of course, the monuments of Turkestan and those buildings located near important archeological objects (Otyrar, Baba-Ata, etc.) came into the view of pre-revolutionary researchers first. Sairam, Turbat were barely touched ... There was a poor information about Shymkent. And yet, historical-ethnographic base for the further study of some of the mausoleums was created. Separate monuments had been recorded (a few of them visually) and described more or less correctly, depending on the archeological-architectural qualification of the authors, which content was extremely different from army officers to graduates of St. Petersburg University.

The Revolution of 1917 gave new burst to this movement. The medieval architecture of Islam, but not properly the monuments of archeology became the first in the first post-revolutionary period of the development of archeology in the Central Asia, determined by M.E. Masson as very short period in 1917 – 1920. The leading rep-

70. Мавзолей-мечеть Арыстан-Баб. Фрагмент декора портала. Фото Ю.А. Ёлгина. 1984 г.

Mausoleum-mosque of Arystan-Bab. Décor fragment of portal. Photo by Yu.A. Yolgin. 1984.

140 Венедиктов А.И. Архитектура // История европейского искусствознания: В 2-х тт. – М.: Наука, 1969. – Кн. I: (Вторая половина XIX века – начало XX века). – С.182 – 261; Сытина Т.М. Архитектура // История европейского искусствознания: В 2-х тт. – М.: Наука, 1969. – С.48 – 75.

representatives of the new government felt solicitude for dangerous condition of many buildings. The first monument saved in 1918 was pendent north-eastern minaret of Ulugbek medrese in Samarkand (rectified in 1932).¹⁴¹

The second post-revolutionary period of archeological, historical, and architectural study of the Central Asia and South Kazakhstan, which was part of Turkestan Republic in 1920 – 1928, and primarily was associated with formed in 1921 at Narkompros (People's Commissariat for Education) of Turkestan Republic, Turkestan (Central Asian from 1924, Uzbekistan from 1928) Committee for museums, preservation of ancient buildings, art and nature (Turkomstaris – Sredazkomstaris – Uzkomstaris), it was public institution but it worked due to the enthusiasm of its members, who began their activities long before the revolution. In fact the pre-revolutionary research programs were continued, but different ideological base was applied under them.¹⁴²

Archeological section of Turkomstaris was focused (especially in its early years of operation) exceptionally on the study of the monuments of architecture.¹⁴³ Resolution of Turkestan Republic Council of People's Commissars No. 151 from July 26, 1921 "On the repair and restoration of historic monuments of Islamic architecture" followed after the formation of Turkomstaris.¹⁴⁴

Some political subtext in these decisions was shown by care for the largest church buildings of Islam, the new statehood tried to attract sympathy of the local Muslim population.

This situation and position of Sredazkomstaris in relation to the medieval Islamic architecture were analyzed in one of the recent publications of S.M. Gorshenina, she used materials from Central State Archive of the Republic of Uzbekistan, which had never been touched before. Let us quote from it the statement of G.I. Chicherin, People's Commissar for Foreign Affairs of the RSFSR: "[...] the scientific world with extreme interest maintains these monuments: American, German, Swedish and other scientists visited Turkestan with the special intent to survey their current state [...]. Reconditioning of these monuments is of great political importance, it will be treated

141 Массон М.Е. Краткий очерк истории изучения Средней Азии в археологическом отношении... С.14 – 15.

142 This period of study and protection of historical-cultural heritage is sufficiently well covered in the special literature, therefore, we will touch it slightly, only in the context of this essay.

143 Горшенина С.М. Становление и развитие системы изучения истории искусств Средней Азии в Узбекистане. Конец XIX века – первая половина XX века: (Историографические аспекты): Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. – Ташкент, 1996. – С.17.

144 Миронов А.М. Организационная, научная и практическая деятельность Средазкомстариса (быв. Туркомстариса) за пятилетие его существования // Известия Среднеазиатского комитета по делам музеев, охраны памятников старины, искусства и природы (Средазкомстарис). – Ташкент: Издание Средазкомстариса, 1926. – Вып. I. – С.26.

in the Middle East as a proof of exceptional attention of the Soviet government to the cultural and national interests of the local population".¹⁴⁵

In this regard, there could be emerged an impression about ignorance to the archeology itself, defined as protective service for the monuments of architecture. We see this problem deeper and more complicated, as the monuments of architecture were studied not only by archeologists and not to the detriment of archeology, the history of architecture was still going in the clear-way of archeology. Its separation in a particular area of the history of the East culture had just started in the 1920's.¹⁴⁶ Even in the late 1980's, the architectural historiography in Uzbekistan was considered to be in stagnation.¹⁴⁷ In Kazakhstan, these events were considerably late.

However, in the 1920's and later, the attention of scientists and society was focused mainly on the monuments, being masterpieces of the world architecture. On the whole, the church architecture, especially of the late Middle Ages, remained out of view of the historians of architecture, at best becoming the subject of ethnographers' researches. Justification for this situation, risen by the first chairman of Sredazkomstaris seems to be quite reasonable: "Monuments of the past and art of monumental character are in particularly difficult condition, their destruction occurs right in front of our eyes, therefore, considering impossibility to save many of them from the further destruction due to the remoteness from cultural centers and means of communication, lack of scientific capabilities, Sredazkomstaris puts forward the following practical task: Register the most valuable archaeologically monuments of the past and art in the Central Asia, mainly the monuments of architecture".¹⁴⁸

From the vast archeological and architectural heritage of South Kazakhstan, Sredazkomstaris pointed Khoja Akhmed Yassawi mausoleum in Turkestan, Kok-Kesene mausoleum in Perovsky district, Aisha-Bibi mausoleum in Aulie-Ata district, columns in Sairam, ruins of Sygnak, Bish-Tam, Ashnas, and Shekhrikent cities. By special resolutions of Central Executive Committee of Turkestan Republic Council of People's Commissars they were registered and referred to Turkomstaris (Sredazkomstaris).¹⁴⁹ Special attention was paid to Khoja Akhmed Yassawi mausoleum, as well as to the other monumental structures of Timur

145 Citation according to Горшенина С.М. Туркомстарис – Средазкомстарис – Узкомстарис: Формирование институций и этноцентрический раздел культурного наследия Средней Азии // ЭО. – 2013. – №1. – С.58.

146 Пугаченкова Г.А. Восточная миниатюра как источник по истории архитектуры XV – XVI вв. ... С.111.

147 Аскарлов Ш.Д. Проблемы архитектурной науки Узбекистана // АСУ. – 1991. – №6. – С.28.

148 Нечкин Д.И. Задачи и ближайшие цели комитета по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы в Средней Азии // Известия Среднеазиатского комитета по делам музеев, охраны памятников старины, искусства и природы (Средазкомстарис). – Ташкент: Издание Средазкомстариса, 1925. – Вып. I. – С.6.

149 Умняков И.И. Охрана памятников старины и искусства в советском законодательстве Средней Азии // Там же. С.48, 50.

and Timurid epoch.¹⁵⁰ One of the first archeological expeditions to Turkestan consisting of D.I. Nechkin, A.A. Semenov, historian-orientalist, A.E. Schmidt, Arabist, and S.K. Orlov, engineer, was held in 1922. Later, B.P. Denike, historian of East art, and M.M. Loginov, engineer, also visited Turkestan. Almost all similar comprehensive surveys of the monuments of architecture were known as "archeological" expeditions, although archaeologists were missing. M.E. Masson, active member of Sredazkomstaris, who made archeological trips to Chimkent and Aulie-Ata districts,¹⁵¹ gave really archaeological direction to the study of the monuments of archeology, and architecture in South Kazakhstan. First of all setting archaeological tasks, he nevertheless did not neglect the late medieval monuments of Islamic architecture.¹⁵²

Within the South Kazakhstan region in the 1920's along with the foremost conservative measures in Turkistan, study of Sairam as many-valued historical and archeological monument had acquired great importance. Interest of pre-revolutionary scientists to this medieval city, known from written sources, was evolved at higher professional level, with prevalence of archeological aspect in its study. In 1923, the first paper on Sairam, "Sairam: Historical-archeological essay", was published by P.P. Ivanov, young historian of the day.¹⁵³ In 1928, M.E. Masson published his work, where issues of the archeology prevailed over the other sides, studying Sairam.¹⁵⁴ In 1927, P.P. Ivanov published one more article on historical topography of Sairam.¹⁵⁵ As against publications of 1860 – 1890's (by A.K. Gaines, E.T. Smirnov, V.V. Bartold, N.P. Ostroumov, N.S. Lykoshin) the works of P.P. Ivanov and M.E. Masson were significant not only for the archaeological study of Sairam, but also for recreation of history of some of its architectural constructions. They paid the same serious attention both to the late mausoleums of Sairam, and to the historical topography of Ispidzhab-Sairam settlement.

The first years after the revolution were marked as quick growth of museums. In 1920 Chimkent museum was founded (nowadays South Kazakhstan oblast historical-regional museum – SKOM), in the name of Sredazkomstaris reorganized in 1925 by M.E. Masson.¹⁵⁶

150 Studies on Khoja Akhmed Yassawi mausoleum in 1920's were considered by us in the separate article. – See: Ёлгин Ю.А. Мавзолей Ходжа Ахмеда Ясави в 1920-е годы... С.44 – 53.

151 Миронов А.М. Организационная, научная и практическая деятельность Сredазкомстариса... С.28, 30.

152 Ёлгин Ю.А. Михаил Евгеньевич Массон и архитектурное наследие Чимкентской области // Тезисы докладов научно-практической конференции, посвящённой 70-летию Чимкентского областного историко-краеведческого музея (10 – 12 октября 1990 г.). – Алма-Ата, 1990. – С.7 – 10.

153 Иванов П.П. Сайрам: Историко-археологический очерк // Сборник Туркестанского Восточного института в честь профессора А.Э. Шмидта: (25-летие его первой лекции 15/28 января 1898 г.). – Ташкент, 1923. – С.16 – 59.

154 Массон М.Е. Старый Сайрам // Известия Сredазкомстариса. – Ташкент, 1928. – Вып. III. – С.23 – 42.

155 Иванов П.П. К вопросу об исторической топографии Старого Сайрама // В.В. Бартольд: Туркестанские друзья, ученики и почитатели. – Ташкент, 1927. – С.151 – 164.

156 Ёлгин Ю.А. Сredазкомстарис и Чимкентский музей (период становления музея) // Древняя и средневековая урбанизация Евразии и возраст города Шымкент: Материалы Международной научно-практической конференции 16 октября 2008 г. – Шымкент, 2008 – С.334 – 360.

71. Болтаколь. Мечеть Икрама. Вторая пол. XIX в. Фрагмент юго-западного фасада. Фото А.П. Рассказова. 1981 г.
Boltakol. Ikram mosque. Second half of 19th century. Fragment of south-west facade. Photo by A.P. Rasskazov. 1981.

During formation of the funds of this museum, small photo archive of the monuments of church architecture of Islam and orthodox church architecture have been collected. In 1927, Chimkent museum participated in the expedition on Sygnak settlement, Kok-Kesene mausoleum, carried out by A.Yu. Yakubovsky, the member of the State Hermitage Museum, outstanding historian of Central Asia. Perhaps it was the starting point for collection of materials on the medieval architecture. Glass imprints of the monuments of the Central Asian architecture, including Idris-Payghambar mosque in Sairam were kept in the funds of SKOM. Some pictures from these glass imprints were exhibited in the museum in the 1930 – the first half of 1970's.

In the 1920's the formation of professional staff of architects-conservators for the architecture of Central Asia started. The former, "archeological" approach to the architectural heritage, which representatives in most cases were not archeologists, came to the end of tether. Already at the beginning of 1920's, architects and engineers moved to the forefront in preserving the monuments of architecture. Repair, conservation and restoration measures in many cases were preceded by the study of history of one or another monument creation. This laid the foundation of the history of the architecture of Central Asia and Kazakhstan.

72. Болтаколь. Мечеть Икрама. Вторая пол. XIX в. Общий вид. Фото А.П. Рассказова. 1981 г.
Boltakol. Ikram mosque. Second half of 19th century. General view. Photo by A.P. Rasskazov. 1981.

The number of publications on the subject was slowly but steadily growing. Even then, scientists started to develop theoretical issues, involving analysis of planning schemes and design methods of the medieval architects, problems of shaping in the architecture of Islam, study of architectural decor, etc.

Extra emergency measures to save monuments of medieval architecture drew back the tasks of their archeological study. But they always presented and have been solved as soon as possible. Some archeologists, first M.E. Masson, prepared a series of exhaustive historical and architectural essays on the separate monuments of architecture, preserving scientific importance also in our days. In turn, as we have already mentioned, architects-restorers, well-studied the features of Central Asian architecture, in their practice, especially in the study of underground parts of buildings, used archeological methods. Finally, leaping ahead, let us say that art historians (L.I. Rempel, G.A. Pugachenkova) and architects (N.B. Nemtseva, etc.) possessed great skills of archeological field researches.

For implementation of historical, cultural and political ambitions announced by the new political elite, highly qualified professionals were required. Local cultural forces in

73. Карнак. Мечеть Шамет-Ишан. XIX в. Айван. Фото А.П. Рассказова. 1981 г.
Karnak. Shamet-Ishan mosque. 19th century. Iwan. Photo by A.P. Rasskazov. 1981.

the name of old Turkestan researchers were not enough. Great professionals, who had academic training and experience in the restoration of monuments of ancient Russian architecture, began to arrive to Central Asia. The most vivid and important person among them was B.N. Zasyupkin (1891 – 1955), who played a huge role in the development of conservation, restoration, study of the history and theory of the medieval architecture of the Central Asia.

In 1923, B.N. Zasyupkin made his first trip to the Central Asia as a member of commission for the study, protection and restoration of the medieval architecture at Glavnauka of People's Commissariat of the RSFSR. This commission also included N.B. Baklanov and B.P. Denike (1885 – 1941), one of the first art historians of the East. In the Central Asia, he studied mainly decorative art and architectural ornament. He always included Khoja Akhmed Yassawi mausoleum in Turkestan in his cumulated works.¹⁵⁷

157 Денике Б.П. Искусство Средней Азии.– М.: Центриздат народов СССР, 1927. – С.36; The same author. О резных деревянных дверях в Средней Азии // ТСАИАИ. – 1928. – Т.4. – С.178 – 179; the same author. Прикладное искусство Средней Азии // Художественная культура Советского Востока.– М. – Л., 1931. – С.65 the same author. Архитектурный орнамент Средней Азии. – М. – Л.: Изд-во Всесоюзной Академии архитектуры, 1939. – С.168, etc.

74. Карнак. Мечеть Шамет-Ишан. XIX в. Общий вид. Фото А.П. Рассказова. 1981 г.
Karnak. Shamet-Ishan mosque. 19th century. General view. Photo by A.P. Rasskazov. 1981.

Common interests, associated with the medieval architecture of the Central Asia, brought together B.N. Zasytkin with B.P. Denike.¹⁵⁸ He was also friendly with N.B. Baklanov (1881 – 1959), artist-architect, who took part in the restoration of Khoja Akhmed Yassawi mausoleum and especially distinguished his works in the Central Asia in his scientific biography.

The first trip of B.N. Zasytkin to the Central Asia was followed by expeditions of 1927, 1928, 1929, in which he played the leading role as architect-orientalist of Central State Restoration Workshops (CSRW) at Glavnauka of People's Commissariat of the RSFSR.

Position of the CSRW main specialists in the field of church architecture was clearly out of phase with the party line, focused on anti-religious education of the masses. This was probably the main reason that B.N. Zasytkin as the scholar with his principles and impeccable honesty was convicted in 1934 and sent out to the North for three years. After his deportation in 1937, without any permission to reside in the capital, he had chosen Samarkand for himself. Since then, the medieval architecture of the Central Asia came in his life for evermore. After a year, among numerous projects, he started

158 Горшенина С. Об изучении искусства Средней Азии... С.98.

restoration of Khoja Akhmed Yassawi mausoleum, and he had been actively engaged with the mausoleum until his death, with a break during the war years.¹⁵⁹

The wave of repression in 1937 brought L.I. Rempel (1907 – 1992) to the Central Asia, later he became famous art historian, and played great role in the study of art and architecture of the region. He laid great emphasis to the archeology in the composition of the history of art of the Central Asia. He had no publications on the architecture of the historical and cultural area described by us, but working as a research fellow at Dzhabul museum in 1948 – 1954, where he was sent out from Samarkand, from May 9, 1950, on the instructions of Pokrovsky, director of Chimkent museum, along with G.I. Patsevich he began to compile a list and scientific description of archaeological and architectural monuments of South Kazakhstan region.¹⁶⁰

From the 10th of August to the 10th of September in 1951 L.I. Rempel was allowed to participate in South Kazakhstan archeological expedition of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Academy of Sciences of Kazakh SSR on excavations of Baba-Ata architectural structure in Suzak region of South Kazakhstan oblast.¹⁶¹ In the expedition he was itemized as a freelance photographer, but we believe his role in these studies as established historian of art and architecture of the Central Asia was more significant. In fact, he was the second supervisor of dissertation of Ye.I. Ageyeva, commander of Baba-Ata expedition, encouraged young scientist in the letters, for whom it was difficult to work in isolation from the major research centers, and gave valuable advices.

The 1920's was a new stage in the history of the medieval church architecture of the region. Its results were reflected in a number of special publications, from which we would like to mark small book of I.I. Umnyakov "Architectural monuments of the Central Asia: Researches, Repair, and Restoration"¹⁶² and B.N. Zasytkin's articles in the collections of CSRW, where his researches on the architecture of the Central Asia took place next to the discoveries of restorers in the field of ancient Russian icon painting, architecture, and West-European pictures. The former, considered as "archeological", approach had been completely overcome in these articles; the monuments were considered from the point of the history and theory of architecture, and these sections of

159 Ёлгин Ю.А., Алибаева С.К. Борис Николаевич Засыпкин и его вклад в изучение и реставрацию мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави // МОН РК НАН РК: Сер. общественных наук. – 2000. – №1. – С.28 – 39.

160 Remains of these materials (scientific passports with perfectly made topo-plans by Rempel's hand) could be seen even in the 1980's among documents of Chimkent museum Department for protection of monuments. – Authors.

161 Ремпель Л.М. Мои современники (20-е – 80-е годы). – Ташкент: Изд-во литер. и искусства, 1992. – С.166, 170.

162 Умняков И.И. Архитектурные памятники Средней Азии: Исследования. Ремонт. Реставрация. 192- – 1928 гг. – Ташкент: Правда Востока, 1929. – 40 с.

the architectural science were focused on the practical purposes of restoration of specific objects.¹⁶³

There were publications of another kind, such as monographic essays of A.Yu. Yakubovsky "The remains of Sygnak" and "The remains of Urgench" with drawings of N.B. Baklanov, where historical and source study component in showing of the monuments of architecture prevailed.¹⁶⁴ They are not directly related to the architectural heritage of South Kazakhstan oblast, we've mentioned about it just as a good example. Having direct relevance to South Kazakhstan, small, but published in a separate edition, M.E. Masson's work about Khoja Akhmed Yassawi mausoleum, written according to the results of his historical-architectural and archeological researches in Turkestan in the second half of 1920's, combines two above-mentioned directions in the study of medieval architecture.¹⁶⁵

Historiographers characterize the period of 1930's generally by the country and in the Central Asian republics in particular by the scope of the archeological researches, initial surveys, and numerous publications.¹⁶⁶ In this dynamic process it is not simple to separate issues concerning the medieval architecture. The period of 1930's in the history of church architecture of South Kazakhstan seems to us as irreparable lacuna. Rather loyal attitude of Soviet power to the Muslim Central Asia was quickly replaced by the policy of militant atheism. The first who faced the attack in the middle of 1920's was the orthodox architecture. All the churches were closed, destroyed or damaged. In the course of the campaign in South Kazakhstan it was instructed by the secret circular not to deal with the Muslim architecture for a while. Such caution hadn't been exercised for a long time. At the end of 1920's closing and destruction of mosques started, many memorials were demolished; Muslim clergy was sent out from the dwelling places, which were the centers of religious life and culture in the Middle Ages.¹⁶⁷ All the efforts were still focused on the study and restoration of the masterpieces of Islamic architecture in Samarkand, Bukhara, Khiva, to a lesser extent in Turkestan. They were destined to play representative role, visually demonstrating care of the socialist State about historical and cultural heritage of Muslim

163 Засыпкин Б.Н. Памятники архитектуры Средней Азии и их реставрация // Вопросы реставрации: Сборник Центральных Государственных реставрационных мастерских. - М.: Издание ЦГРМ, 1926. - I. - С.137 - 178; the same author. Архитектурные памятники Средней Азии: Проблемы исследования и реставрации // Вопросы реставрации: Сборник Центральных Государственных реставрационных мастерских. - М.: Издание ЦГРМ, 1928. - II. - С.207 - 284.

164 Якубовский А.Ю. Развалины Сыгнака // СГИИМК. - 1929. - Т.2. - С.123 - 159; the same author. Развалины Urgench. - Л.: ГАИМК, 1930. - 68 с., черт. (ИГАИИМК, Т.2, Вып.6).

165 Массон М.Е. Мавзолей Ходжа Ахмеда Ясеви. - Ташкент: Типолит. №2 Узполиграфтреста, 1930. - 22 с.

166 Горшенина С., Рапэн К. Как историк и археолог превратились в буржуазных пропагандистов, или возможна ли компаративная история археологии Средней Азии? // РА. - 2005. - №2. - С.106.

167 In the beginning of 1930's, Jami in Chimkent was closed, its building had been used as a cornhouse for several years. - Байтанаев Б.А., Ёлгин Ю.А. Мечеть Джамии в Чимкенте... С.105.

75. Икан. Мавзолей Жунус-Ата. XIX – нач. XX вв. Фрагмент фасада. Фото А.П. Рассказова. 1981 г.
Ikan. Mausoleum of Zhunus-Ata. 19th – beginning of 20th century. Fragment of facade. Photo by A.P. Rasskazov. 1981.

nations. Wide layer of the church architecture had been almost in oblivion for a half of the century. Monuments were not identified, not systematized, studied neither archeologically nor architecturally. Those monuments, which in the early 1980's finally had been proposed on the Republican, or even All-Union category of monument's protection, in the previous decades were considered by historians and architects as they didn't have any architectural or artistic value.¹⁶⁸ Only few church constructions of Islam, studied by ethnographers, were diplomatically transferred by them into the category of "national architecture" perhaps equating to the residential architecture, although many of them were not deprived of monumentality and directly relate to the classical architectural tradition of the Central Asia.

In general, the pre-war period of the history of the architectural study of Islam is quite washy. On the one hand there are achievements and successes of historians, archeologists, and architects, who worked and lived in the Central Asia, as well as contribution of expeditions in 1926 – 1941 of Leningrad branch of the State Academy of the History

168 Басенов Т. Архитектура Казахстана VII – XII веков // Маргулан А., Басенов Т., Мендикулов М. Архитектура Казахстана. – Алма-Ата: Казгосиздат, 1959. – С.90.

76. Икан. Мавзолей Жунус-Ата. XIX – нач. XX вв. Общий вид. Фото А.П. Рассказова. 1981 г.
Ikan. Mausoleum of Zhunus-Ata. 19th – beginning of 20th century. General view. Photo by A.P. Rasskazov. 1981.

of Material Culture¹⁶⁹ and Kazakhstan branch of the USSR Academy of Sciences on the survey of structures of pre-Islamic period and Middle Ages, affecting areas of South Kazakhstan and Kyrgyzstan. On the other hand, weak involvement in the matter of scientific-architectural centers created in 1933, such as All-Union Academy of Architecture and Moscow Institute of Architecture. V.L. Voronina, talking about the defense of a number of theses in Moscow Architectural Institute on the subject of Central Asian architecture, does not make any specific examples, does not name published works.¹⁷⁰ The fact that L.I. Rempel had been working in All-Union Academy of Architecture during 1933 – 1937, as a junior (and later senior) researcher, and even in those years paid attention to the architecture of Islam,¹⁷¹ and later wrote capital

169 Since 1937 – Institute of material culture, predecessor of current Institute of archeology of RAS.

170 Воронина В.Л. Советские учёные об архитектуре Средней Азии: Обзор работ по изучению архитектуры Средней Азии за 25 лет (1917 – 1942 гг.) // Сообщения Кабинета теории и истории архитектуры Академии архитектуры СССР. – М., 1943. – Вып.3. – С.14, 21.

171 Ремпель Л.И. Архитектура ислама // Академия архитектуры. – 1935. – №3. – С.47 – 52; the same author. Мавзолей Измаила Саманида // Академия архитектуры. – 1936. – №5. – С.82 – 84; the same author. Архитектура Хивы: Путевые заметки // Архитектура СССР. – 1936. – №9. – С.46 – 51.

77. Шобанак. Мавзолей Имам-Маркози. XIX в. Главный фасад. Фото А.П. Рассказова. 1981 г.
Shobanak. Mausoleum of Imam-Markozi. 19th century. Front facade. Photo by A.P. Rasskazov. 1981.

general works on the art and architecture of the Central Asia, is more significant for us. In some of his articles he also paid attention to the regions of South Kazakhstan, mainly archeologically.¹⁷²

In pre-war years, episodic coverage of the medieval architecture in the archeological publications was observed. It was connected with creation of Zhambul archeological station in 1938 under the leadership of G.I. Patsevich, who worked under the auspices of Semirechye archeological expedition led by A.N. Bernshtam, and with recovery of archeological researches in South Kazakhstan. Expedition routes of Zhambul archeological station also covered territory of South Kazakhstan oblast. In 1940, there was carried out large archeological exploration in “Dzhambul – Chimkent” region.¹⁷³

172 Ремпель Л.И. Интересная археологическая находка в долине Таласа // ВАН КазССР. – 1953. – №4. – С.79 – 81; the same author. Археологические памятники в дальних низовьях Таласа // ТИИАЭ АН КазССР. – 1956. – Т.1: Археология. – С.61 – 72; the same author. Каменный сосуд из Турткулт-Тепе // Художественная культура Средней Азии. IX – XIII века. – Ташкент: Изд-во литер. и искусства, 1983. – С.169 – 176 (This article was written in 1952, one of its typescript copies was preserved in the funds of SKOM. – Authors).

173 Маханбаева Н.Н. Вклад Джамбылского археологического пункта в историю археологического изучения Жетысу // ИНАН РК: Сер. общественных наук. – 2005. – №1. – С.289 – 281.

78. Шобанак. Мавзолей Имам-Маркози. XIX в. Боковой фасад. Фото А.П. Рассказова. 1981 г.
Shobanak. Mausoleum of Imam-Markozi. 19th century. Flank facade. Photo by A.P. Rasskazov. 1981.

Then G.I. Patsevich described the monuments of church architecture on the territory of Sairam settlement.¹⁷⁴

The late church architecture in South Kazakhstan oblast, to the beginning of the war, had not yet become the subject of special study. It is true that the monuments of medieval archeology in the period of 1930 – 1940's had been poorly studied.¹⁷⁵

The situation had changed dramatically after the war. During the Great Patriotic War and after its end, the policy of partial revival of the religious life under the strict government control had been carried out. In 1948, in Chimkent there were opened three parishes, the cathedral mosque was returned to Muslims. Undoubtedly, these changes indirectly influenced on the attitude to the church architecture, but in the study of architectural heritage of Kazakhstan the other factor became more important, - the formation of the Republican Academy of Sciences and opening of C.C. Valikhanov Institute of History, Archeology, and Ethnography (IHAE) as its part.

174 Байтанаев Б.А. История археологического изучения Испиджабского историко-культурного района (XIX – XX вв.) // ИНАН РК: Сер. общественных наук. – 2012. – №3. – С.184.

175 The same. С.194.

Central Kazakhstan archeological expedition of the IHAЕ began to work in the same year. It surveyed medieval settlements Suzak, Baba-Ata, Ak-Sumbe on the northern slopes of Karatau. The monuments of architecture located on their territory came into the view of archeologists. Sector of architecture appeared as a part of the IHAЕ of Kazakh SSR Academy of Science. In 1948, there was carried out a complex expedition of the architecture sector and archeology sector of the IHAЕ of Kazakh SSR Academy of Science, which studied the monuments of medieval architecture on the way from Chimkent to Dzhezkazgan. V.V. Konstantinova studied monuments on the Middle Syrdarya (Arystan-Bab mausoleum-mosque, Ali-Khoja-Ata and KaraSopy mausoleums, Zopa, Grand and Little mosques in Karnak),¹⁷⁶ G.G. Gerasimov studied medieval architectural structures on the northern slopes of Karatau up to Suzak (complex of Appak-Ishan mosques-medrese, Aulie-Tobe mausoleum in Chayan village, the remains of citadel in Chulak-Kurgan, Baba-Ata mausoleum-mosque and medrese in the same name area on the medieval settlement, Nogai-Ishan mosque in Suzak, etc.).¹⁷⁷

These were many sided studies, including on-site investigation, photo fixation, architectural measurements, measurements and sketches of fragments of architectural decoration, collection of information of historical-architectural character (legends and stories associated with monument, history of its creation, repair and rebuilding, etc.). Sometimes, attempts of graphic reconstruction were made (variant of supposed of Baba-Ata mausoleum-mosque portal, proposed by G.G. Gerasimov).

79. Шобанак. Минарет. XIX в. Фото А.П. Рассказова. 1981 г.
Shobanak. Minaret. 19th century. Photo by A.P. Rasskazov. 1981.

176 Константинова В.В. Некоторые архитектурные памятники по среднему течению реки Сыр-Дарья // ИАН КазССР: Сер. архитектурная. – 1950. – №80. – Вып.2. – С.37 – 54.

177 Герасимов Г.Г. Памятники архитектуры Каратау // The same. С.55 – 82.

The results of studies of the late 1940's – early 1950's were published in "Proceedings" of Kazakh SSR Academy of Science, both in the architectural and archeological series of the edition. Studies of 1948 were included by M.M. Mendikulov into his cumulated work on the late medieval architecture in Kazakhstan. Besides the monuments of Middle Syrdarya and Karatau, he described jami in Chimkent¹⁷⁸ for the first time. The monuments of medieval architecture in South Kazakhstan became known to the authors of monographs as per town planning and architecture of the Central Asia. Thus, V.A. Lavrov in his book on town planning and architecture of the Central Asia describes Abdel-Aziz-Bab mausoleum in Sairam in detail, and puts schematic plan of the central part of the settlement with designation of Khyzyr-Paigambar and Idris-Paigambar mosques.¹⁷⁹

Thus, since the beginning of 1950's, the history of architecture in Kazakhstan began to form. Leading archaeologists, who worked in South Kazakhstan (A.N. Bernshtam, A.Kh. Margulan, K.A. Akishev, Ye.I. Ageyeva, G.I. Patsevich, K.M. Baipakov, L.B. Yerzakovich, and others) continued in 1950 – the early 1970's to write about the medieval architecture, compensating for shortcoming of qualified historians of architecture. Some of these books had popular scientific character that approached the church architecture to understanding by the general reader.¹⁸⁰ In 1960, there was published a vast number of edition "Archaeological Map of Kazakhstan", which included maps of some of the monuments of medieval architecture, and their short brief descriptions in the registry.¹⁸¹

Since 1980, there had been started a new stage in the study of church architecture of South Kazakhstan, in our view, the most effective both in the number of identified monuments, as well as on the scientific value. The problem of the development of historical and cultural heritage generally by the country, and the monuments of architecture in particular had drawn to a head by this time. In Kazakhstan, the question of the study of this kind of historical-cultural heritage in a professional manner was especially acute. The task for identifying and registering the monuments of church architecture was put forward as one of the main tasks. The primary task was the creation of

178 Мендикулов М.М. К характеристике архитектуры Казахстана XIX и начала XX века // Маргулан А., Басенов Т., Мендикулов М. Архитектура Казахстана. – Алма-Ата: Казгосиздат, 1959. – С.119, 128, 129, 130.

179 Лавров В.А. Градостроительная культура Средней Азии: (С древнейших времён до второй половины XIX века). – М.: Гос. изд-во архитектуры и градостроительства, 1950. – С.144.

180 Бернштам А.Н. Архитектурные памятники Киргизии. – М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1950 – 115 с.; Маргулан А.Х. Из истории городов и строительного искусства Казахстана. – Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1950 – 122 с.; Акишев А.К., Агеева Е.И. Древние памятники Казахстана. – Алма-Ата, 1958. – 60 с.; Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Древние города Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1971 – 211 с., etc.

181 Археологическая карта Казахстана: Реестр. – Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1960. – 449 с., IX табл.

80. Мавзолей-мечеть Баба-Ата. Вторая пол. XIX в. Главный фасад. Фото А.П. Рассказова. 1981 г.
Baba-Ata mausoleum-mosque. Second half of 19th century. Front facade. Photo by A.P. Rasskazov. 1981.

scientific passports both for known and newly identified monuments of architecture on the basis of new, specially developed method, in a single, unified description pattern. This work had been done in the shortest period, during preparing of the Code of Monuments of History and Culture of Kazakhstan in 10-volumes, the first volume of which was dedicated to Chimkent oblast. Such grand project required not only mobilization of all scientific resources (historians, archeologists, restorers, engineers, artists, and scientists of different historical profiles), and public organizations, but also of firm organizational measures.

In 1979, Department for Protection of Monuments in the Ministry of Cultural Affairs of Kazakh SSR was organized, undertaken coordination and management of works on the study of monuments in the field conditions and compiling the records. In the provinces these tasks were assigned to the Departments of Culture of regional executive committees. In 1981 – 1982 for realization of these tasks at oblast administrations there were formed scientific research sections for Protection of Monuments of History and Culture (they were included into the states of regional museums). In 1980 the establishment of specialized Institute “Kazprojektrestavratsiya” including

81. Мавзолей-мечеть Баба-Ата. Вторая пол XIX в. Общий вид. Фото Б.А. Байытанаева. 1987 г.

Baba-Ata mausoleum-mosque. Second half of 19th century. General view. Photo by B.A. Baitanayev. 1987.

Department with the Code of Monuments at the Ministry of Cultural Affairs of Kazakh SSR was of paramount importance, where along with architects, restorers, engineers there also worked archeologists, who had experience in the field and cabinet works (A.O. Itenov, F.P. Grigoriev, A.S. Mirzabayev, and others). Similar department was opened in 1981 as a part of the IHAЕ of Kazakh SSR Academy of Science.¹⁸²

The monuments of church architecture, to a greater or lesser extent touched by pre-revolutionary researchers were studied in 1920 – 1960's. Specific character of the new stage was in the fact that in a very short time (1981 – 1982) along with the well-known monuments there were found others, completely unknown constructions of the church architecture, about which there was no any mention in the literature.

From October, 12 to November, 5 in 1981 the expedition to Chimkent oblast for gathering of information on the Code to identify unaccounted architectural monuments was carried out. It was consisted of two groups, Chimkent-Sairam and Poleyaya. Participants of the first group worked at the Public Archive of Chimkent oblast, Oblast

182 Смаилов Н. О Своде памятников истории и культуры народов СССР // Памятники истории и культуры Казахстана, – Алма-Ата: Казахстан, 1986. – Вып.2. – С.115.

82. Медресе Баба-Ата. Конец XIX – нач. XX вв. Фрагмент дворового фасада. Фото Б.А. Байтанаева. 1987 г.
Baba-Ata medrese. End of 19th – beginning of 20th centuries. Fragment of yard facade. Photo by B.A. Baitanayev. 1987.

83. Медресе Баба-Ата. Конец XIX – нач. XX вв. Фрагмент полуразрушенного наружного фасада. Фото Б.А. Байтанаева. 1987 г.
Baba-Ata medrese. End of 19th – beginning of 20th centuries. Fragment of dilapidated outer facade. Photo by B.A. Baitanayev. 1987.

84. Медресе Баба-Ата. Конец XIX – нач. XX вв. Общий вид. Фото А.П. Рассказова. 1981 г.

Baba-Ata medrese. End of 19th – beginning of 20th centuries. General view. Photo by A.P. Rasskazov. 1981.

Library, Bureau of Technical Inventory, “Yuzhgorselproject” Institute. They registered 38 monuments, made their measurement drawings, photo fixation, and mappings. The second group worked in Algabas, Bugun, and Suzak regions of Chimkent oblast. It worked closely with local ethnographers, who indicated positions of unknown monuments. There was found 60 monuments of architecture and monumental art. Scientific passports, including definition, short description, photos of facades, plans and layouts, registration cards were made for each monument.¹⁸³ The collected material formed the basis of the architectural section of the Code on Chimkent oblast.

However, the most difficult here was to write articles on the Code of Monuments of architecture. In comparison with its archeological part, written by the leading archeologists of Kazakhstan at the highest professional level, some of the articles on architecture looked poor. It happened due to the unstudied material (except for the monuments of Turkestan, having their own histories of the study by that time) and lack of qualified architectural historians that was one of the main reasons for delay in publishing the Code on

183 Асылбеков М. О Своде памятников истории и культуры Казахстана // Памятники истории и культуры Казахстана. – Алма-Ата: Онер, 1984. – С.81.

85. Баба-Ата. Остатки портала мавзолея Дадхи. Вторая пол. XIX в. Фото Б.А. Байтанаева. 1987 г.
 Baba-Ata. Traces of Dadkhi mausoleum entrance. Second half of 19th century. Photo by B.A. Baitanayev. 1987.

Chimkent oblast. On the 4th of June, 1982, general committee of Kazakh SSR Academy of Science, staff of the Ministry of Cultural Affairs, and Goskomizdat of Kazakh SSR adopted joint special resolution on the implementation of policy organs' decisions on publication of the Code. The IHAE of Kazakh SSR Academy of Science was assigned to prepare the archeological part of the Code, "Kazprojektrestavratsiya" Institute of the Ministry of Cultural Affairs of Kazakh SSR was assigned to prepare the architectural part of the Code.¹⁸⁴ The following qualified architects and art historians such as I.M. Baitenov, T.D. Dzhanyzbekov, G.M. Kamalova, E.G. Malinovskaya, N.N. Mukhamedieva, A.N. Proskurin, N.I. Sinenkaya, E.K. Khorosh, and others, were involved to prepare the architectural part of the Code. There were made historical-archival and historical-bibliographical researches in archives and libraries of Moscow, Leningrad, Tashkent, Alma-Ata, Orenburg, Tomsk, after which the shortcomings in the architectural part of the first volume of the Code had been resolved.

Kazakh Society began its activity for protection of cultural heritage (KSPCH), established in 1972, simultaneously with formation, to the middle of 1980's, unified government institution for solution of questions related to the publication of the Code of

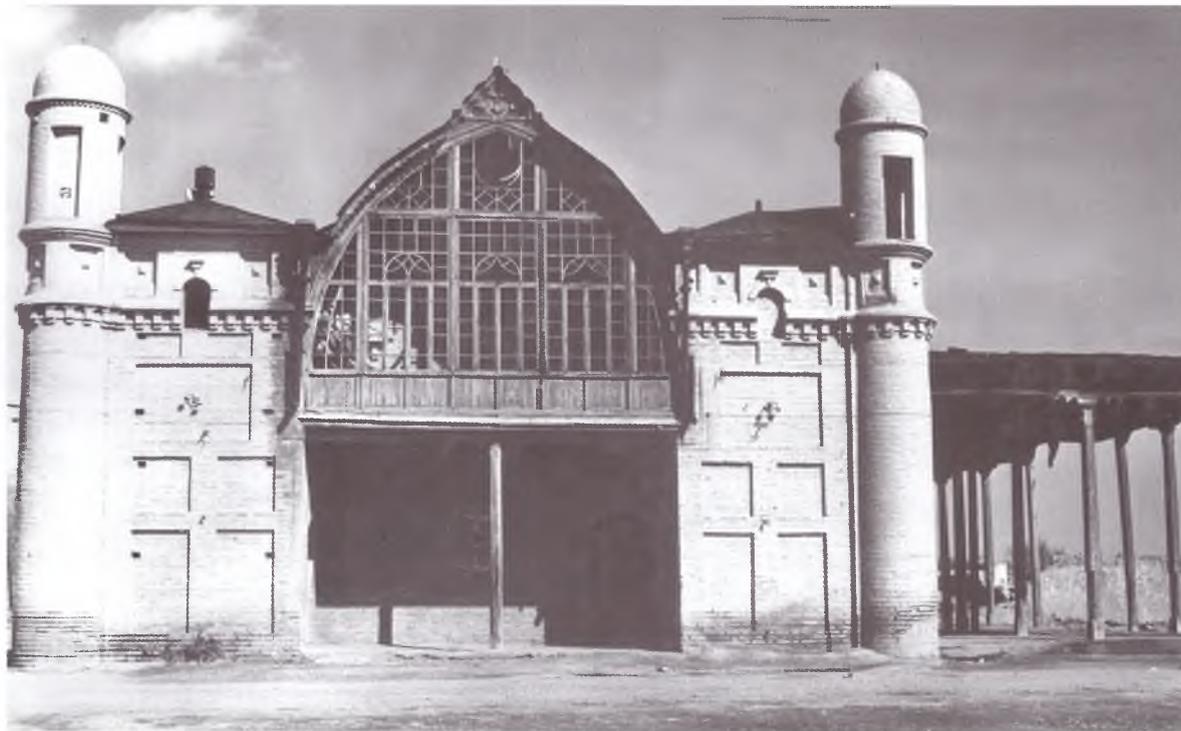
¹⁸⁴ Смаилов Н. О Своде памятников истории и культуры народов СССР... С.115.

Monuments. Section of history, archeology, and architecture under the chairmanship of leading archeologist of the Republic K.A. Akishev was opened in 1980 in the Main board of KSPCH.¹⁸⁵ The Main board of KSPCH allocated funds for expeditions of the IHAЕ of Kazakh SSR Academy of Sciences and carried out independent researches.

The KSPCH was more a public organization, having para-public character. Chairmen of oblast, city, and district executive committees of Soviets of People's Deputies were constantly elected according to their ranks by chairmen of oblast and city councils of National Trusts. There was its own positive moment in this, because administrative resource was at disposal of local authority leaders. And they could use this resource for solution of real practical issues in the study and preservation of monuments by taking the initiative and independence. One of the examples of such projects was photographic album dedicated to the monuments of Chimkent oblast and prepared by Chimkent Oblast Council of KSPCH. Its appearance was possible due to the investigations carried out during certification of the architectural monuments of South Kazakhstan. Compilers of the album possessed with a minimum of information about newly discovered architectural constructions; mainly their whereabouts became known. For the rest, it was independent project. The initiative for production of the album belonged to Chimkent oblast executive committee. Direct execution was entrusted to the Oblast Council of KSPCH. The compilers of the album were of the Oblast Council of KSPCH M.S. Seisenbayev (he was also the author of the short introductory article), oblast architect V.A. Lebedev, vice-director of the Oblast culture department V.I. Malyuchenko. The photos were made by photographer of the Oblast council of National Trust A.F. Rasskazov. The photographer on his trips to the oblast was accompanied by inspectors of the Oblast Council of KSPCH A.N. Grishchenko and A.S. Mirzabayev familiar with the archeological and architectural monuments. The oldest painter of Chimkent M.S. Baraisov was engaged in the album design. D.B. Bopova, vice-chairman of Chimkent oblast executive committee, directly supervised the project. By 1982, the album was made in three copies.¹⁸⁶ One copy of the album was presented to Chimkent Oblast Committee of Kazakhstan Communist Party, the second was presented to the Oblast executive committee, and the third one remained deposited in the Oblast Council of KSPCH. After the Oblast council of National Trust had finished its activity in the first half of 1990's, the album found its way in "Ordabasy" reserve museum, from where in 2008 it was given to SKOM, where it is kept unregistered in the Section of archeology.

185 Завгородний А. Материал есть! Необходима его популяризация // Памятники истории и культуры Казахстана. – Алма-Ата: Казахстан, 1986. – Вып.2. – С.105.

186 Information on the date of issue, number of copies, photofixation of monuments was obtained from A.N. Grishchenko, who had been working as a head of SRD for protection of monuments at oblast museum in 1982 – 1993.

86. Сузак. Мечеть Ногай-Ишан. Нач. XX в. Главный фасад. Фото А.П. Рассказова. 1981 г.
Suzak, Nogai-Ishan mosque. Beginning of 20th century. Front facade. Photo by A.P. Rasskazov. 1981.

Although the album had been produced typographically, strictly speaking it is not the publication. It consists of square sheets from thin dark gray cards of large size, arranged horizontally. The black-and-white ferrotypes of the architectural monuments made from different points, their fragments and décor details were stuck on the cards. The photos of different sizes and proportions, arranged with captions printed typographically and stuck (as well as the introductory text of the article) on the cards. The album cover consists of two binding panels from board, covered by red board paper. Name “The Monuments of Architecture” is cut in one line on the front page of the cover.

Some limitations were initially laid in the exclusiveness of this semi-crude album. Meant for internal use, it remained unknown even to the specialists.¹⁸⁷

Though, after the Code of Monuments of History and Culture, this is the second valuable visual source on the history of church architecture, which appearance was

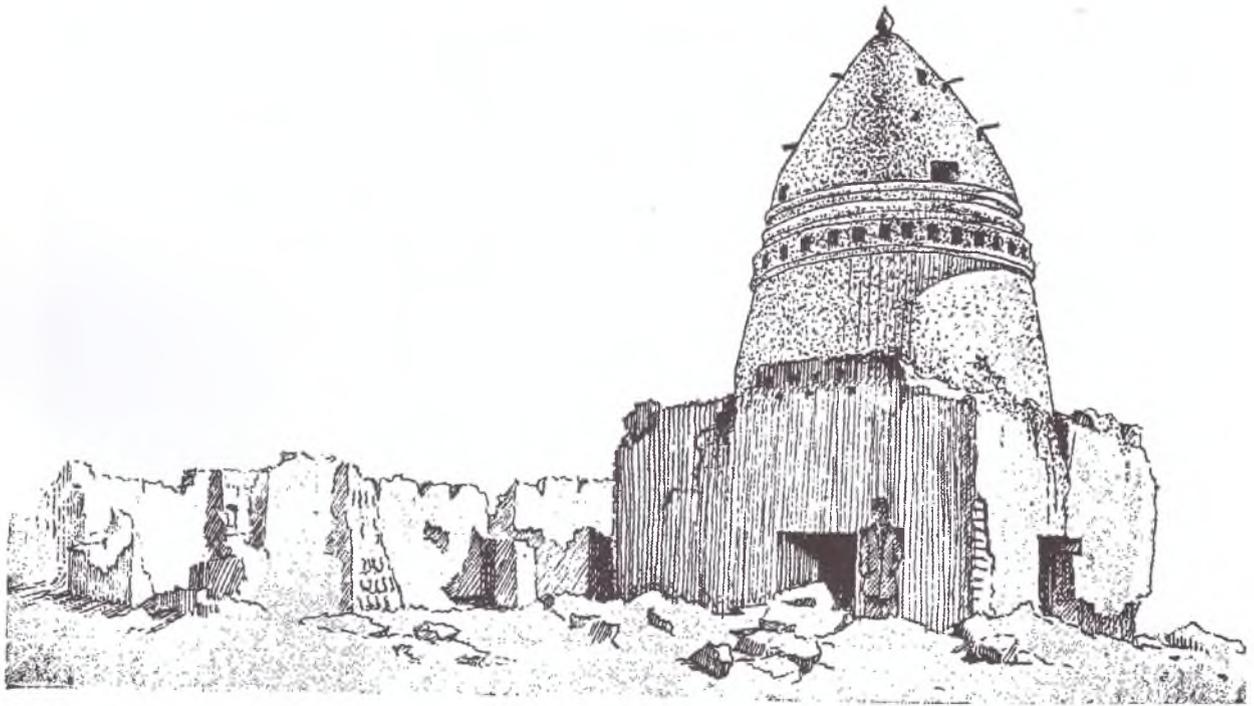
187 Straight away after presentation of the album in the museum, Kazakh chemical-technological institute, worked pro bono, made its copy. As photos for this copy were made from the ready photo prints, but not from the negatives of A.F. Rasskazov, quality of the photos were low in comparison with originals. This almost the single example of presentation of the album “to the public”.

87. Сузак. Мечеть Ногай-Ишан. Нач. XX в. Вид с юго-востока. Фото А.П. Рассказова. 1981 г.

Suzak. Nogai-Ishan mosque. Beginning of 20th century. View from south-east. Photo by A.P. Rasskazov. 1981.

very timely. After more than thirty years, its value has only increased. We described “Chimkent Album” in detail because it serves as an important iconographic document for the history of architecture. In 1981, the monuments were fixed in the condition requiring their restoration and repair, but at the same time they looked as close as possible to their original appearance, or to the type they had in the beginning, in the middle of XX century. The inexorable passage of time, natural destructions and light repairs made by local people hadn't distorted their original architectural idea. After 1991, many of the mosques became functional; the other church buildings fell under the auspices of local authorities and clergy. Since that time they became the subject of the claims of various local clans and bargaining, because as “working” they began to bring some income. All forces were spent to expansion of these buildings and improvement of their abuttals. The last twenty years, there are continuous reconstructions, repairs, improvements, etc. changing skin of the monuments, at that so “venturous” and radical that destroys architectural-constructive scheme of some constructions, ignoring venerable (including canonized by Islam), logically regulated system of Central Asian architecture. In such circumstances, there is no physical possibility to look after the

88. Сузак. Мавзолей Кулак-Ата (?). XIX в. Рисунок 1946 г.
Suzak. Mausoleum of Kulak-Ata (?). 19th century. Picture of 1946.

rapidly changing appearance of the monuments. Atheistic vandalism of 1920 – 1930's seems to have a much lesser evil compared to the current "care" about the monuments of church architecture; then there were mostly destroyed dirt-cheap buildings, but not the foundations of medieval architecture. In such situations, few people are already interested in the history and the original appearance of monuments. The concept "monument of architecture" was being emasculated, and with it, the long-term work of archaeologists, architectural historians and restorers was finally being depreciated.

Restoration of the monuments of architecture without preserving their identity loses its significance. It is often observed substitution of missing parts of constructions by forms and materials which have never existed, not only in the given building, but also never met in the architecture of the region in the Middle Ages. Unfortunately, during restoration of some of architectural constructions, market conditions prevailed, but not the problems of restoring their original appearance. A good example in this regard is restoration of Khoja-Salikh mausoleum in Sairam.¹⁸⁸

188 Its corrupted name, Khodja-Talig, was approved in the literature.

Khoja-Salikh mausoleum refers to the type of centric single-chamber mausoleum. It rose to the four- arch chortaks disclosed on four sides. These could be mosques-kiosks and small mausoleums. Khoja-Salikh mausoleum was also positioned by four almost identical facades with pointed arches on the cardinal points. There was square door way in the western facade. Low-lying window apertures with wood gratings-pandjaras were arranged in the rest fornications. The fornications in the west and south facades were included in the U-shaped frames and architecturally designed, unlike the other two, not having any decor. Strict cubic building of the mausoleum had pretty strange cover, cylindrical cubic capacity, called "turret", "dome", "exhaust system", was erected on the low-pitched spheroid dome. There were no such covers and brick constructions in the region.

In 1983, "Kazprojektrestavratsiya" Institute developed project for restoration of Khoja-Salikh mausoleum. By 1991, the monument was partially restored (or rather, reconditioned) by the forces of Chimkent restoration workshop.

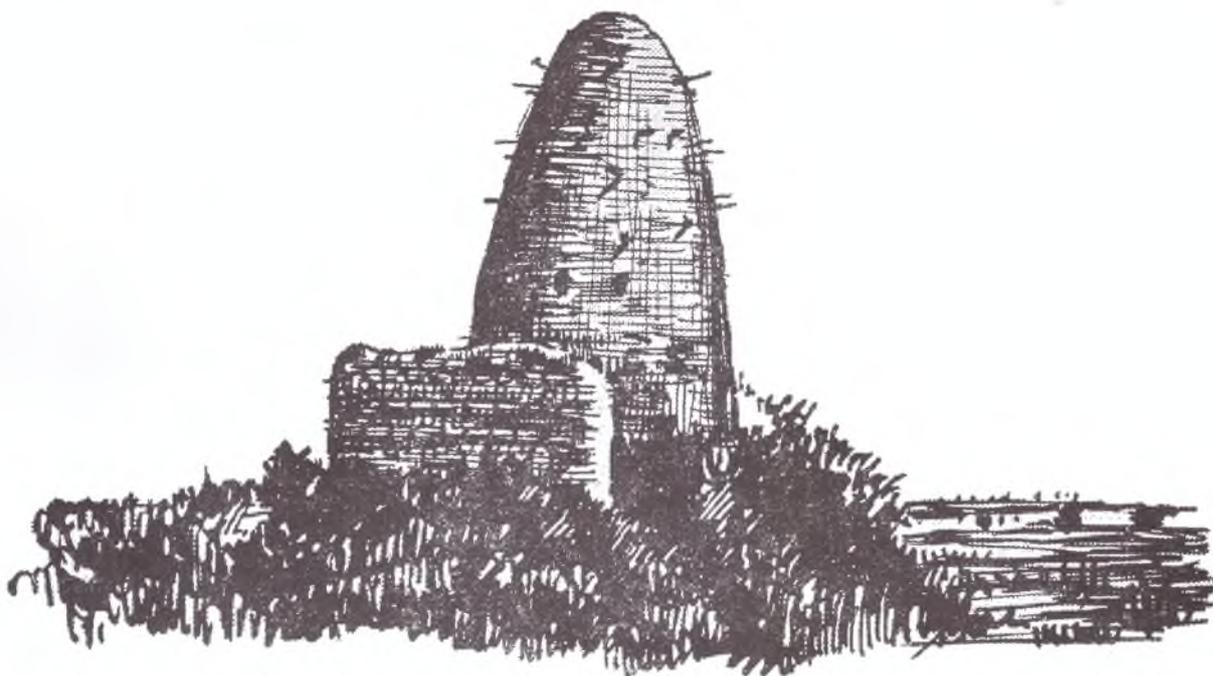
These works fixed state of the mausoleum of 1963 – 1983's, recorded in the measurement drawings. There were no any historical-architectural and iconographic data for restoration of the décor, practically completely lost to the beginning of 1960's, and of the original covers. Conservation of the monument in the beginning of 1990's was the best option, as inclination of supporting walls to the outside continued to increase. The further works could only harm.

In the second half of 1990's, in the funds of SKOM, we found old flavescent unregistered photo without any captions, having 10.7 x 7.2 cm size. The most of its upper left corner was cut off, but not lost. Also, there was increased photographic reproduction made from folded parts of the picture. The photo shows architectural construction, which had cubic capacity, with pointed arches on the facades, cov-

89. Сузак. Мавзолей Кулак-Ата (?). XIX в. Фото 1946 г.

Suzak. Mausoleum of Kulak-Ata (?). 19th century. Photo of 1946.

90. Сузак. Мавзолей. XIX в. Фото 1946 г. Из книги Т.К. Басенова «Архитектурные памятники в районе Сам». Suzak. Mausoleum. 19th century. Photo of 1946. From the book of T.K. Basenov «Architectural monuments in the region of Sam».

ered by spherangular dome on the cylindrical drum. Cubage similar to the lanterns of cylindrical minarets is seen on the dome. The minaret, settled on the dome or roof of the building, is often met in the church architecture of the Central Asia and South Kazakhstan of the XVIII – XIX centuries.

During detailed examination it turned out that *res nullius*,¹⁸⁹ recently there were many such things in the SKOM, is a photo of Khoja-Salikh mausoleum. The old-timers of Sairam confirmed that the monument looked like that before 1928, and then there had begun expulsion of the clergy from Sairam and the dome of Khoja-Salikh had been destroyed. The low-pitched dome of the building at the beginning was inner shell of double dome. Preliminary analysis of geometric constructions according to the measurement drawings of 1963's and 1983's led to the graphic reconstruction, fully aligned with the found image.

Probably, preserved building of Khoja-Salikh mausoleum was constructed in the second half of XIX century. Some eclecticism generally characteristic for the late church architecture of the region was shown in installation of the minaret on

189 *Res nullius* – nobody's property (Latin).

91. Сузак. Мавзолей Азир-Ата. XIX в. Фото А.П. Рассказова. 1981 г.
Suzak. Mausoleum of Azir-Ata. 19th century. Photo by A.P. Rasskazov. 1981.

the dome, rather mechanistic process. But, it happened historically. Much more eclecticism was shown in “restorations” of the mausoleum, followed in the second half of 2000’s. Initially it was covered by metal dome and roof, nowadays used by ordinary mosques. Then there was a project of “restoration” using massive dome, faced with polychrome majolica tiles, reclining on the external square of the walls. However, the weak dome structures and walls giving inclination could not sustain such pressure. As a result, the “exhaust system” on the inner dome was turned into a small faceted drum with spherangular air dome. It was decided to install decorative turrets on the corners which never existed here before. There was no place for such turret on the south-west corner of the mausoleum, where two identical facades neighbored on. Without hesitation, something like remote cornice was invented for it. Without any support, it “hanged” in the air.

Instead of being closer to the original source, throwing back to the architecture of previous epochs, the quasi-restorers went the way of “composition” of forms and details never existed in the reality. As a result, now Khoja-Salikh, more than any other of Sairam mausoleums, differs from the “primary source”, dropping out

from their stylistic range. The result was not even a remake, but a kind of fantasy on the theme of “One Thousand and One Nights”. It is out of the question on scientific restoration.

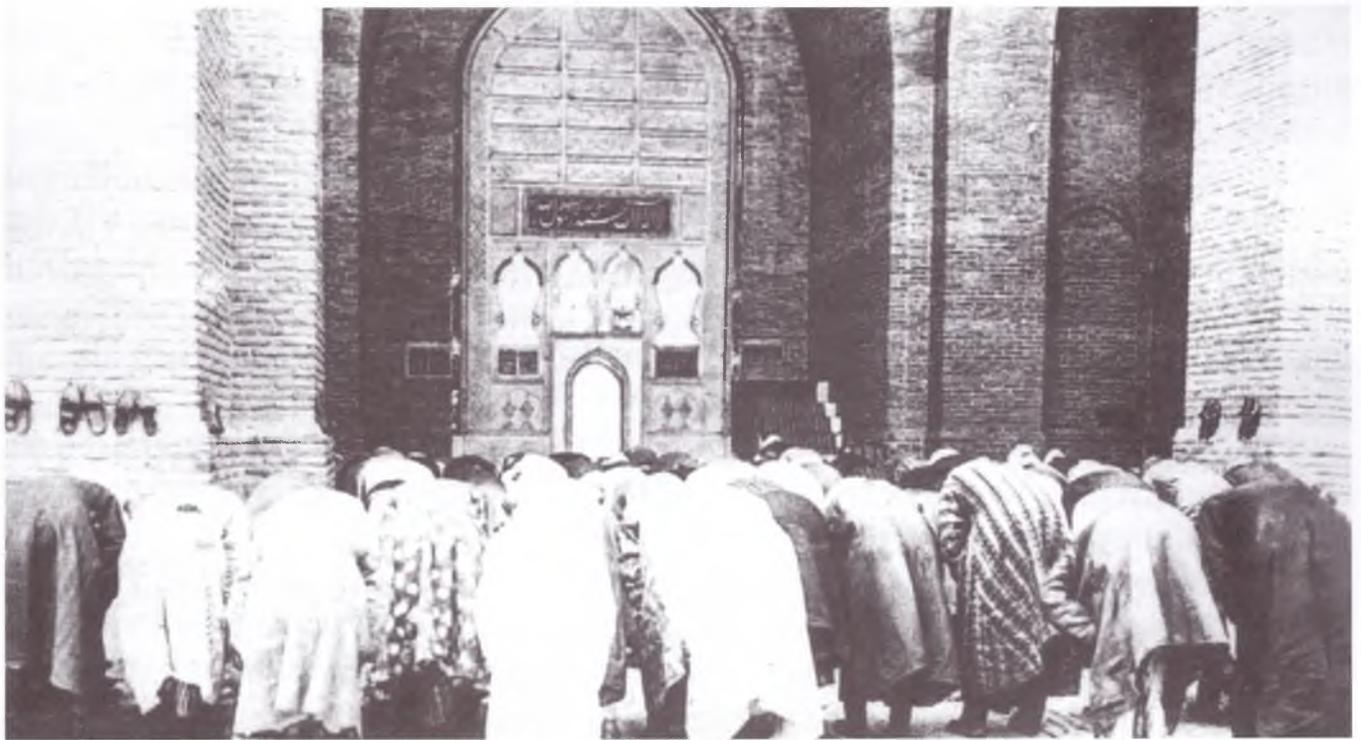
And it is not the only example of unceremonious treatment with the heritage of church architecture. On Suzak necropoleis, where local original features in the architecture are mostly appreciable, the archaic raw mausoleums were simply replaced with modern constructions. As a result, ethnographic content of the church architecture and related aura of authenticity have disappeared.

By the period of the beginning of 1990’s we finish this historiographical digression. Probably, the changes in the church architecture that followed after the reforms in the country will herald a new phase in the development of Islamic architecture. A new page in the history of church architecture in Kazakhstan is forming. On the other hand, the widespread replacement of analog photo by digital one will also impact on the reflection and perception of the architectural heritage in a new way.

ON THE HOLY SITES

By the way of muslim pilgrims

In a set of cult buildings the memorial constructions - mausoleums are especially relevant. The development of a cult sacred in Islam, imposed on ancient reverence of spirits of ancestors, especially strong among Kazakhs, was a fertile field for this kind of architecture.

The mausoleums of South Kazakhstan region can be divided into some groups according to its sacred character or the place it occupy in religious beliefs of the population. First of all the sacred mausoleums concern early Islam in the south of Kazakhstan, built above the tombs of the first missionaries preaching Islam on the territory. These are mausoleums-mosques such as the Baba-Ata in Suzak region and Arystan-Bab under Otyrar, Sairam mausoleums Abdel-Aziz-Bab, Mir-Ali-Bab, Padshakh-Malik, etc. There are a lot of mausoleums in the region, concerning sufi tradition in Islam. One example is certainly Khoja Akhmed Yassawi's mausoleum, the mausoleum of Kara-Bura (Bura-khan), who was the co-worker of the founder of Karakhanid dynasties of Karakhan, in Suzak region, and also the mausole-

um of Imam-Markoz (Margizi) in Shabanak village of Turkestan region, etc. The Mausoleums were erected, as a rule, as portal-dome constructions which were traditional for Central Asia where the institutes of Islam were stronger. The mausoleums of saints of separate districts, where professional works (especially cattle breeding), had connection with cults of the nature as, for example, mausoleums of Koshkar-Ata in Shymkent (not extant) and Turbat village, were built in more original, archaic forms. The mausoleums of the ancestors of Kazakh tribes Baidybek-Ata and Domalak-Ana are especially relevant in this regard. There are also mausoleums constructed above burial places of real historical figures (Rabi, and Sultan-Begim, Esim-khan, Khadzhi-Mukan, etc.).

The name and the life of Khoja Akhmed Yassawi defines one more circle of monuments which includes the mausoleums of his mother Karashash-Ana and father Ibragim-Ata and others, close to this saint.

For convenience of the review of this extensive material it is useful to take the way of the pilgrim striding on worship to the tomb of Khoja Akhmed Yassawi, passing other monuments as well. By tradition the ceremony of worship should start with visiting the tombs of his parents in Sairam (ancient Ispidzhab), in the city which was known in the Middle East as large trading, economic, cultural and religious center in the time when Yassawi was alive.

Among six Sairam mausoleums which have reached our time, the mausoleum of Karashash-Ana is especially esteemed. According to the legend, Karashash-Ana was Khodja Akhmed Yassawi's mother, the mother of the well-known poet, the philosopher and the preacher, whose life, activity and sanctity became legendary.¹ According to one of the genealogies he probably was a descendant of saint Iskhak-Baba.² But legends say that Khoja Akhmed was born in Sairam in the family of truck farmer (or the sheikh) Ibragim-Ata and spent his childhood there.³ Except the mausoleum of Karashash-Ana in Sairam, there is also a mausoleum of his father, Ibragim-Ata. There were also, but it is no more extant, the tombs of Khoja Akhmed's sons – Lyatif-Ata and Mustafa-Kuli-Ata.⁴

Khoja Akhmed Yassawi's name is glorified in the East, the grandiose memorial complex in Turkestan (Jasah), built under Timur's order, is also well-known. The aura of sanctity, which lit up this magnificent mausoleum, was distributed to modest late Sairam monuments. That's why the mausoleum of Karashash-Ana has

1 Беркинбаев Е., Мирхалдаров М. Святых в Сайраме бесчисленно...: (Книга-альбом). – Алматы: Онер, 2000. – С. 21.

2 Массон М.Е. Мавзолей Ходжа Ахмеда Ясеви. – Ташкент: Типо-лит. №2 Узполиграфтреста, 1930. – С.3 (прим.).

3 Кер-Оглы Х.Г. Узбекская литература. – М.: Высш. шк., 1968. – С. 29.

4 Массон М.Е. Мавзолей Ходжа Ахмеда Ясеви... С. 3 (прим).

an extraordinary popularity. The mausoleum is situated in the center of Sairam, nearby to the crossing its two main trunks, on the territory of an old cemetery. The southern facade of it faces the former medieval street, and the others - the cemetery. Obviously, the first building of it has not survived as well as the second one. However, there are data that the mausoleum of Karashah-Ana was reconstructed in the second half of 1860's, after the connection of South Kazakhstan to Russian empire, under the initiative of the Russian colonial authorities, who were interested in the strengthening of Islam as one of the forcer to extend its influence in those areas. We shall consider that in 12th century after the death of Karashah-Ana or a little bit later, the memorial construction or memorial mosque had been erected. Between this construction and the mausoleum of 19th, probably, there was an intermediate construction.

The preserved building belongs to the widespread type of the small portal-dome mausoleums in the Central Asia and Kazakhstan. Cubic volume, at a square tomb in the plan, acting portals, sphero-conal dome, lifted on a high cylindrical drum, lancet arches in portals and an interior – a set of forms that became canonical.

The feature of this monument, as well as mausoleum of Ibragim-Ata, repeating the described scheme, makes a little bit unusual angular arrangement of two identical portals according to size and composition. It is necessary to search for an explanation of this feature in the history of cult architecture of the Central Asia and Kazakhstan and in funeral rituals which maybe did not reach us.

Beginning the review of the cult (church) architecture of South Kazakhstan with two-portal mausoleums of Sairam, we purposely depart from description form of material presentation concerning these monuments. Dealing with a problem on the memorial architecture of Sairam in a conceptual relation, we set a significant mission to show deep continuance of the cult (church) architecture of late Middle Ages with architectural traditions of Central Asia of precedent epochs. Compositional features of two-portal mausoleums of Sairam expose genetic relation with early constructions not only on the level of compositional-planning searches, not only on the line of forming and development of dome constructions, but also as religious, cultural, ideological ideas and perceptions of Muslim Middle Ages. Simple architectural volumes of ascetical small constructions almost without any decoration, as were the most of the monuments of the cult (church) architecture of 19th century, carry the whole complex of problems going beyond formally architectural searches, as it turns out during the detailed examina-

92. Сузак. Мавзолей Аже-Ата. XIXв. Фото А.П. Рассказова. 1981 г.
Suzak. Mausoleum of Azhe-Ata. 19th century. Photo by A.P. Rasskazov. 1981.

tion. Therefore, we consider it possible to revise the value of the mausoleums of the middle – the second half of 19th century, extant in the center of Ispidzhab-Sairam settlement, whose historical and architectural significance was not admitted by everyone in a view of its late construction.⁵ A reason for this can be an assumption that these monuments have genetic relation with its earlier cult (church) constructions of 11th – 13th centuries. Among them, the mausoleums of Karashash-Ana, Ibragim-Ata have common characteristic, angular placement of two identical portals. Not extant mausoleum of Padshakh-Malik-Baba, fixed by M.E. Masson in the form of outline plan, also was two-portal.⁶ Neighboring southern and western facades were distinguished by décor in mausoleum of Khoja-Salikh with square design and similar arches in all facades. These mausoleums were sequentially oriented on perception from two sides, at their location according to cardinal points, the attention was paid to the southern and western

5 Басенов Т.К. Архитектура Казахстана VII – XII веков // Маргулан А., Басенов Т., Мендикулов М. Архитектура Казахстана. – Алма-Ата: Казгосиздат 1959. – С.90.

6 Массон М.Е. Старый Сайрам // Известия Средазкомстариса. – Ташкент, 1928. – Вып. 3. – С.25.

93. Сузак. Мавзолей Казанши-Ата. XIX в. Общий вид. Фото А.П. Рассказова. 1981 г.
Suzak. Mausoleum of Kazanshi-Ata. 19th century. General view. Photo by A.P. Rasskazov. 1981.

facades (portals). The architecture of mausoleums is strictly traditional, staying within usual standard of late cult (church) architecture. As planning and architectural factors could not influence the location of two similar facades (the mausoleums are separate buildings, not connected with surrounding construction), there is nothing to do but relate structural features of two-portal mausoleums with their sacral content, with characteristics of functional order.

As the reference in the written sources and legends, and historical and archeological significance of the settlement itself refer the origin of the mausoleums to 12th – 13th centuries, though it is reasonable to search for their analogues in this period of Central Asian history of architecture.

Origin of two-portal mausoleum as an element in evolution of single-compartment mausoleums from centric type to portal-dome (as it was considered) is excluded, as centric and portal-dome types were developed in parallel.⁷ Attempts of A.M. Pribytkovskaya definitely connect addition of centric mausoleums, in

⁷ Пугаченкова Г.А. Мавзолей Араб-Ата: (Из истории архитектуры Мавераннахра IX –X вв.). – Ташкент, 1962. – С.81. (ИЗУ, Вып. II).

94. Сузак. Мавзолей Казанши-Ата. XIX в. Фото А.П. Рассказова. 1981 г.
Suzak. Mausoleum of Kazanishi-Ata. 19th century. Photo by A.P. Rasskazov. 1981.

particular mausoleum of Samanids in Bukhara (the end of 9th century), and mosques-kiosks with influence of Samanid and Khorosan chortaks (four-arcuate dome kiosks disclosed on four sides), raise doubts.⁸

In Mawarannahr, chortaks or atashkeds were not extant neither as mosques, nor as mausoleums of 9th – 10th centuries,⁹ while in South Turkmenistan, where cult of fire in pre-Islamic belief was developed and widespread, their presence are not excluded. Composition of mausoleums with two corner portals can be and should be understood in connection with centric mausoleum genesis problem, but not only with one of the aspects of this problem. It is possible to understand their structural features only by considering both of them in a wide cultural-historical context.

Based on the above stated, we could not propose mausoleum of Khoja-Salikh as an intermediate link in composition of two-portal mausoleums Karashash-Ana, Ibragim-

8 Прибыткова А.М. Связи с Ираном и местные черты в архитектуре Средней Азии: (Домонгольский период) // АН. – 1982. – №30. – С.143; the same author: Строительная культура Средней Азии в IX – XII вв. – М.: Стройиздат, 1973. – С.60.

9 Пугаченкова Г.А. Архитектурный генезис мавзолея саманидов // ОНУз. – 1962. – №2. – С.48 – 49.

Ata, Padshakh-Malik-Baba, as we tried to do it earlier.¹⁰ Centric origin is clearly expressed in the first monument, in the square plan it has four portal-developed facades with identical lancet arches on axes. Identical, low-lying embrasures are trembled in their gable walls. One of them, the western one, serves as an entrance, three others are fitted by wooden grates (pandjaras). The southern and western facades are accentuated by more detailed design of forms, and décor. This construction is closer to the centric types of mausoleums, which classic sample is mausoleum of Samanids in Bukhara. However, three other mausoleums could not be qualified as a rudimental form of the last one, they are portal-dome buildings, where two identical neighboring portals overtopping it, adjoining from south and west to the main prism.

Before construction of Severny and Yuzhny mausoleums (1186 – 1187), Sredny mausoleum in Uzgent¹¹ had similar composition with two equivalent portal-developed facades (southern and western also). We consider it as the most acceptable analogue to Sairam monument, than the mausoleum of Samanids in Bukhara of the end of 9th century, belonging to another epoch, according to genesis of which there is no agreement in opinion.¹² Furthermore, Sredny mausoleum in Uzgent was constructed in the beginning or in the middle of 12th century,¹³ but not at the end or in the middle of 10th century, as it was considered earlier,¹⁴ i.e. it originated in the development course of monumental architecture of Karakhanid epoch; the legend also refers the origin of described mausoleums in Sairam to the same time. Definite trend, which most likely has Turk roots, as Turkic ethnos with military and economic migration are put into the forefront beginning from the early Middle Ages in this region, is traced in the composition of Uzgent and Sairam mausoleums.¹⁵

Single spatial idea forms the basis of both Uzgent and Sairam monuments. Only functional need connected with memory and worship to revered graves could call it into being. After L.Yu. Mankovskaya, supposed that Sredny mausoleum in Uzgent could be commemorative mosque-ziarat-khana, which opened entrance to necropo-

10 Ёлгин Ю.А. К генезису двухпортальных мавзолеев Сайрама // Маргулановские чтения. – Алма-Ата, 1989. – С.317 – 319.

11 Крюков К.С. Реконструкция Среднего Узгентского мавзолея // АН. – 1967. – № 16. – С.158, Рис.3.

12 Булатов М.С. Мавзолей саманидов – жемчужина архитектуры Средней Азии. – Ташкент: Изд-во литер. и искусства, 1978. – С.17.

13 Горячева В.Д., Заурова Е.З. Изучение узгенских мавзолеев // Страницы истории и материальной культуры Киргизстана: (досоветский период). – Фрунзе: Илим, 1973. – С.143 – 147.

14 Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. – М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – С.260 (Материалы по истории археологии СССР, №26).

15 Андрианов Б.В. Этническая история и хозяйственно-культурное развитие древних и средневековых народов Средней Азии и Казахстана // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. – М., 1991. – Вып. III: Этнография. – С.9.

95. Кумкент. Мавзолей Баба-Тукты-Шашты-Азиз. Конец XIX – нач. XX вв. Фото 1970-х гг. (?).

Kumkent. Mausoleum of Baba-Tukty-Shashty-Aziz. End of 19th – beginning of 20th centuries.

lis in the open air and later became the mausoleum,¹⁶ we, by parity of reasoning, carried these conclusions on the considered Sairam monuments, on the assumptions of the following: 1) judging by substituted data, original buildings of mausoleums in Sairam were built at the same period of time as Uzgent mausoleum; 2) they are typologically identical; 3) they are located at cemeteries; 4) they are identically oriented. This initial type in view of vitality of traditions and famous conservatism of Middle Asian architecture was repeated in the latest buildings.¹⁷ But nowadays we think it possible to reconsider thesis on regression of original function of memorial mosque and its conversion into mausoleum at preserving its previous structure, without denying hypothesis that Uzgent monument is one of the possible prototypes of two-portal mausoleums in Sairam.

It is incomprehensible that memorial mosques should have two entrances (or entrance and exit), located so uncharacteristically. Later, L.Yu. Mankovskaya connected “knee” move with

¹⁶ Маньковская Л.Ю. Типологические основы зодчества Средней Азии: (IX – начало XX в.). – Ташкент: Фан, 1980. – С.106.

¹⁷ Ёлгин Ю.А. К генезису двухпортальных мавзолеев Сайрама ... С. 317 –319.

96. Кумкент Мавзолей Баба-Тукты-Шашты-Азиз. Конец XIX – нав. XX вв. Боковой фасад. Фото 1970-х гг. (?).
Kumkent. Mausoleum of Baba-Tukty-Shashty-Aziz. End of 19th – beginning of 20th centuries. Flank facade.

formation of khazir, one of the types of burial complexes.¹⁸ Exit “at right angle” in such complexes, according to L.Yu. Mankovskaya, was dictated by rite of worship and memory (ziara). Architecturally it was designed in the form of entrance dome premise (darvazakhana), and it is true that entrance through this premise not directly to burial grounds, but at an angle happen to be. Such constructions, according to L.Yu. Mankovskaya, could combine functions of both front door into a complex, and memorial mosque.¹⁹ However khazir is primarily hatched area, where burying in the open air prevails. Such complex also includes a number of premises of different assignment.²⁰ Were there such developed complexes in Uzgent or at the place of Sairam mausoleum? During addition of Severny and Yuzhny mausoleums, Sredny mausoleum in Uzgent had already been destroyed. According to N.M. Bachinsky it was built on wasteland of shakhristan,

18 Маньковская Л.Ю. Хазира – комплексы Средней Азии // Культурные связи народов Средней Азии и Кавказа: (древность и средневековье). – М., 1990. – С.119 – 124.

19 Маньковская Л.Ю. Типологические основы зодчества Средней Азии... С.106

20 Некрасова Е., Бабаджанов Б. Хазира // Ислам на территории бывшей Российской империи: Энциклопедический словарь. – М.: Изд. фирма «Восточная литер.» РАН, 1999. – Вып.2. – С.94.

97. Тасты. Остатки мавзолея. XIX в. Фото А.П. Рассказова. 1981 г.
Tasty. Traces of mausoleum. 19th century. Photo by A.P. Rasskazov. 1981.

later turned into cemetery.²¹ Two-portal mausoleums of Sairam are also located on cemeteries appeared in the line of shakhristan or rabads, but question on presence of developed burial complexes, where they could play a role of front doors, is not yet proved archeologically. Opinion that Sredny mausoleum in Uzgent “framed” entrance to family cemetery, offered by B.N. Zasyplin (by this he explained presence of two decorated facades), and accepted by L.Yu. Mankovskaya, was admitted as unsound. Probably, it is not a single wrong of A.M. Pribytkova, who espoused idea for prototype of centric mausoleums in the form of chortaks, considered that originally Sredny mausoleum had four, but not two, entrances; northern and eastern were laid in ancient times to the half of walls thickness, and became inner niches, however without explaining any reasons. V.D. Goryacheva explained this as catastrophe during facing of the building an earthquake, which waves were directed to southern-western direction.²² However, let’s notice, at the rate, why this direction had been repeated in other monument in other regions?

21 Горячева В.Д. Средневековые городские центры и архитектурные ансамбли Киргизии: (Бурана, Узген, Сафид-Булан). – Фрунзе: Илим, 1983. – С.73.

22 The same. С.81.

98. Жуантобе. Руины мавзолея. XIX в. Фото А.П. Рассказова. 1981 г.
Zhuantobe. Ruins of mausoleum. 19th century. Photo by A.P. Rasskazov. 1981.

A point of change of mosque with two perpendicular apertures, if hypothesis of L.Yu. Mankovskaya is right, probably, should be perceived in a change of the second (southern) door aperture by token window, low-lying, fitted by pandjara (in Uzgent this façade is closed by addition of Yuzhny mausoleum). However, similar apertures often connect gurkhana and ziarat-khana in multi-compartment complexes of both late period, and early monuments as, for example, in mausoleum of Kusama ibn Abbass (9th century) in Shakh i Zinda ensemble in Samarkand.²³ Already in 11th – 12th centuries there was formed the type of mausoleum with family vault, connected by low-lying arch aperture with grate, with the other premise assigned for obit. Arch niches with trellised apertures were also laid in outer walls of some mausoleums. Their presence in single-compartment early mausoleums would also be characteristic. Apparently, at that time it was required by the rite of memory and worship specified inasmuch as to have local features that influenced on the structure of memorial construction.

23 Немцева Н.Б., Шваб Ю.З. Ансамбль Шах-и Зинда: Историко-архитектурный очерк. – Ташкент: Изд-во литер. и искусства, 1979. – С.38 – 40.

99. Шаян. Мечеть-медресе Аппак-Ишан. Вторая пол. XIX – нач. XX вв. Общий вид мечети. Фото А.П. Рассказова. 1981 г.
Shayan. Appak-Ishan mosque-medrese. Second half of 19th – beginning of 20th centuries. General view of the mosque. Photo by A.P. Rasskazov. 1981.

Consequently, space of gurkhana was separated from the outside world and at the same time kept sacral connection with it.

Considered mausoleums are stand-alone buildings, until recent times not connected with surrounding development anyway (neighboring mosques and ancillary facilities were built in 1990's and architecturally do not associate with existing monuments). Any architectural object is not imagined without space wraparound it and, anyhow, comes into dialogue with the environment. This is the axiom. But space, in its turn, among other entities of architecture (weight, pace, texture, outline, etc.) possess properties to inherit pathetic content-richness.²⁴ Even if this space is not packed by material, visual objects, though anyway it, first of all, inevitably "organized" by the object under consideration according to the laws of architectonics, and secondly, packed with something unreal; in this case it is "sacred". This argument is buttressed by the fact that city of Sairam (Ispidzhab) had its own, specific spiritual aura, considering as

²⁴ Ястребова Н.А. Пространственно-тектонические основы архитектурной образности // Ритм, пространство и время в литературе и искусстве. – Л.,: Наука, 1974. – С.227 – 228.

100. Шаян. Мечеть-медресе Аппак-Ишан. Вторая пол. XIX – нач. XX вв. Дарсхана. Фото А.П. Рассказова. 1981 г
 Shayan. Appak-Ishan mosque-medrese. Second half of 19th – beginning of 20th centuries. Darskhana. Photo by A.P. Rasskazov. 1981.

a “saint” city in Muslim East. Its “specificity” is concluded in semantics of “Ispidzhab-Sairam” placename toponym.²⁵

To make holy grave visible for worshippers and at the same time serve as “a barrier” for profane could be considered as a main assignment of the second trellised aperture. In this connection we see interesting thought of B.T. Tuyakbayeva and A.N. Proskurin on the northern portal of Khoja Akhmed Yassawi mausoleum in Turkestan (1389 – 1399) as an outside ziarat-khانا.²⁶ Having an aperture with door panel in gable wall, this portal, as is known, had never been used as an entrance. Therefore, its function was of alternate purpose, dictated by ritual. As regards to the second portal of single-compartment mausoleum, not developed into multi-functional memorial complex, this thought will sound more convincing.

Formation of ziara rite, having features of pre-Islamic beliefs, especially cult of ancestors, as insistently mentioned by lexical items “baba”, “ana”, “ata” in the names of

25 Байтанаев Б.А. Вопросы локализации Будухкета // Вестник Международного Казахско-турецкого университета им. Х. А. Ясави. – 2002. – №1. – С.44.

26 Туякбаева Б., Прокурин А. Мировоззренческие основы функционально-планировочной структуры ханаки Ахмеда Ясави // Памятники истории и культуры Казахстана. – Алма-Ата: Казахстан, 1989. – Вып.4. – С.109.

101. Шаян. Мечеть-медресе Аппак-Ишан. Вторая пол. XIX – нач. XX вв. Айван мечети. Вид до реставрации. Фото А.П. Рассказова. 1981 г.

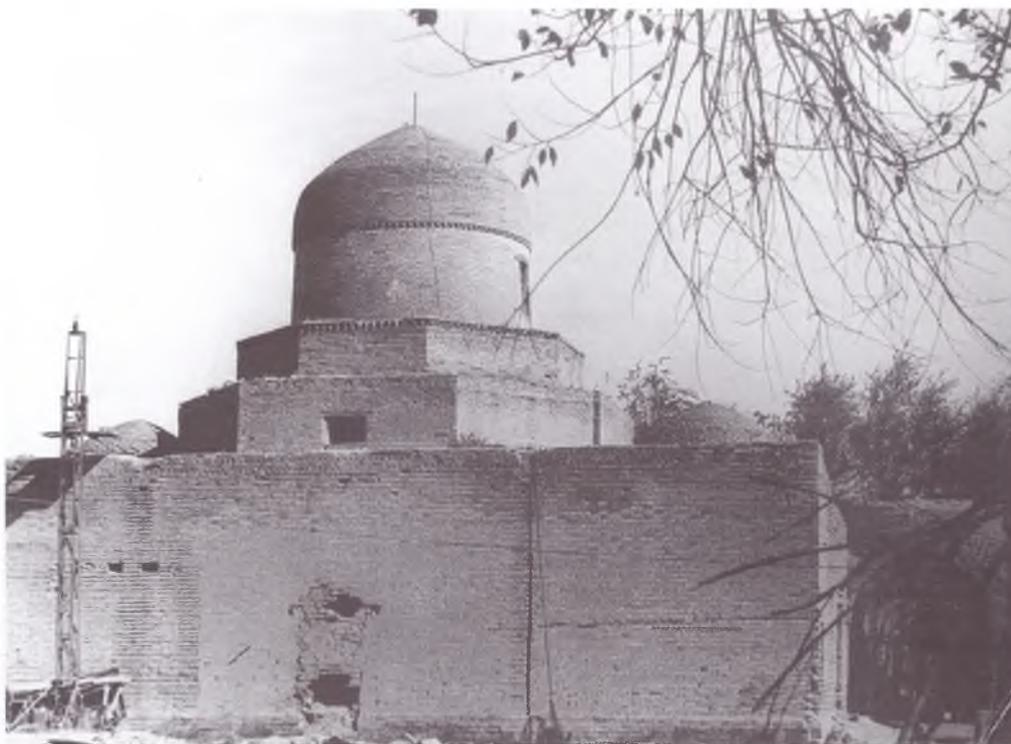
Shayan. Appak-Ishan mosque-medrese. Second half of 19th – beginning of 20th centuries. Iwan of the mosque. View before restoration. Photo by A.P. Rasskazov. 1981.

Sairam monuments, being, in particular, terms of cognation, accompanied to erection of the first mausoleums in Mawarannahr. Pre-Islamic Turk component of the cult of ancestors and some other relics of pre-Islamic beliefs coupled with dogmata of Islam formed the basis of ziara rite, which is multifarious in form.²⁷ The monuments under consideration are connected with Sufi tradition, rooted to Karakhanid epoch. But their characteristics, probably, also touched other architectural constructions, related to Koran and Bible personages.²⁸ The same, to our opinion, is mentioned above mausoleum of Khoja-Talig (Khoja-Salikh in more orthographic transcription). According to verbal legends and some “hagiographies”, Khoja-Salikh, probably, was a father of Khazret Khyzyr,²⁹ considered as one of the antediluvial prophets, related to pre-Islamic history.

27 Резван Е.А. Зийара // Ислам: Энциклопедический словарь. – М., 1991. – С.77.

28 Байтанаев Б.А., Ёлгин Ю.А. О библейских и мусульманских хагионимах старого Сайрама // Археологические исследования в Казахстане: Труды научно-практической конференции «Маргулановские чтения-14». – Шымкент-Алматы, 2002. – С.227 – 231.

29 Беркинбаев Е., Мирхалдаров М. Святых в Сайраме бессчётно... С.39.

102. Шаян. Мечеть-медресе Аппак-Ишан. Вторая пол. XIX нач. XX вв. Западный фасад мечети. Фото А.П. Рассказова. 1981 г.
Shayan. Appak-Ishan mosque-medrese. Second half of 19th – beginning of 20th centuries. West facade of the mosque. Photo by A.P. Rasskazov. 1981.

Khyzyr is not called by the name in Koran, but Salikh is Alcoranic personage. Both hagionyms are present in Alcoranic legends and reflected in Bible tradition.

In 2004, in protective zone of this mausoleum, in two meters from its eastern façade, there was put excavation (more detailed and close to the monument works were delayed because of apprehension caused by strong inclination of walls to the outside). The excavation had sizes 2 x 2 m and with depth up to 1,20 m. Semi-meter surface of sad compacted soil including fragments of burnt brick and pieces of medieval ceramics was laid under close ten centimeter cespitose layer in it. Broken hum, probably laid on the level of the first construction surface floor was found in southern-eastern corner of the excavation in the described layer. Further there was clean inland loess.

There were not found any late medieval materials in the excavation. There were also not found traces of constructions which could be preliminary to the extant building, while legends mention about its repeated restoration and reconstructions.

103. Шаян. Мавзолей Безымянный. Конец XIX в. Фото А.П. Рассказова. 1981 г.
Shayan. Bezymyannyi (nameless) mausoleum. End of 19th century. Photo by A.P. Rasskazov. 1981.

Fragments of jars, boilers and humchi are dated within 10th – 12th centuries. They have analogues in materials of Otyrar, Shash, Taraz, Afrasiab, etc.

However, this is not true for found glazed ceramics and fragments of bronze lamp. We found analogues to plate with drawing glazed ornament among materials of Samarkand Sogd. These are more early samples of ceramics related to the second half of 9th – 10th centuries. Bronze lamps were found among materials of Taraz of 9th – 10th centuries and Semirechye of 11th – 13th centuries. Though the issue on existence of earlier cult (church) construction at the place of mausoleum of Khoja-Salikh remains open, received data show that the legend not unreasonably refers its origin to Karakhanid epoch (as well as the other mentioned mausoleums). The described excavation is hardly the first example of archeological research in Sairam of so late monument. Such works called to prove or disprove constructions based on not archeological data. All materials obtained during research of the settlement are dated by 10th – 11th or 11th – 12th centuries, that allows refer origin of the city to Samanid period. Exactly in this period started to spread Sufism and to develop cult of

saints,³⁰ and as a consequence of this, intensive building of mausoleums, which idea in principle contradicted to establishment of orthodox Islam. Sufism to a large extent became that ground, where the features of Sairam mausoleums were formed.

Not changing of the initial function at invariance of the structure (change of mosque into mausoleum, however it could happen earlier, for example with mausoleum of Khoja-Salikh), but functional factor, in our opinion, influenced on the structure of two-portal mausoleums of Sairam. The laws of formation came into effect. The rite dictated position of two portals nearby at right angle. A method of contrast construction was excluded as within one standard architectural-planning stage “square of plan – dome – portal” neighboring of two distinct portals would destroy principles of central-axial symmetry and broke rhythm while doubling of one and the same form (a method of nuance)³¹ lead to the monumentalization of small volume, and in a result to the well-known intensification of architectural image.

All interpretation aspects of composition of two-portal mausoleums of Sairam are not completed by the above mentioned. Syncretism of religious ideas, forming the source of their composition is evident and requires consideration not only in architectural studies but also on the worldview level.

The outstanding place in Sairam is occupied by the tombs of the first Islamic missionaries in the south of Kazakhstan. It includes the mausoleum of Mir-Ali-Bab and remains of the mausoleum of his father Padshakh-Malik, which are in the western part of the village, in an old cemetery, near to the mausoleum of Karashash-Ana.

It is considered that Mir-Ali-Bab and Padshakh-Malik are historical persons. Mir-Ali-Bab lived at the end of 11th and beginning of 12th centuries. He had a personal correspondence with Yusuf Khamadani (1048/49 – 1140), one of the main leaders of Islam in the Central Asia. Taking into account his religious merits, it is pertinent to assume that the mausoleum above the tomb of Mir-Ali-Bab was already built in 12th century. The preserved building, at first sight, belongs to the habitual type of the small single-chamber portal-dome mausoleum. But in relation to the traditional space-planning, which has circulation in an infinite set of variants, we see a certain innovation, such as the device jenny arches instead of canonical lancet. Influence of Russian civil and cult architecture has also left a sign, from the moment when it began to penetrate into local architecture. Especially it is felt in a portal of this mausoleum, where the jenny arch is removed. By contrast with simple smooth

30 Немцева Н.Б. Ханака Сайф ад-Дина Бахарзи в Бухаре: (К истории архитектурного комплекса). – Бухара, 2003. – С.43.

31 Кринский В.Ф., Ламцов И.В., Туркус М.Л. Элементы архитектурно-пространственной композиции. – М.: Изд-во литер. по строительству, 1968. – С.22.

104. Аккойлы. Мечеть Ишан-Базар. Конец XIX – нач. XX вв. Фото нач. 1980-х гг.

Akkoily. Ishan-Bazar mosque. End of 19th – beginning of 20th centuries. Photo of the beginning of 1980's.

walls, it is generously decorated with the figured bricklaying rather far from usual eastern motives. Decorative belts and eaves, false frontispieces, under the form reminding kokoshniks, so-called “sukhariki”, going man way, are borrowed from architecture of Russian eclecticism of the second half of 19th century. It renewed portal and made it gaily decorated in comparison with severe ascetism of the late mausoleums of South Kazakhstan.

Dated by the beginning of 20th century, the mausoleum of Mir-Ali-Bab among Sairam mausoleums is the youngest monument. But its origin also goes deep into the centuries. Behind an existing building, the remains of the mausoleum of Padshakh-Malik-Baba are extant. It was possibly constructed in 15th century. It was also two-portal.

A monument of early Islam in the south of Kazakhstan is also another Sairam mausoleum, Abdel-Aziz-Bab. It is situated in northern part of Sairam, on the fenced cemetery. Its name represents the Kazakh variant of the Arabian name Abd al-Aziz.

105. Аккойлы. Мечеть Ишан-Базар. Конец XIX – нач. XX вв. Фрагмент подкупольных конструкций. Фото А.Н. Грищенко. 1981 г.

Akkoily. Ishan-Bazar mosque. End of 19th – beginning of 20th centuries. Fragment of dome constructions. Photo by A.N. Grishchenko. 1981.

This name was widely spread among Muslim clergy. The word “bab, baba” in Arabic means “the confessor, the instructor”.³²

Undoubtedly, one of the first and deserved Muslim preachers on the territory of South Kazakhstan could have such name. He was given the rank of shahid (“the victim for belief”). People named this mausoleum also as “Belya-Gerdan” (“the Trouble averting”).³³ The Biography of Sairam Abd al-Aziz is resulted in the late anonymous composition Risalya, which is supposedly the original history of Sairam. Risalya refers him to a number of the first followers of Prophet Mukhammad. The saint died in the war with Disbelievers, preaching Islam.³⁴ The oral legend tells that Abd al-Aziz lived 300 years before Khoja Akhmed Yassawi, and in historical time coincides

32 Гафуров А. Имя и история: Об именах арабов, персов, таджиков и тюрков. Словарь. – М.: Наука, ГРВЛ, 1987. – С. 19, 35 – 37, 116.

33 Массон М.Е. Старый Сайрам... С.26.

34 Иванов П.П. Сайрам: Историко-археологический очерк // Сборник Туркестанского Восточного института в честь профессора А.Э. Шмидта. --Ташкент, 1923. -- С.53.

106. Узунагаш. Мавзолей. XIX в. Фото А.П. Рассказов. 1981 г.
Uzunagash. Mausoleum. 19th century. Photo by A.P. Rasskazov. 1981.

with the attempts of Islamic missionaries to spread Islam on the territory of South Kazakhstan.

The history of the building of this mausoleum has some reflection in *Risalya*.³⁵ It is mentioned here, that in 14th century Abd al-Aziz's mausoleum, which was situated above the tomb collapsed, Timur's commander Nauryz-Barakhan built a new building, and its entrance was from the south. In due course time it has come to ruin, and at the end of 1860's the modern building of the mausoleum³⁶ was constructed. This is a portal-dome construction, but in comparison with other Sairam mausoleums, which are single-chamber, the mausoleum of Abd al-Aziz consists of three rooms extended on the front, where the central one is bigger in size, and topped with sphero-conal dome on a

35 Passages from "*Risalya*", and then the composition itself have been recently translated into Russian according to the copy of handwriting kept in the Institute of oriental studies of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan. – See: *Трактат о Сайраме / Перевод с чагатайского, предисл. и примеч. Ж.М. Тулибаевой.* – Астана: Изд-во Национального центра археологии и источниковедения, 2007. – 60 с.; Тулибаева Ж.М. *Трактат о святых Мадинат ал-Байда и Испиджабе* /// *Вестник КазНУ: Сер. историческая.* – 2003. – №3 (30). – С.8 – 16; the same author. *Неизвестный источник по истории Сайрама* // *Вестник КазНУ: Сер. востоковедения.* – 2002. – №4 (21). – С.39 – 42.

36 Иванов П.П. *Сайрам: Историко-археологический очерк...* С.53.

high cylindrical drum. Special expressiveness to the mausoleum is given with a harmonious portal with the lancet arch decorated with a plaster modeled decoration.³⁷

Except the above mentioned, a number of other monuments of cult architecture was preserved in Sairam, such as the mausoleum of a local kaziya, who lived in 18th century and translated Koran into Turkic language, and a minaret of 18th – 19th centuries and an underground cell for quadragesimal fasting in the mosque of prophet Khyzyr,³⁸ not extant to nowadays. In the museum of Sairam history, the well-known stone column with the mysterious letters is exposed – which was originally in the main Sairam mosque and contains the name of Idris-Paigambar, i.e. the seventh antediluvian prophet Enoch who was, according to legends, the founder of Sairam.

Sacred Arystan-Bab (Arslan-Bab) was much probably a legendary person. Legends say that he was Mukhammad's companion. He was a hero (Batyр) and simultaneously a gardener who taught the prophet to plant gardens. According to one legend he lived 300 years, to another 600 years or even 900. The reason, according to the Bible, he had a long life because he did not find the worthy successor to transfer him amanat (creed). Legends call him the teacher and spiritual instructor of Khoja Akhmed Yassawi. When dying, Arystan-Bab transferred him amanat, consisting in a nucleus of a date-plum.³⁹ That is why, there is a tradition to pay the tribute to the memory of Arystan-Bab on the way to Khoja Akhmed Yassawi mausoleum.

According to legends, Arystan-Bab died and was buried in vicinities of Otyrar in 12th century. Probably, his mausoleum was built at that time, but we have no any authentic data on it. In the opinion of some researchers, it probably underwent the evolution similar to Sairam mausoleums.⁴⁰ In 14th century under Timur's order the new construction was erected on the place of a destroyed building. But it also is not extant any more. Preserved building was constructed in the first decade of 20th century.⁴¹ It

37 Ёлгин Ю.А. Мавзолей Абдель-Азиз-Баб: (К историко-архитектурному анализу) // Ата-Мұра: Сборник статей, посвященный 75-летию Южно-Казахстанского областного историко-краеведческого музея. – Шымкент, 1995. – С.118 – 124; the same author. Мавзолей Абдель-Азиз-Баб в Сайраме: (Историко-геометрические этюды) // Казахстан и Евразия сквозь века: История, археология, культурное наследие: Сборник науч. трудов, посвящ. 70-лет. со дня рождения акад. Национальной Академии наук Республики Казахстан Карла Молдахметовича Байпакова. – Алматы, 2010. – С.366 – 373.

38 Байтанаев Б.А., Богомолов Г.И., Ергешбаев А. Мечеть Хызыр-Пайгамбар в селе Сайрам // ИНАН РК: Сер. общественных наук. – 2008. – №1. – С.129 – 140.

39 Черкасов А. Поездка на развалины Отрара // ПТКЛА. – 1903. – Вып.VIII. – С.72.

40 The archeological studies carried out in gurkhana of the complex didn't find remains of the original monumental building. At the beginning, apparently, there was common cemeterial structure like sagana. – See: Акымбек С.Ш. Мавзолей Арыстан-Баб в свете новых данных // ИНАН РК: Сер. общественных наук. – 2009. – №1. – С.87 – 92.

41 Ёлгин Ю.А. Изучение мавзолея - мечети Арыстан-Баб в последние годы // ИМНАН РК: Сер. общественных наук. – 1998. – №1. – С.42 – 47.

107. Турбат. Культурный комплекс Исмаил-Ата. XV – XIX вв. Дарваза-хана. Фото А.П. Рассказова. 1981 г.
 Turbat. Ismail-Ata cult complex. 15th – 19th centuries. Darvaza-khana. Photo by A.P. Rasskazov. 1981.

is a two-piece complex – a two-chambered tomb (gurkhana) and memorial mosques, incorporated by big vaulted corridor. Gurkhana is blocked by two identical high spherico-conal domes. The huge gravestone of Arystan-Bab is in its first room, while the gravestones of his pupils and followers Khermet-Azyr, Karga-Bab, Lashyn-Bab⁴² are placed in the second room. The extended main facade is outflanked with two minarets and also is decorated with a figured bricklaying. The portal is the most expressive element in the architecture of the mausoleum-mosque of Arystan-Bab. But it is not a habitual Central Asian portal (peshtak) with an arch niche in rectangular frame, since it is made of decorative elements borrowed from European and Russian architecture of 19th century.⁴³ Obviously, new trends have not completely bypassed the Muslim sa-

42 Константинова В.В. Некоторые архитектурные памятники по среднему течению реки Сыр-Дарьи // ИАН КазССР: Сер. архитектурная. – 1950. – Вып.2. – №80.– С.59.

43 Late researches of this monument were generalized by M.B. Kozha and A.Sh. Akymbek. – Кожа М.Б., Акымбек А.Ш. Мавзолей-мечеть Арыстан-Баба // Свод памятников истории и культуры Южно-Казахстанской области: Отрарский район. – Алматы: Баур, 2007. – С.319 – 323; there was also given new estimation to architectural style. – Ёлгин Ю.А. Об архитектуре мавзолея-мечети Арыстан-Баб // ИНАН РК: Сер. общественных наук. – 2012. – №3. – С.147 – 162.

cred mausoleum.⁴⁴ The pair carved wooden columns, which the researchers carry to the second period of construction of this mausoleum (14th – 15th centuries), are still extant.⁴⁵

From the walls of this mausoleum, from ruins of ancient Otyrar, the way conducts a true Moslem to the city of Turkestan, where the Muslim relic and a masterpiece of architecture, Khoja Akhmed Yassawi's mausoleum is situated.

Akhmed Yassawi (1103 – 1166) has a very high place in Muslim devotion and not without reason the pilgrimage to his burial place, as it is considered, can replace a visit to Mecca. National love is even higher gratitude to his sanctity, wisdom and refusal of worldly temptations. He is the author of philosophical-poetic divan Hikmet⁴⁶ written in Turkic language, and the founder of Sufi "Yassawiya" order. He chose a place of the Yassi (the early name of Turkestan) for his homiletic activity, whence his surname "Yassawi" originated.⁴⁷ Here he died and was buried. His tomb became a place of pilgrimage early in 12th century, and at the end of 14th century, after the erection of a grandiose memorial complex under the order of emir Timur, it became one of the main monuments of Muslim East.

An extensive literature⁴⁸ is devoted to Yassawi's life, poetry, mystical-religious doctrine and also to his remarkable mausoleum. But we can stop only briefly on it, just to say that its mausoleum is the most significant monument in the historical medieval architecture of Kazakhstan. At the same time it takes an exclusive place in the history of architecture of all Middle East of 15th – beginning the 20th centuries, since only in this building the achievements of Middle Eastern architecture of 9th – 14th centuries have merged together. At the same time there are almost all the innovations, which will develop in Timur's smart

44 Исабаев Г.А. Трансформация «кирпичного» стиля и модерна в некоторых памятниках мемориального и культового зодчества Южного Казахстана // ИАН КазССР: Сер. общественных наук. – 1990. – №4. – С.43.

45 Воронина В.Л. Черты архитектурного ордера на территории Казахстана // АН. – 1979. – №27. – С.171 – 179; the same autor. Колонны из Отрара // Древности Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1975. – С.70.

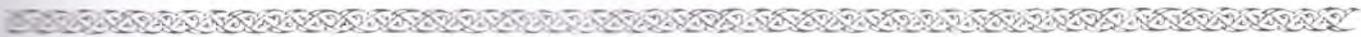
46 Divan – in the literature of Near and Middle East it is a collection of compositions of one author or a group, having one and the same feature.

47 Тримингэм Дж.С. Суфийские ордены в исламе. – М.: Наука, ГРВЛ, 1989. – С.54, 57 – 59.

48 A vast literature is devoted to the works of Khoja Akhmed Yassawi, his theological and philosophical views, his place in the Turk-Muslim world. Many scientists from Europe, USA, Russia, and Uzbekistan wrote about him. Theologians, philologists, Orientalists from Turkey greatly contributed in the study of his heritage. (See: Тайфун Атмажа. Библиография [О Ходже Ахмеде Ясави] // Туркестанский пир Ходжа Ахмед Ясави и его мавзолей. – Анкара, [1999]. – С.99 – 113). At that, the most architectural monument in this list has insignificant place. For the last two decades there was made too much for the study of Yassawi's heritage and his ideology in Kazakhstan. The most perfectly, to our opinion, it was reflected in the study of А.П. Абуов, Doctor of Philosophy, Professor of Kh.A. Yassawi International Kazakh-Turkish University. – See: Абуов А.П. Мировоззрение Ходжи Ахмеда Ясави и его место в истории казахской философии: Автореферат дис. ... д-ра философии. – Алматы, 1997. – 33 с.

Турбат. Культовый комплекс Исмаил-Ата. XV- XIX вв. Мавзолей Исмаил-Ата. Фото А.П. Рассказова. 1981 г.
. Turbat. Ismail-Ata cult complex. 15th – 19th centuries. Mausoleum of Ismail-Ata. Photo by A.P. Rasskazov. 1981

Турбат. Мавзолей Исмаил-Ата. XV– XIX вв. После реставрации. Фото Б.А. Байтанава. 1990 г.
Turbat. Ismail-Ata cult complex. 15th – 19th centuries. After restoration. Photo by B.A. Baitanayev. 1990.

108. Турбат. Культурный комплекс Исмаил-Ата. Чилля-хана. XV – XIX вв. Фото А.П. Рассказова. 1981 г.
Turbat. Ismail-Ata cult complex. Chillya-khana. 15th – 19th centuries. Photo by A.P. Rasskazov. 1981.

style, in monumental architecture of the epoch of Timurids, and in Bukhara architecture of 16th – 19th centuries.⁴⁹

Earlier it was argued that Khoja Akhmed Yassawi's mausoleum was built in 1397 – 1399.⁵⁰ But researches of the last decades have put forward a new theory of its origin, periodization of construction and architectural building of the monument.

After death his tomb was built as a small mausoleum of Karakhanid type. As the place was much esteemed, near it there were a number of the constructions connected to the cult of Khoja Akhmed. In 1389 – 1399, under Timur's order, the new monumen-

49 Маньковская Л.Ю. К изучению приёмов среднеазиатского зодчества конца XIV в.: (Мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави) // ИЗУ. – 1962. – Вып. II. – С. 110, 119, 141.

50 Массон М.Е. О постройке мавзолея Ходжа Ахмеда Ясеви в городе Туркестане // Известия Среднеазиатского географического общества. – Ташкент, 1929. – Т. XIX. – С. 40. Although doubts concerning this dating were stated by M.E. Masson as early as in the end of 1920's, this doubt is proved to be stable. False dating continued to appear not only in popular science literature, but also in publications of special character. – See, for example: Бакланов Н.Б. Три сооружения Тимура // Труды Всероссийской Академии художеств. – М. – Л.: Искусство, 1947. – Вып. I. – С. 40; Всеобщая история искусств: В 6-ти тт. – М.: Искусство, 1961. – Т. II. – Кн. 2: Искусство средних веков. – С. 80 – 81, etc.

109. Турбат. Культурный комплекс Исмаил-Ата. XV – XIX вв. Чилля-хана (справа) и мавзолей Кошкар-Ата (слева). После реставрации. Фото нач. 2000-х гг.

Turbat. Ismail-Ata cult complex. 15th – 19th centuries. Chillya-khana (to the right) and mausoleum of Koshkar-Ata (to the left). After restoration. Photo of the beginning of 2000's.

tal building uniting former constructions was erected, according to the opinion of modern researchers.⁵¹ So, there was a complex uniting in a strict rectangular of walls over 35 various buildings, to the sizes and to the architecture of rooms. The nucleus of this complex is kazanlyk (which has received its name according to kazan, which was casted from seven alloys of metals by the master from Tavriz Abd al-Aziz and established in the center of a hall⁵²). From the south to kazanlyk the grandiose unfinished portal and from the north a tomb sacred (gurkhana) adjoined. From the east and the west there are big halls adjoined – the Small Ak-Saray, kudukhana, khalimkhana (the kitchen, where the ritual

51 Маньковская Л.Ю. Некоторые археологические наблюдения по реставрации комплекса Ходжи Ахмеда Ясави в г.Туркестане // ИАН КазССР: Сер. истории, археологии и этнографии. – 1960. – Вып.3 (14). – С.66 – 67. Conclusions of M.E. Masson and L.Yu. Mankovskaya on periodization of the mausoleum construction were factographically during late archeological investigations of Kazakh scientists. – See: Смагулов Е.А., Туякбаев М.К Новое в ранней истории некрополя г.Туркестан // ИМНАН РК: Сер. общественных наук.–1998. – №1.–С.25, etc.

52 The boiler itself represents the object of separate study. – See: Иванов А.А О бронзовых изделиях конца XIV в. из мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави // Средняя Азия и её соседи в древности и средневековье: История и культура. – М.: Наука, ГРВЛ, 1981. – С.68 – 84.

food – khalim prepared), kitapkhana (library) and a square in the plan hudjra (the cells for pilgrims). The mosque and the Big Ak-Saray are located on both sides of gurkhana. Four pairs of two-floor corridors divide the building into eight spatial blocks. All parts of the mausoleum are proportional and counterbalanced. Yassawi's mausoleum embodies characteristic features of architecture of the epoch of Timur: the integrated sizes, internal logic and completeness of a composition, and the luxury of decor. In the last complex of art receptions there is wide use of the ground and irrigation brick in processing the big surfaces of walls, domes and drums, a variety of ornaments, and wide application of color. Interior of the mausoleum is a brilliant sample of synthesis of architectural, sculptural forms and the monumental painting, with a complex of subjects of metal furniture.

Meanwhile, Khoja Akhmed Yassawi's mausoleum, as well as all big phenomenons in the global art, generated and will generate a set of hypotheses, assumptions, scientific concepts, all its new sides will come to the light. Thanks to this majestic monument the city of Yassy-Turkestan could be considered as a capital of Kazakh khanate.

Around Khoja Akhmed Yassawi's mausoleum in due time course there was the whole necropolis consisting of mausoleums such as Rabi and the Sultan-Begim (15th century, it is disassembled in the 2nd half of 19th century and restored in 1980's with the help of old photos and descriptions) and Kazakh khan Esim (17th century), the Anonymous and Octahedral (16th century) mausoleums and others, less significant burial places. A number of constructions connected with Sufi rituals and with the cult of Akhmed Yassawi, such, as, chillya-khana (15th century), Khilvat the Big (12th – 19th centuries), the underground mosque Aulie-Kumchik-Ana (12th century), and the eastern bathroom (16th – 19th centuries) are extant. In 19th the juma-mosque was built nearby the mausoleum of Yassawi.

During the last two decades archeologists carried out new researches, which allowed to reconstruct the historical nucleus of Turkestan. On the eve of its 1500-years anniversary the citadel, where the mausoleum of Yassawi is situated has been partially restored, thus returning to a monument scale and enriching its perception, which was destroyed during the excavations of 1950 – 1970.

Turkestan region, as a whole, preserved a number of remarkable constructions displaying architectural quality. Among them the mosque of Shamet-Ishan in Karnak village (19th century),⁵³ constructed following the traditions of Fergana architecture mausoleum Zhunus-Ata in Ikan village (19th – beginning of 20th centuries),⁵⁴ and mausoleum

53 Константинова В.В. Некоторые архитектурные памятники по среднему течению реки Сыр-Дарья ... с. 37 – 54.

54 Ёлгин Ю.А. К вопросу о бухарском влиянии в культовом зодчестве Чимкентской области // Маргулановские чтения: (Тезисы). – Петропавловск, 1992. – С.126 – 128.

110. Турбат. Культурный комплекс Исмаил-Ата. XV – XIX вв. Мавзолей Жабраил-Ата. XIX в. Фото А.П. Рассказова. 1981 г.
 Turbat. Ismail-Ata cult complex. 15th – 19th centuries. Mausoleum of Zhabrail-Ata. 19th century. Photo by A.P. Rasskazov. 1981.

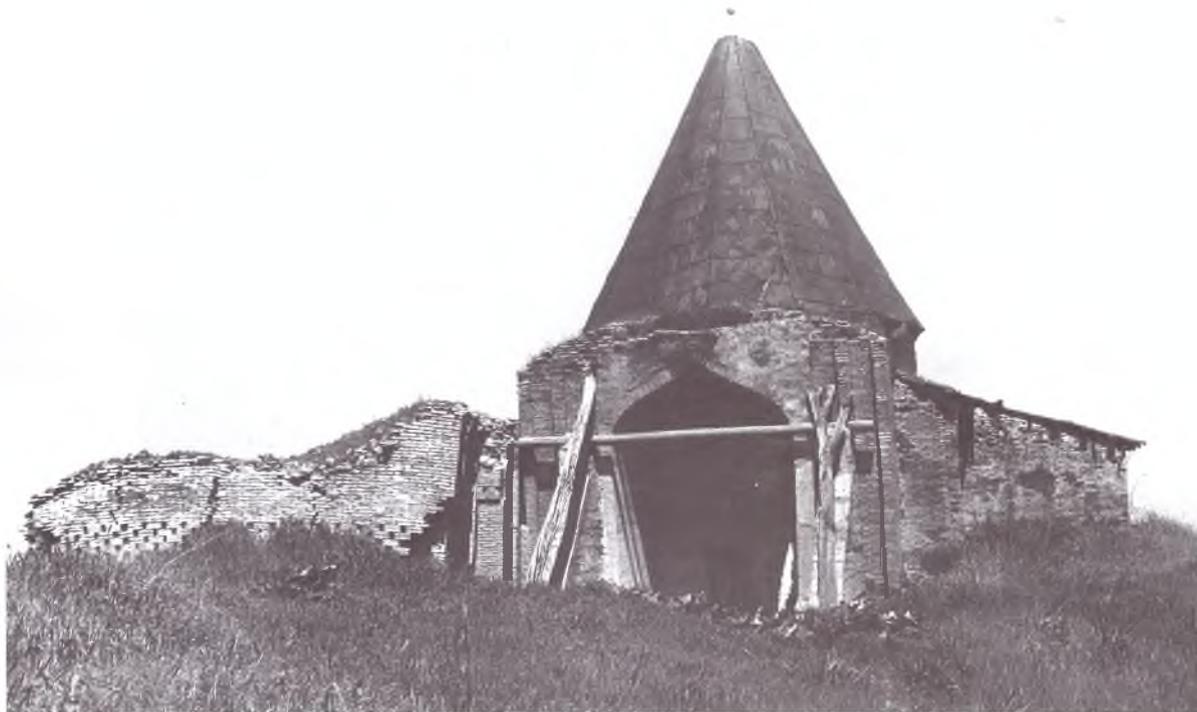
Imam-Markoz have already mentioned, and there is also a minaret in Shabanak village (19th century), etc.

There are also ruins of Sauran city in Turkestan region (13th – 18th centuries). It is known, that Erzen, the son of the governor of Ак-Orда Sasy-buka, owned Sauran and built cult constructions – medrese, khanaki, mosques which not extant anymore.⁵⁵ But in the 2nd half of 1860's it was possible to see the rests of a portal with two minarets. They are known from M.K. Priorov's photo of 1866 placed in "Turkestan Album". But a year later one minaret, and in 1878 the other one had fallen down. So the existence of some kind of architectural unique, so-called "Sauran towers",⁵⁶ had stopped.

This portal was an entrance to medrese, built as per the order of Ubaidulla-khan Sheibanid under the direction of the famous sheikh and the politician Miri-Arab. The me-

55 Сборник источников, относящихся к истории Золотой Орды. – М.- Л.: Изд-во АН СССР, 1941.– Т.2: Извлечения из персидских сочинений, собранных В.С. Тизенгаузеном и обработанных Н.А. Ромаскевичем и С.А. Волиным. – С.129.

56 Пугаченкова Г.А. Сауранские башни //ТСГАУ. – 1954. – Вып.57. – С.161 – 167.

112. Турбат. Культурный комплекс Исхак-Ата XV – XIX вв. Мавзолей Исхак-Ата. Фото А.П. Рассказова. 1981 г.
 Turbat. Iskhak-Ata cult complex. 15th – 19th centuries. Mausoleum of Iskhak-Ata. Photo by A.P. Rasskazov. 1981.

medrese in the center of Bukhara (finished in 1535 – 1536) carries his name, the name of its builder. Sauran medrese was opened in 1514 – 1515. The outstanding poet of 16th century Zainutdin Vasifi was witness of this event. He has left the detailed description of this portal: “On shoulders (kitf) of aivan medrese two high minarets have been arranged. Near the guldast of these minarets the circuit has been adhered, and under each dome (kubba) the log (chub) is attached in such a manner that when somebody with force actuates one of the logs, the circuit twitches also to the one, who is on the opposite minaret and he thinks that the minaret collapses. This is the one of the world’s miracles. Doruga and the organizer of this medrese is vesir Kavam ad-Din Khoja Sultan Ibrahim”.⁵⁷ Thanks to this certificate the focus with “shaking” minarets became known to us.

On open spaces of boundless steppe of northern areas of South Kazakhstan region it is also possible to meet a set of interesting architectural monuments. For example, the mosque Nogai-Ishan, constructed in the beginning of 20th century in the center of Suzak village. It is remarkable for its main facade first of all, in which old portal forms are originally com-

⁵⁷ Болдырев А.Н. Мемуары Зайн ад-Дина Восифи как источник для изучения культурной жизни Средней Азии и Хорасана // ТОВГЭ. – 1940. – Т.II. – С.244.

112. Турбат. Культурный комплекс Исхак-Ата. XV – XIX вв. Мавзолей Безымянный. Фото Б.А. Байтанаева. 1990 г.
Turbat. Iskhak-Ata cult complex. 15th – 19th centuries. Bezymyannyi (nameless) mausoleum. Photo by B.A. Baitanayev. 1990.

bined with two minarets and a loggia of a lancet outline with an openwork wooden lattice and a wreath above an arch. It is a vivid example of connection of traditions and innovations, which have touched cult architecture in Kazakhstan at the end of 19th – beginning of 20th centuries.⁵⁸

Except this mosque in Suzak, a lot of mausoleums from gum-state brick have been built at various times – such as the already mentioned mausoleum of Kara-Bura, the mausoleums of Kazanshi-Ata, Azhe-Ata, Kulak-Ata, etc. These are small single-chamber constructions blocked with false domes. Some researchers connected their modest archaic shape with economic decline connected to dzhungar gains. But some of them were built after these disastrous events – in 19th century. We do not exclude, that their archaism is dictated by features of cult closer to folk beliefs than to official Islam, as ingenuous names of monuments testify.⁵⁹

58 Исабаев Г.А. Трансформация «кирпичного» стиля и модерна... С.42-43; Мендикулов М.М. К характеристике архитектуры Казахстана XIX и начала XX века // В кн.: Маргулан А., Басенов Т., Мендикулов М. Архитектура Казахстана. – Алма-Ата: Казгосиздат, 1959. – С.128 – 129.

59 Рысбергенова К.К. Историко-лингвистический анализ топонимов Южного Казахстана. – Алматы: Ғылым, 2000. – С.89 – 90.

The true and genuine archaism comes from the other monument, Aksumbe tower located in Suzak region in the same district, which is combined from gum-state brick and dated from 13th – 14th centuries. In sources it is mentioned as a watchtower, but it is possible that the tower could have a cult value.⁶⁰

In general, Suzak region is extremely rich with mausoleums. Only in Tasty village in the north of the region more than ten mausoleums have been put on the state account in 1980's. Many of them are very interesting in the architectural attitude and leave an indelible impression, despite of destructions.

There is also a large cult complex Baba-Ata in the same area. Baba-Ata is in a picturesque natural boundary, in the citadel of the same city, which is identified in the scientific literature with the city of Baladzhem, known by the Arabian sources from 10th century.⁶¹ At the beginning it was a monumental building of castle type, combined of gum-state brick on a high platform. The building of the bottom layer is dated 6th – 8th centuries. It was a rectangular construction in the plan, with the big octahedral hall in the plan, the blocked hemispherical dome, staked with four mutually perpendicular buttresses. Square dome rooms adjoined to it are smaller. Alternation of domes and the vaults, removed to the roof, gave big expressiveness to the construction.

This building was opened by excavation of 1957 – 1958's and was reconstructed by archeologist Ye.I. Ageyeva.⁶² But it was so interesting and multiple-valued monument that many attempts in the scientific literature are still made to interpret it.⁶³

Now it became the swollen big hill, but in the beginning it was, according to legends, the dwelling of the well-known arab Skhak-Baba (Iskhak-Baba) nicknamed among people Baba-Ata. One of such legends was described by the pre-revolutionary archeologist Joseph Castagné. It tells that "in the second half of 8th century Syrian Skhak-Baba, at the head of a 150-thousand army, under supervision of 360 Arabian leaders with his brother Abduzhamid, who ruled Yemen, moved to the north. Has passed in battles Bagdad, Isfakhan, Serakhs, Balkh, Bukhara, Shakhriyabz, Samarkand, Uzgent, Kazan and Osh, subdued Fergana, and established there Islam. After that, the army was divided into three parts. Skhak-Baba at the head of the third went to the right coast of Syr-Darya to Shash and Ispidzhab (Sairam). Having grasped Tashkent

60 Башня Ак-Сумбе // Археологическая карта Казахстана: Реестр.- Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1960. – С.226.

61 Байпаков К.М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья: (VI – начало XIII в.). – Алма-Ата: Наука, 1986. – С.72.

62 Агеева Е.И. Памятники средневековья (Раскопки на городище Баба-Ата): Цитадель.// Археологические исследования на северных склонах Каратау. – Алма-Ата, 1962. – С.117 – 225 (ТИИАЭ, Т.14).

63 Байпаков К.М., Шарденова З.Ж. Архитектурный памятник Баба-Ата в Южном Казахстане // Ата-Мұра: Сборник статей, посвящённый 75-летию Южно-Казахстанского областного историко-краеведческого музея. – Шымкент, 1995. – С.115 – 117.

113. Турбат. Мавзолей Абдумалик Хазрат-мулла (учителя Исмаил-Ата) на холме Жазыктобе. Нач. XX в. Фото Б.А. Байтанаева 1990 г.

Turbat. Mausoleum of Abdumalik Khazrat-mulla (teacher of Ismail-Ata) on Zhazyktobe hill. Beginning of 20th century. Photo by B.A. Baitanayev. 1990.

and having put there imam Bekr ad-Din Kafali, he turned towards Sairam, which in that time had around 160 thousand houses and 30 thousand gardens. Sairam fell after 300 days. After that Skhak-Baba directed to Kargalyk, but on his way he came to know that his brother Abdudzhamil was killed under Hodzhend. He turned an army to Hodzhend, attacked it, killed the local tsar Utamysh, and turned to Islam its inhabitants". Further Joseph Castagné writes: "Having felt then need for sincere rest, Skhak-Baba undertook a campaign to Mecca, whence he returned to Sairam and constructed the mosque Dzhumbyr on a sample seen by him in Mecca. Having got tired by fighting life Skhak-Baba devoted the rest of his life to peace works. Having chosen mountains in Karatau, a picturesque beam covered with wood, he constructed to himself the castle on the shore of a light small river and still long reigned there, wisely operating with conquered people".⁶⁴

⁶⁴ Кастанье И.А. Древности Киргизской степи и Оренбургского края. – Оренбург: Типо-лит. Т-ва Каримов, Хусаинов и К, 1910. – С.184 – 185 (Труды Оренбургской архивной ученой комиссии, Вып. XXII).

Probably, in a small measure, this legend follows historical realities. It says that after the death Skhak-Bab has been buried nearby to the palace. There is a mention that the mausoleum has been built above his tomb but it is not extant. Much later, the mausoleum mosque, still existing to nowadays, was constructed. This is rectangular in the plan portal-dome construction (the portal has remained unfinished), consisting of a square in the plan of the extensive mosque blocked by a dome, based on arch sails, and a square in the plan gurkhana, also blocked with sphero-conal dome, and ziarat-khana, adjoining to gurkhana and blocked with box lancet arch. Interiors are decorated with a modeled decor (stalactites in ziarat-khana) and lists (in mosque). The external shape has no ornaments, but nevertheless it makes magnificent impression with its lapidary volumes and the severe plastics of domes based on octahedral drums. This construction is in harmony with the surrounding landscape. This mausoleum mosque was built in the beginning of 20th centuries (more precisely, the date mentioned by Joseph Castagné is 1902), but others referred it to the middle of 19th century also.⁶⁵

Medrese that was constructed in the beginning of 1900's, is included in the structure of the complex. Its basis was made with a number of hudjr (the building for the pupils of medrese), on a court yard facade marked by lancet arches. The corner is made out as a portal decorated with an original bricklaying, which motives are borrowed from Russian civil architecture of the end of 19th century. Thus the entrance to darskhana – an audience for lessons is allocated. In this construction an eclectic mixing of alien decorative elements and traditionally Central Asian constructive circuit⁶⁶ is clearly visible.

One more interesting architectural complex is situated in the northern slopes of Karatau. It is the complex of mosque – medrese Appak-Ishan in Shayan village.

Medrese have appeared much later in Kazakhstan than in Central Asia and were not numerous. More often, for their spiritual education, people were sent to Bukhara, Samarkand, or Kazan. Kazakh medrese were based in those places, where the permanent residents and mosques were. Usually there were ordinary-looking structures with one or to two hudjras.⁶⁷ Undoubtedly, the largest and most interesting one according to its architectural value, between those situated not only in the south but also in all Kazakhstan is the medrese in Shayan village of Baidybek region.

65 Герасимов Т.Г. Памятники архитектуры Каратау // ИАН Каз ССР: Сер. архитектурная. – 1950. – Вып.2. – №80 – С.72.

66 The same. С.73.

67 Сабитов Н. Мектебы и медресе у казахов: (Историко-педагогический очерк). – Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1950. – С.17.

114. Шымкент. Мечеть Амалии-Салих. 1990-е гг. Фото Ю.А. Ёлгина. 1999 г.
Shymkent. Amaliya-Salikh mosque. 1990's. Photo by Yu.A. Yolgin. 1999.

There is a legend that a certain Kasym-Ishan began to build medrese in Shayan in the beginning of 19th century. After his death this work was continued by his son Sabyr and his grandson Appak-Ishan finished it.

The connection between Shayan monument and Fergana school of architecture does not cause any doubts. Buildings are constructed in traditional architectural forms, building receptions and designs of Fergana architects are applied, the decor is shown to a minimum as is typical for late cult architecture of Central Asia and the south of Kazakhstan. However, at the same time, this is an especially original construction, because it is not stacked in any typological framework of Central Asian medrese. The set of rooms of Shayan complex is typical for classical medrese: hudjra, darskhana, big mosque. But the principle of their lay-out is absolutely different. Instead of concluding these rooms in a not dismembered compact structure (for centuries it was a rectangular court yard with a monumental input – peshtak), architects of medrese Appak-Ishan have arranged them freely in space, independently from each other. Thus they managed to achieve composite balance and style unity of all the constructions of the complex. This is achieved through

115. Байдыбекский р-н. Мавзолей Байдыбек-Ата. Нач. XX в. Фото А.П. Рассказова. 1981 г.
Baidybek district. Mausoleum of Baidybek-Ata. Beginning of 20th century. Photo by A.P. Rasskazov. 1981.

the harmony of the main and minor architectural volumes. The uniting moment also is the motive of lancet arches on medrese's facades, darskhana and mosque's aivan.

The central position is occupied by a mosque. It represents by itself the rectangular construction. From southern and eastern sides the transparent gallery – aivan adjoins to it, serving as a summer mosque. Aivan is blocked by a number of small sphero-conal domes. It is volumetric in the spatial composition of the mosque as a whole, and it is simple and expressive: above the basic volume consistently two octahedrons as though grow, and on the top there is the drum carrying sphero-conal dome. This dome blocks a prayful hall. The system of crossed arches and thyroid sails forms a constructive basis, and at the same time these lancet arches and niches spatially enrich the interior of a prayful hall of the mosque. The prayful hall is surrounded from three sides by the transparent rooms blocked with ten sphero-conal domes. Thus, by contrast with external ascetically severe volume of the mosque, its internal space is strongly dismembered, and the set of niches and the arches formed with dome designs considerably enrich the interior.

116. Мавзолей Байдыбек-Ата. Современное здание. Фото с интернет-сайтов.
Mausoleum of Baidybek-Ata. New building. Photo from Internet-sites.

The building of medrese adjoins a mosque on the West. Angular rooms that big in size, served as winter audiences of medrese. The domestic facade is made out by lancet arches. It is constructed in a uniform style with a mosque, and both constructions also are proportional.⁶⁸

The extensive cult complex Ismail-Ata is the most significant in the architectural monuments located in the south of the area. It is situated in the center of Turbat village of Kazygurt region and it is picturesquely stretched at the northern slopes of Karzhantau ridge. The basis of this complex was put with the mausoleum of Ismail-Ata, the sacred, connected with Sufi tradition in Islam (connected to Akhmed Yassawi's descendants), and according to national legends it is considered as the patron of cattle-men and shepherds.⁶⁹

The constructions which are included in the complex are built on the perimeter of a courtyard; the shady dense garden here is broken. The entrance to the complex is made out as a darvazakhana, and the entrance construction, representing a four-arch

68 Ёлгин Ю.А. Архитектурный комплекс в Чаёне // АСУ. – 1990. – №5. – С.37 – 39.

69 Диваев А.А. Предание о Хазрет-и Исмаил-Ата // ТВ. – 1901.– №20, 24 – 25.

117. Байдыбекский р-н. Мавзолей Домалак-Ана. Нач. XX в. Фото А.П. Рассказова. 1981 г.
Baidybek district. Mausoleum of Domalak-Ana. Beginning of 20th century. Photo by A.P. Rasskazov. 1981.

dome booth, is opened on four sides. In the nipper wall of the arch niche leaving on street, the doorway is made. The epigraph inscription containing date (1886 – 1887) is cut out on a door cloth.

In the depth of a court yard the mausoleum of Ismail-Ata rises. This crosswise construction is in the plan with a low portal, in which the lancet arch of classical proportions and extraordinary clean outlines for late architecture is entered.⁷⁰ In comparison with other mausoleums of South Kazakhstan, Ismail-Ata is blocked with a not habitual sphero-conal dome, but with a cut tent, that is extremely seldom met in late cult architecture not only in Kazakhstan, but all over Central Asia. The forms of Ismail-Ata's mausoleum come nearer to constructions of Tashkent school of architecture 15th – 19th centuries. This influence is explainable by affinity of regions.

To the left of the mausoleum of Ismail-Ata a number of the buildings closely adjoining to each other were built. These are a chillya-khana (a room for a forty-day post), the

⁷⁰ Мирзабаев А.С. Исмаил-Ата, кумбез // Казахская ССР: Краткая энциклопедия: В 4-х тт. – Алма-Ата: Гл. ред. Каз. сов. энциклопедии, 1991. – С.266.

118. Мавзолей Домалак-Ана. Современное здание. Фото с интернет-сайтов.
Mausoleum of Domalak-Ana. New building. Photo from Internet-sites.

mausoleum of Koshkar-Ata and a room for ritual ablution – daret-khana (taarat-khana). Chillya-khana and the mausoleum of Koshkar-Ata are also portal-dome constructions blocked with sphero-conal domes of low rise.

The structure of the complex also includes a mosque. Its external shape is strongly deformed by the latest reorganizations, but interiors have kept the original architectural and decorative decisions. In the structure of the complex there is also the mausoleum of Zhabrail-Ata. It is built on the south-eastern part of the complex, at the crossings of two avenues. The perimeter of the court yard was finished with the building of a medrese, but it is not extant.

In the southern part of Turbat, in the foothills, there is one more architectural complex – Iskhak-Ata. The name to it was given by the name of the mausoleum's local patron of a religious community, feast Iskhak-Ata. It is a traditional portal-dome mausoleum. As well as the mausoleum Ismail-Ata, it had a covering tent. It was badly kept, but still today the cleanliness and nobleness of the architectural forms are guessed in it. Near it there are three more mausoleums, whose names are unknown to us. As regards, the architec-

ture and decor of these monuments go back to the best samples of Karakhanid architecture of 11th – 12th centuries.

Near to Shymkent, at the Akkoily settlement, a freakish construction rises alone on a hill. It is the mosque of Ishan-Bazar, a monumental construction, typical among cult constructions of Kazakhstan.

The place, where there is a mosque, was rather brisk and, probably earlier, was the center of the religious and public life of all the area. On holidays the markets collected here the rustled neighboring population. Therefore, both the mosque and the district adjoined to it started to be called as “Ishan-Bazar”. The mosque had other names, such as Kumesh (under the name of a small river), Akkoily (according to a Kazakh –akkoily, settling there). The famous Kazakh poet Nysanbaiuly Nuraly (1857 – 1930) studied in this mosque.

According to the collected data the construction of the mosque started in the second half of 1880’s. It was built during about thirty years, but it has remained unfinished. Nevertheless the architectural construction is a true product of architecture, and only barbarous attitude in after-revolution years has cast it into a pitiable condition. Ishan-Bazar has shared the fate of temples all over the country.

Nevertheless, Ishan-Bazar is an especial mosque. To understand the value of this monument, it is necessary to touch briefly the history of the mosque, and treating it, undoubtedly, as a sociopolitical, historical and cultural phenomenon.⁷¹

In 9th century there were and still exist the compartment mosque, with rural market, city cathedral mosque where all pious Muslims of the city gathered for midday Friday prayer and for the sermon. There were mosques in medrese, in large memorial complexes and in cemeteries. There was one more category of the constructions intended for big mass prayers in the days of two Muslim holidays – id al-adha (kurban-bairam) and id al-fitr (uraza-bairam), when all neighboring population gathered for celebratory divine service. Sometimes in the mosques, public prayers gathered besides these holidays, such as in the day of shab and berat, for a pray for dead man and in days of heavy national disasters. Such mosques are referred to namazgah (synonyms – musalla, idgah). They were constructed behind the city or at the big settlements that possessed markets.⁷²

The purpose of namazgah was to serve as a place of assemblies of huge amount of people. Its idea was to unite them in communal prayer to God. It required vast space; it was quite difficult to find it in towns with its congested buildings. Principles of organiza-

71 Ёлгин Ю.А. Ишанбазар мешіті // Қазыналы қара шанырақ: Дерек намалық баян. – Алматы: Ана тілі, 1996. – 103 – 106 б.; Байтанаев Б.А., Ёлгин Ю.А. Намазгох в Южном Казахстане: (Мечеть Ишан-Базар) // ИНАН РК: Сер. общественных наук. – 2011. – №3. – С.139 – 151.

72 Кочнев Б.Д. Средневековые загородные культовые сооружения Средней Азии. – Ташкент: Фан, 1976. – 84 с.

tion of its space gave impetus to the development of buildings with variety of premises and transparent galleries - aiwain. The original name of such mosques – “musalla” - represented that vast space, where feast’s prayer was held and special mosque was erected. At the beginning (in Central Asia in 9th – 12th centuries) it was simply a wall with a niche for prayer (mihrab). In 16th – 17th namazgah was finally made out as a monumental volumetric construction.

In the concluding phase in the evolution of the country mosque, the Ishan-Bazar appeared, without fluctuation from classical scheme.

According to the legend, poets Sagindyk and Egemberdy lived in this district. The last one studied about thirty years in Bukhara and received the title of ishan. He had respect among local population. His son Madikara also studied in Bukhara. He also began the construction of the described mosque, and supervised it. According to other data, Egemberdy was the imam of this mosque by himself. His son Madi Ishan died when he was 55 years old in 1940, studied in Ishan-Bazar. It was under construction on means of Madi and his relatives with the help of the neighboring population.

The bookmark of the base was conducted by two masters from Tashkent, and Tashkent architect Yusuf supervised the construction as well.

The mosque consists of nine rooms – the big prayer hall with mihrab, with square rooms adjoining to it from the north and the south in pairs. With the mihrab hall the rooms are connected by arches, so that there is an impression of a free space. In the corners of the building hudjras (inhabited rooms) for imam and pupils are arranged. Architecturally Ishan-Bazar is not a medrese. But its cult and public and cultural value was such that it has developed typological frameworks, and has become the center of gravity of many people, and then, as a matter of fact, attracted the attention of researchers.

An advanced avian, inverted to the east, decorated the mosque for praying. Its deeply shaded cells made contrast with the deaf smooth surface of the external walls. The lapidary volume of the dome dominates over all the construction, overlapping the main hall for prayer. It was on a design of arch and thyroid sails. For the first time this was applied in Bibi-Khanym mosque in Samarkand, but it is met as well in modest memorial constructions of 16th – 20th centuries.

In the western wall of the main hall the ornate mihrab is arranged, the wall is broken into a panel with the traditional ornamental motive of a vase with a dismissed bouquet. The wall was finished with a narrow tape of girih⁷³ from the dark blue eight-final stars as though cut across half-and-half. Above the big panels there are smaller ones with texts from the Koran.

73 Girih – a kind of geometrical ornament, in the art and architecture of Middle Asia, folding by continuous tape.

In many respects the mosque is described in reconstructive manner as the monument is strongly destroyed. Last years attempts to its restoration were undertaken by Shymkent restoration workshop (the project of restoration was developed in 1985).

In Soviet times the cult architecture was perceived as a whole and as the phenomenon relic, whose history entirely belonged to the past. Cult buildings had the right for existence only in quality of “monuments of architecture and art”, and the right was admitted only for single outstanding products of architecture. Working mosques and churches, as a rule, were located in adapted rooms and if there were any new buildings under construction they were deprived of any architectural idea and art expressiveness. But the situation has radically changed after the sovereignty of Kazakhstan Republic. After revision of the role of religion in the society the construction of cult buildings has quickened. Not all from them can be counted as products of architecture, but in this period there are many objects, which tomorrow will be part of the history of architecture of Kazakhstan since they possess the advantages inherent to original products of architecture. This splash is prepared by all thousand-year development of architecture in South Kazakhstan, and without this heritage it would be impossible. Development of this invaluable fund goes basically as it seems to us, in two ways. The first goes through studying and processing of the classical heritage of the architecture of the Central Asia and Kazakhstan, and the creation, on the basis of traditional forms, of new modern cult buildings.

According to this method the regional mosque Amali-Salikh is constructed in Shymkent. Looking at this building, in imagination appeared the masterpieces of Timurid architecture of Bukhara and Samarkand, studied in depth by the authors of the project of this mosque. The volumetric and spatial idea of Fakhreddin-Razi mausoleum in Kunya-Urgench (12th century) is based on the composite decision of the mausoleum of the ancestor of Kazakh tribes Baidybek-Ata, constructed under G. Sadyrbayev's project (the mausoleum is built on a place of the unsightly structure resembling more a sagana). In the other way the mausoleum of Baidybek's wife – Domalak-Ana (architect S. Toktamyshev) is constructed. This is the method of deep development of primordially Kazakh national heritage at another, more difficult level, by the creation of associative lines which are taken as a basis for a new building. Famous components of a cult building as the portal, a dome, and minarets are used here with the help of another plastic language, which deals at an emotional and design level not with the Central Asian classics, but with Kazakh steppe history...

Thus, on our eyes, the new page is written in the history of architecture of South Kazakhstan. It is reputed, that the century time network in architecture will not be interrupted.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ LIST OF USED LITERATURE

1. Абашин С. Власть и фотография: визуальная репрезентация в имперской рамке // Неприкосновенный запас. – 2012. – № 4 (84). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2012/4/a13-pr.html>
2. Абуов А.П. Мировоззрение Ходжи Ахмета Ясави и его место в истории казахской философии: Автореферат дисс. ... д-ра философ. – Алматы, 1997. – 33 с..
3. Агеева Е.И. Памятники средневековья (раскопки на городище Баба-Ата): Цитадель // Археологические исследования на северных склонах Каратау. – Алма-Ата, 1962. – С.117 – 153 (ТИИАЭ, Т.14):
4. Агеева Е.И., Максимова А.Г. Очерк археологического изучения Казахстана // Археологическая карта Казахстана: Реестр. – Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1960. – С.9 – 26.
5. Акишев К.А., Агеева Е.И. Древние памятники Казахстана. – Алма-Ата, 1958. – 60 с.
6. Акишев К.А., Аргынбаев Х.А., Алимбаев Н. Археологическое и этнографическое изучение Казахстана // История науки Советского Казахстана (1917 – 1960 гг.). – Алма-Ата: Ғылым, 1990. – С.43 – 60.
7. Акымбек С.Ш. Мавзолей Арыстан-Баб в свете новых данных // ИНАН РК: Сер. общественных наук. – 2009. – №1. – С.87 – 92.
8. Амальрик А.С., Монгайт А.Л. Что такое археология / Изд. испр. и доп. – М.: Просвещение, 1966. – 250 с.
9. Андрианов Б.В. Этническая история и хозяйственно-культурное развитие древних и средневековых народов Средней Азии и Казахстана // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. – М., 1991. – Вып. III: Этнография. – С.3 – 12.

10. Археологическая карта Казахстана: Реестр. – Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1960. – 449 с., IX табл.
11. Археология позднего периода истории: Материалы круглого стола, проведённого редколлегией журнала «Российская археология» // РА. – 2005. – №1. – С.81 – 99.
12. Аскарлов Ш.Д. Проблемы архитектурной науки Узбекистана // АСУ. – 1991. – №6. – С.28 – 29.
13. Асылбеков М. О Своде памятников истории и культуры Казахстана // Памятники истории и культуры Казахстана. – Алма-Ата: Өнер, 1984. – С.80 – 82.
14. Байпаков К.М. Средневековые города Казахстана на Великом Шёлковом пути. – Алматы: Ғылым, 1998. – 216 с.
15. Байпаков К.М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья: (VI – начало XIII в.). – Алма-Ата: Наука, 1986. – 256 с.
16. Байпаков К.М., Смагулов Е.А. Средневековый город Сауран. – Алматы: Credo, 2005. – 202 с. (каз., рус. и англ. яз.).
17. Байпаков К.М., Терновская Г.А. Религии и культы средневекового Казахстана (по материалам городища Куйрыктобе). – Алматы: БАУР, 2005. – 236 с.
18. Байпаков К.М., Шарденова З.Ж., Перегудова С.Я. Раннесредневековая архитектура Семиречья и Южного Казахстана на Великом Шёлковом пути. – Алматы: Ғылым, 2001. – 236 с.
19. Байпаков К.М., Шарденова З.Ж. Архитектурный памятник Баба-Ата в Южном Казахстане // Ата-Мұра: Сборник статей, посвященный 75-летию Южно-Казахстанского областного историко-краеведческого музея. – Шымкент, 1995. – С.110 – 117.
20. Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Древние города Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1971 – 211 с.
21. Байтанаев Б.А. История археологического изучения Испиджабского историко-культурного района (XIX – XX вв.) // ИНАН РК: Сер. общественных наук. – 2012. – №3. – С.184.
22. Байтанаев Б.А. А.А. Диваев. Очерк жизни и деятельности. – Шымкент – Алматы, 2004. – 260 с.
23. Байтанаев Б.А. Древний Испиджаб. Средневековые города Южного Казахстана на Великом Шёлковом пути / Изд. 2-е, перераб. и доп. – Шымкент – Алматы, 2003. – 136 с.
24. Байтанаев Б.А. Вопросы локализации Будухкета // Вестник Туркестанского университета им.Х. А. Ясави. – 2002. – №1. – С.40 – 51.
25. Байтанаев Б.А., Богомолов Г.И., Ергешбаев А. Мечеть Хызыр-Пайгамбар в селе Сайрам // ИНАН РК: Сер. общественных наук. – 2008. – №1. – С.129 – 140.

26. Байтанаев Б.А. и др. Археологические исследования мавзолея Бердыкожа Батыра // Наследие Л.Н. Гумилёва и современная Евразийская интеграция: IX Евразийский научный форум. – Астана, 2012 – С.136 – 147.
27. Байтанаев Б.А., Ёлгин Ю.А. Мечеть Джамии в Чимкенте: Архитектурно-археологические исследования. – Алматы, 2012. – 176 с.
28. Байтанаев Б.А., Ёлгин Ю.А. Намазгох в Южном Казахстане: (Мечеть Ишан-Базар) // ИНАН РК: Сер. общественных наук. – 2011. – №3. – С.139 – 151.
29. Байтанаев Б.А., Ёлгин Ю.А. Библейские и коранические святыне Сайрама // Религиоведение. – 2007. – №4. – С.44 – 49.
30. Байтанаев Б.А., Ёлгин Ю.А. О некоторых особенностях мемориального зодчества Сайрама: // Кадырбаевские чтения: Материалы Международной научной конференции. – Актобе, 2007. – С.340 – 344.
31. Байтанаев Б.А., Ёлгин Ю.А. О библейских и мусульманских агионимах старого Сайрама // Археологические исследования в Казахстане: Труды научно-практической конференции «Маргулановские чтения-14». – Шымкент – Алматы, 2002. – С.227 – 231.
32. Бакланов Н.Б. Три сооружения Тимура // Труды Всероссийской Академии художеств. – М. – Л.: Искусство, 1947. – Вып. I. – С.51 – 66.
33. Бартольд В.В. Н.И. Веселовский как исследователь Востока и историк русской науки // Соч.: В 9-ти тт. – М.: Наука, ГРВЛ, 1977. – Т. IX: Работы по истории востоковедения. – С.648 – 664.
34. Бартольд В.В. Николай Иванович Веселовский: Некролог // Соч.: В 9-ти тт. – М.: Наука, ГРВЛ, 1977. – Т. IX: Работы по истории востоковедения. – С.642 – 647.
35. Бартольд В.В. Отчёт о командировке в Среднюю Азию // Соч.: В 9-ти тт. – М.: Наука, ГРВЛ, 1966. – Т. IV: Работы по археологии, эпиграфике, нумизматике и этнографии. – С.111 – 115.
36. Бартольд В.В. Отчёт о командировке в Туркестан // Известия Российской Академии истории материальной культуры. – Пг., 1922. – Т. 2. – С.1 – 22.
37. Басенов Т. Архитектура Казахстана VII – XII веков // Маргулан А., Басенов Т., Мендикулов М. Архитектура Казахстана. – Алма-Ата: Казгосиздат, 1959. – С.85 – 115.
38. Башня Ак-Сумбе // Археологическая карта Казахстана: Реестр. – Алма-Ата: Изд-во Академия Каз ССР, 1960. – С.226.
39. Бекчурин М./-С. Описание мечети Азрета, находящейся в городе Туркестане // Военный сборник. – 1866. – №8. – С.209 – 217.
40. Беркинбаев Е., Мирхалдаров М. Святыне в Сайраме бесчётно...: (Книга-альбом). – Алматы: Онер, 2000. – 128 с.

-
41. Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. – М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – 346 с. (Материалы по истории археологии СССР, №26).
 42. Бернштам А.Н. Архитектурные памятники Киргизии. – М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1950 – 115 с.
 43. Болдырев А.Н. Мемуары Зайн ад-Дина Восифи как источник для изучения культурной жизни Средней Азии и Хорасана на рубеже XV – XVI веков // ТОВГЭ. – 1940. – Т.II. – С.203 – 274.
 44. Булатов М.С. Мавзолей Саманидов – жемчужина архитектуры Средней Азии. – Ташкент: Изд-во литер. и искусства, 1978. – 128 с.
 45. Венедиктов А.И, Архитектура // История европейского искусствознания: В 2-х тт. – М.: Наука, 1969. – Кн.I: (Вторая половина XIX века – начало XX века). – С.182 – 261.
 46. Верещагин В.В. Туркестан. Этюды с натуры В.В. Верещагина, изданные по поручению Туркестанского генерал-губернатора на высочайше дарованные средства. 26 листов с 106 рисунками. – СПб., 1874.
 47. Веселовский Н.И. Экспедиция в Туркестан для снятия планов и зарисовок в красках местной мечети // ИРКСВА. – СПб., 1906. – Вып.6. – С.23 –26.
 48. Виды Русского Туркестана по рисункам с натуры О.А. Федченко, исполненные Саврасовым в Москве, Сисери, Сабатье и Ламерсье в Париже. Федченко О.А. – М.: Изд-во Имп. Об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии, [между 1903 и 1913]. – 14 л.
 49. Виппер Б.Р. Введение в историческое изучение искусства. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Изобр. искусство, 1985. – 288 с.
 50. Вишневецкая В.А. Фотоальбом 1874 г. по этнографии Средней Азии в собрании МАЭ // Краткое содержание докладов среднеазиатско-кавказских чтений. Май 1989 г. – Л., 1990. – С.56 – 58.
 51. Воронин Н.Н. Архитектурный памятник как исторический источник // СА. – 1954. – XIX. – С.42 – 77.
 52. Воронина В.Л. Черты архитектурного ордера на территории Казахстана // АН. – 1979. – №27. – С.171 –179.
 53. Воронина В.Л. Колонны из Отрара // Древности Казахстана – Алма-Ата: Наука, 1975. – С.70 – 75.
 54. Воронина В.Л. Советские учёные об архитектуре Средней Азии: Обзор работ по изучению архитектуры Средней Азии за 25 лет (1917 – 1942 гг.) // Сообщения Кабинета теории и истории архитектуры Академии архитектуры СССР. – М., 1943. – Вып.3. – С.12 – 25.
-

-
55. Всеобщая история искусств: В 6-ти тт. – М.: Искусство, 1961. – Т.II. – Кн..2: Искусство средних веков. – 524 с.
56. Гафуров А. Имя и история: Об именах арабов, персов, таджиков и тюрков. Словарь. – М.: Наука, ГРВЛ, 1987. – 221 с.
57. Гейнс А.К. Путешествие в Туркестан: Дневник 1866 года // Собр. литер. трудов: В 3-х тт. – СПб.: Тип. М.М, Стасюлевича. 1898. – Т.II. – 742 с.
58. Генинг В.Ф. Объект и предмет науки в арх еологии. – Киев: Наук. думка, 1983. – 224 с.
59. Герасимов Т.Г. Памятники архитектуры Каратау // ИАН КазССР: Сер. архитектурная. – 1950. – Вып.2. – №80. – С.53 – 82.
60. Герчук Ю. Что такое памятник архитектуры? // ДИ. – 1973. – №4 – С.37 – 40.
61. Голлендер Б.А. Окно в прошлое. Туркестан на старинных почтовых открытках (1893 – 1917). – Ташкент: ЛИА Р Элинина, 2002. – 246 с.
62. Горшенина С.М. Туркомстарис – Средазкомстарис – Узкомстарис: Формирование институций и этноцентрический раздел культурного наследия Средней Азии // ЭО. – 2013. – №1. – С.53 – 68.
63. Горшенина С. Крупнейшие проекты колониальных архивов России: Утопичность тотальной туркестаники генерал-губернатора Константина Петровича фон-Кауфмана // *Ab imperio*. – 2007. – №3. – С.1 – 64.
64. Горшенина С., Рапэн К. Как историк и археолог превратились в буржуазных пропагандистов, или возможна ли компаративная история археологии Средней Азии? // РА. – 2005. – №2. – С.106.
65. Горшенина С. Об изучении искусства Средней Азии (деятельность историка, архитектора и реставратора Бориса Засыпкина) // Пути и перепутья: Материалы и исследования по отечественному искусству XX века. – М., 1999. – С.99 – 105.
66. Горшенина С. Странный археолог Кастанье // Звезда Востока. – 1996. – №3. – С.146 – 159.
67. Горшенина С.М. Становление и развитие системы изучения истории искусств Средней Азии в Узбекистане. Конец XIX века – первая половина XX века: (Историографические аспекты): Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. – Ташкент, 1996. – 27 с.
68. Горшенина С. Туркестанские путешествия Шарля-Эжена Ужфальви [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://svetlana.gorchenina.free.fr/2RU35_Ujfalvi_CultVal.pdf.
69. Горячева В.Д. Средневековые городские центры и архитектурные ансамбли Киргизии: (Бурана, Узген, Сафид-Булан). – Фрунзе: Илим, 1983. – 144 с.
-

-
70. Горячева В.Д., Заурова Е.З. Изучение узгенских мавзолеев // Страницы истории и материальной культуры Киргизстана: (досоветский период). – Фрунзе: Илим, 1973. – С.142 – 147.
71. Деннике Б.П. Архитектурный орнамент Средней Азии. – М. – Л.: Изд-во Всесоюзной Академии архитектуры, 1939. – 228 с.
72. Деннике Б.П. Прикладное искусство Средней Азии // Художественная культура Советского Востока. – М. – Л., 1931. – С.53 – 75.
73. Деннике Б.П. О резных деревянных дверях в Средней Азии // ТСАИАИ. – 1928. – Т.4. – С.178 – 179.
74. Денике Б.П. Искусство Средней Азии. – М.: Центр. изд-во народов СССР, 1927. – 56 с.
75. Диваев А.А. Предание о Хазрет-и- Исмаил-Ата // ТВ. – 1901. – №20, 24 – 25.
76. Длужневская Г.В. Изучение памятников Средней Азии в период деятельности Императорской Археологической комиссии (1859 – 1917): (Фотографии Научного архива Института истории материальной культуры РАН) // РА. – 2008. – №3. – С.157 – 167.
77. Длужневская Г.В. Историко-археологическое наследие Азиатской России в фотографиях русских исследователей второй половины XIX – первой половины XX века (по фондам научного архива Института истории материальной культуры Российской Академии наук): Автореферат дисс. ... д-ра ист. наук. – СПб., 2008. – 32 с
78. Длужневская Г.В. Мусульманский мир Российской империи в старых фотографиях. По материалам фотоотдела Научного архива Института истории материальной культуры РАН. – СПб.: Лики России, 2006. – 304 с.
79. Ёлгин Ю.А. Об архитектуре мавзолея-мечети Арыстан-Баб // ИНАН РК: Сер. общественных и гуманитарных наук. – 2012. – №3. – С.147 – 162.
80. Ёлгин Ю.А. Средазкомстарис и Чимкентский музей (период становления музея) // Древняя и средневековая урбанизация Евразии и возраст города Шымкент: Материалы Международной научно-практической конференции 16 октября 2008 г. – Шымкент, 2008 – С.334 – 360.
81. Ёлгин Ю.А. Мавзолей Ходжа Ахмеда Ясави в русской дореволюционной печати // Туран – Туркестан: Проблемы культурно-исторической преемственности. Древность и средневековье: Материалы Международной научной конференции, посвящённой 10-летию деятельности Туркестанской археологической экспедиции. Туркестан, 23 – 24 ноября 2006 г. – Туркестан, 2006. – С.171 – 174.
82. Ёлгин Ю.А. Мавзолей Карашаш-Ана: (Историко-архитектурные заметки) // ИНАН РК: Сер. общественных наук. – 2005. – №1. – С.218 – 230.
83. Ёлгин Ю.А. Первый художник в Чимкенте // Культурное наследие Южного
-

- Казахстана: Сборник статей, посвящённый 80-летию Южно-Казахстанского областного историко-краеведческого музея. – Шымкент, 2002. – С.158 – 162.
84. Ёлгин Ю.А. Изучение мавзолея-мечети Арыстан-Баб в последние годы // ИМНАН РК: Сер. общественных наук. – 1998. – №1. – С.42 – 47.
85. Ёлгин Ю.А. Мавзолей Ходжа Ахмеда Ясави в 1920-е годы: Изучение. Ремонт. Реставрация // ИМНАН РК: Сер. общественных наук. – 1997. – №1. – С.44 – 53.
86. Ёлгин Ю.А. Ишанбазар мешіті // Қазыналы кара шанырақ: Дерек намалық баян. – Алматы: Ана тілі, 1996. – 103 – 106 б.
87. Ёлгин Ю.А. Мавзолей Абдель-Азиз-Баб: (К историко-архитектурному анализу) // Ата-Мұра: Сборник статей, посвященный 75-летию Южно-Казахстанского областного историко-краеведческого музея. – Шымкент, 1995. – С.116 – 124.
88. Ёлгин Ю.А. К вопросу о бухарском влиянии в культовом зодчестве Чимкентской области // Маргулановские чтения: (Тезисы). – Петропавловск, 1992. – С.126 – 128.
89. Ёлгин Ю.А. Архитектурный комплекс в Чаяне // АСУ. – 1990. – №5. – С.37 – 39.
90. Ёлгин Ю.А. Михаил Евгеньевич Массон и архитектурное наследие Чимкентской области // Тезисы докладов научно-практической конференции, посвящённой 70-летию Чимкентского областного историко-краеведческого музея (10 – 12 октября 1990 г.). – Алма-Ата, 1990. – С.7 – 10.
91. Ёлгин Ю.А. К генезису двухпортальных мавзолеев Сайрама // Маргулановские чтения. – Алма-Ата, 1989. – С.317 – 319.
92. Ёлгин Ю.А., Алибаева С.К. Борис Николаевич Засыпкин и его вклад в изучение и реставрацию мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави // ИМОННАН РК: Сер. общественных наук. – 2000. – №1. – С.28 – 39.
93. Жуковский С.В. Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трёхсотлетие. – Пг., 1915. – XII, 215 с. (Труды Общества русский ориенталистов, №2).
94. Завгородний А. Материал есть! Необходима его популяризация // Памятники истории и культуры Казахстана. – Алма-Ата: Казахстан, 1986. – Вып.2. – С.105 – 111.
95. Завьялов В.В. Исторический обзор путешествий в Бухарию. – Уфа: Губерн. типогр., 1854. – 28 с.
96. Залесов В.Г. Архитекторы Томска (XIX – начало XX века). – Томск: Изд-во Томского Гос. архитектур.-строит. ун-та, 2004. – 170 с.
97. Засыпкин Б.Н. Архитектурные памятники Средней Азии: Проблемы исследования и реставрации // Вопросы реставрации: Сборник Центральных Государственных реставрационных мастерских. – М.: Издание ЦГРМ, 1928. – II. – С.207 – 284.
98. Засыпкин Б.Н. Памятники архитектуры Средней Азии и их реставрация // Вопросы

- реставрации: Сборник Центральных Государственных реставрационных мастерских. _ М.: Издание ЦГРМ, 1926. – I. – С.137 – 178.
99. Засыпкин Б.Н. Изучение древних сооружений Средней Азии // Новый Восток. – 1925. – №10 – 11. – С.257 – 270.
100. Иванов А.А О бронзовых изделиях конца XIVв. из мавзолея Ходжа Ахмеда Ясави // Средняя Азия и её соседи в древности и средневековье: История и культура. – М.: Наука, ГРВЛ, 1981. – С.68 – 84.
101. Иванов П.П. К вопросу об исторической топографии Старого Сайрама // В.В. Бартольд: Туркестанские друзья, ученики и почитатели. – Ташкент, 1927. – С.151 – 164.
102. Иванов П.П. Сайрам: Историко-археологический очерк // Сборник Туркестанского Восточного института в честь профессора А.Э. Шмидта: (25-летие его первой лекции 15/28 января 1898 г.). – Ташкент, 1923. – С.16 – 59.
103. Имажанов Н., Бейсемаева Л. Соборная мечеть средневекового Отрара: (Опыт графической реконструкции) // ИНАН РК: Сер. общественных наук. – 2003. – № 1. – С.247 – 253.
104. Исабаев Г.А. Трансформация «кирпичного» стиля и модерна в некоторых памятниках мемориального и культового зодчества Южного Казахстана // ИАН КазССР: Сер. общественных наук. – 1990. – №4. – С.40 – 45.
105. Калмыков А.Д. Мечеть: Основные вопросы среднеазиатской археологии // ПТКЛА. – 1910. – Вып. XIV. – С.91 – 109.
106. Кастанье И.А. Надгробные сооружения киргизских степей. – Оренбург, 1911. – 107 с., 28 табл., 77 рис.
107. Кастанье И.А. Древности Киргизской степи и Оренбургского края. – Оренбург: Типо-лит. Т-ва Каримов, Хусаинов и К, 1910. – 327 с. (Труды Оренбургской учёной архивной комиссии, Вып. XXII). Переиздание: Кастанье И.А. Древности Киргизской степи и Оренбургского края. – Алматы: Дайк-Пресс, 2007. – 516 с.
108. Кер-Оглы Х.Г. Узбекская литература. – М.: Высш. шк., 1968. – 292 с.
109. Клейн Л.С. Археологические источники / 2-е изд. – СПб.: ФАРН, 1995. – 348 с.
110. Клейн Л.С. Археологическая типология. – Л.: ЛФ ЦЭНДСИ: Ленингр. науч.-исслед. археолог. об-ние, 1991. – 447 с.
111. Кожа М.Б., Акымбек А.Ш. Мавзолей-мечеть Арыстанбаба // Свод памятников истории и культуры Южно-Казахстанской области: Отрарский район. – Алматы: Баур, 2007. – С.319 – 323.
112. Кожа М., Ёлгин Ю.А. Туркестан и Отрар в неопубликованной рукописи Н.И. Веселовского о древних городах Сырдарьи // Новые исследования по археологии

- Казахстана: Труды научно-практической конференции «Маргулановские чтения-15». – Алматы: Ин-т археологии им.А.Х. Маргулана, 2004. – С.237 – 241.
113. Константинова В.В. Некоторые архитектурные памятники по среднему течению реки Сыр-Дарья // ИАН КазССР: Сер. архитектурная. – 1950. – №80. – Вып.2. – С.37 – 54.
114. Косточкин В. О некоторых понятиях в области архитектурного наследия // Архитектура СССР. – 1972. – №9. – С.60 – 61.
115. Кочнев Б.Д. Средневековые загородные культовые сооружения Средней Азии. – Ташкент: Фан, 1976. – 84 с.
116. Кринский В.Ф., Ламцов И.В., Туркус М.Л. Элементы архитектурно-пространственной композиции. – М.: Изд-во литер. по строительству, 1968. – 168 с.
117. Крюков К.С. Реконструкция Среднего Узгентского мавзолея // АН. – 1967. – № 16. – С.165 – 173.
118. Культовое зодчество на юге Казахстана: (Библиографический указатель) / Сост. Ю.А. Ёлгин. – Шымкент, 1994. – 30 с.
119. Кун А.Л. Туркестанский альбом. 1871 – 1872. – Алматы: ОФ Берел, ТОО Asia line, 2005. – 166 с.
120. Лавров В.А. Градостроительная культура Средней Азии: (С древнейших времён до второй половины XIX века). – М.: Гос. изд-во архитектуры и градостроительства, 1950. – 178 с.
121. Лерх П.И. О Туркестанском фотографическом альбоме // ИИРГО. – 1874. – Т.Х. – Вып.2. – С.97 – 99.
122. Лерх П.И. Археологическая поездка в Туркестанский край в 1867 году. – СПб.? Тип. Имп. Академии наук, 1870. – X, 39 с.
123. Лунин Б.В. Средняя Азия в научном наследии отечественного востоковедения: Историографический очерк. – Ташкент: Фан, 1979. – 184 с.
124. Лунин Б.В. Материалы к историографии истории хозяйства народов Средней Азии и Казахстана конца XIX – начала XX в. // Хозяйственно-культурные традиции народов Средней Азии и Казахстана. – М.: Наука, 1975. – С.22 – 41.
125. Лунин Б.В. Историография общественных наук в Узбекистане: Библиографические очерки. – Ташкент: Фан, 1974. – 386 с.
126. Лунин Б.В. Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане. Туркестанский кружок любителей археологии (1895 – 1917 гг.). – Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1958. – 320 С.
127. Лыкошин Н. Очерк археологических изысканий в Туркестанском крае до учреждения Туркестанского кружка любителей археологии // Протоколы

- заседаний и сообщения членов Туркестанского кружка любителей археологии. Историко-культурные памятники Казахстана / Авт. предисл. и сост. М. Елеуов, М.М. Бахтыбаев. – Туркестан: Туран, 2011. – С.27 – 62.
128. Маллицкий С.Г. Историко-архитектурное значение мечети Хазрета Яссавийского в гор. Туркестане // ПТКЛА. – 1907. – Вып. XII. – С.6 – 28.
129. Маньковская Л.Ю. Хазира – комплексы Средней Азии // Культурные связи народов Средней Азии и Кавказа: (древность и средневековье). – М., 1990. – С.119 – 124.
130. Маньковская Л.Ю. Типологическая классификация памятников средневековой архитектуры Средней Азии // ИМКУ. – 1982. – Вып.17. – С.144 – 151.
131. Маньковская Л.Ю. Типологические основы зодчества Средней Азии (IX – начало XX в.). – Ташкент: Фан, 1980. – 183 с.
132. Маньковская Л.Ю. К изучению приемов средне азиатского зодчества конца XIV в.: (Мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави) // ИЗУ. – 1962. – Вып. II. – С 92 – 142.
133. Маньковская Л.Ю. Некоторые археологические наблюдения по реставрации комплекса Ходжа Ахмеда Ясави в г. Туркестане // ИАН КазССР: Сер. истории, археологии и этнографии. – 1960. – Вып.3 (14). – С.52 – 69.
134. Маргулан А.Х. Из истории городов и строительного искусства Казахстана. – Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1950 – 122 с.
135. Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, учёных и общественных деятелей: В 4-х тт., М.: Всесоюзн. кн. палата, 1958. – Т.3. – 415 с.
136. [Маслова О.В., сост.]. Обзор путешествий и экспедиций в Среднюю Азию. Материалы к изучению истории Средней Азии. Ч. II: 1856 – 1869. Материалы к библиографии. Вып. VII. – Ташкент: Изд-во САГУ, 1956. – 102 с.
137. Массон М.Е. Краткий очерк истории изучения Средней Азии в археологическом отношении // ТСАГУ: Новая серия. – 1956. – Вып. LXXXI: Исторические науки. – Кн.12. – С.5 – 40.
138. Массон М.Е. Мавзолей Ходжа Ахмеда Ясеви. – Ташкент: Типолит. №2 Узполиграфтреста, 1930. – 22 с.
139. Массон М.Е. О постройке мавзолея Ходжа Ахмеда Ясеви в городе Туркестане // Известия среднеазиатского географического общества. – Ташкент, – 1929. – Т. XIX. – С.39 – 45.
140. Массон М.Е. Старый Сайрам // Известия Среднеазиатского комитета по делам музеев, охраны памятников старины, искусства а природы. – Ташкент, 1928. – Вып.3. – С.23 – 42.
141. Маханбаева Н.Н. Вклад Джамбылского археологического пункта в историю

- археологического изучения Жетысу // ИНАН РК: Сер. общественных наук. – 2005. – №1. – С.289 – 281.
142. Мендикулов М.М. К характеристике архитектуры Казахстана XIX и начала XX века // Маргулан А., Басенов Т., Мендикулов М. Архитектура Казахстана. – Алма-Ата: Казгосиздат, 1959. – С.116 – 147.
143. Мирзабаев А.С Исмаил-Ата, кумбез // Казахская ССР: Краткая энциклопедия: В 4-х тт. – Алма-Ата: Гл. ред. Каз. сов. энциклопедии, 1991.– С.266.
144. Миронов А.М. Организационная, научная и практическая деятельность Средазкомстариса (быв. Туркомстариса) за пятилетие его существования // Известия Среднеазиатского комитета по делам музеев, охраны памятников старины, искусства и природы (Средазкомстарис). – Ташкент: Издание Средазкомстариса, 1926. – Вып. I. – С.18 – 42.
145. Московский государственный строительный университет [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ru.Wikipedia.org/wiki/Московский_государственный_строительный_университет.
146. Назирова Н.Н. Центральная Азия в дореволюционном отечественном востоковедении. – М.: Наука, Изд. фирма «Восточная литература», 1992. – 195 с.
147. Некрасова Е., Бабаджанов Б. Хазира // Ислам на территории бывшей Российской империи: Энциклопедический словарь. – М.: Изд. фирма «Восточная литература», 1999. – Вып.2. – С.94.
148. Немцева Н.Б. Ханака Сайф ад-Дина Бахарзи в Бухаре: (К истории архитектурного комплекса). – Бухара, 2003. – 216 с.
149. Немцева Н.Б. К вопросу о методах полевых археологических работ на памятниках зодчества Средней Азии // СА. – 1981 – №1. – С.79 – 87.
150. Немцева Н.Б. Археологические раскопки у комплекса мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави (1958 г.) // ИАН КазССР: Сер. истории, археологии и этнографии. – 1961. – Вып.1(15). – С.92 – 104.
151. Немцева Н.Б., Шваб Ю.З. Ансамбль Шах-и Зинда: Историко-архитектурный очерк. – Ташкент: Изд-во литер. и искусства, 1979. – 168 с.
152. Нечкин Д.И. Задачи и ближайшие цели комитета по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы в Средней Азии // Известия Среднеазиатского комитета по делам музеев, охраны памятников старины, искусства и природы (Средазкомстарис). – Ташкент: Издание Средазкомстариса, 1925. – Вып. I. – С.3 – 17..
153. Новоселов Н.В. Предмет архитектурной археологии [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rusarch.ru/novoselov.htm>.

154. Пашино П.И. Туркестанский край в 1866 году: Путевые заметки. – СПб.: Типогр. Тиблена и К (Неклюдова), 1868. – 179 с., ил., карт.
155. Писченков А. Путевые заметки по дороге в Ташкент // Всемирная иллюстрация. – 1870. – II год. – Т. III. – №76. – С.421 – 422.
156. Полевой Н. История русского народа. – М.: Типогр. Августа Семена при Ими. Медико-хирургической академии, 1829. – Т. I. – LXXXII, 370, VII с.
157. Прибыткова А.М. Связи с Ираном и местные черты в архитектуре Средней Азии: (Домонгольский период) // АН. – 1982. – №30. – С.103 – 119.
158. Прибыткова А.М. Строительная культура Средней Азии в IX – XII вв. – М.: Стройиздат, 1973. – 238 с.
159. Прищепова В.А. Центральная Азия в фотографиях российских исследователей (по материалам иллюстративных коллекций МАЭ РАН) // Центральная Азия: Традиция в условиях современности. – СПб.: Наука, 2007. – Вып. I. – С.223 – 248.
160. Прищепова В.А. Иллюстративные коллекции по народам Центрально Азии конца XIX – начала XX века (Из собрания МАЭ РАН) // Культурное наследие Центральной Азии, Казахстана и Кавказа. – СПб.: Наука, 2006. – С.174 – 225 (Кунсткамера, Сборник МАЭ РАН, Т.52).
161. Прищепова В.А. Путешественники о Средней Азии: иллюстрации периодической печати конца XIX – начала XX вв. // Радловские чтения. 2006. – СПб.: МАЭ РАН, 2006. – С.171 – 176.
162. Протоколы заседаний Комиссии за 1903 год // Труды Оренбургской учёной архивной комиссии. – Оренбург: Типо-лит. И.И. Евфимовского-Мировицкого, 1905. – Вып. XIV. – С.133 – 199.
163. Пугаченкова Г.А. К проблеме архитектурной археологии в изучении зодчества Средней Азии // КСИА. – 1982. – Вып.172. – С.24 – 30.
164. Пугаченкова Г.А. Зодчество Центральной Азии. XV век: Ведущие тенденции и черты. – Ташкент: Изд-во литер. и искусства, 1976. – 116 с.
165. Пугаченкова Г.А. Мавзолей Араб-Ата: (Из истории архитектуры Мавераннахра IX – X вв.). – Ташкент, 1963. – 119 с.. (ИЗУ, Вып. II).
166. Пугаченкова Г.А. Архитектурный генезис мавзолея Саманидов // ОНУз. – 1962. – №2. – С.47 – 53.
167. Пугаченкова Г.А. Восточная миниатюра как источник по истории архитектуры XV – XVI вв. // Архитектурное наследие Узбекистана. – Ташкент, 1960. – С.111 – 161.
168. Пугаченкова Г.А. Сауранские башни // ТСАГУ. – 1954. – Вып. LVII. – С.161 – 167.
169. Резван Е.А. Зийара // Ислам: Энциклопедический словарь. – М., 1991. – С.77.
170. Ремпель Л.М. Мои современники (20-е – 80-е годы). – Ташкент: Изд-во литер.

- и искусства, 1992. – 424 с.
171. Ремпель Л.И. Каменный сосуд из Турткулт-Тепе // Художественная культура Средней Азии. IX – XIII века. – Ташкент: Изд-во литер. и искусства, 1983. – С.169 – 176.
172. Ремпель Л.И. Археологические памятники в дальних низовьях Таласа // ТИИАЭ АН КазССР. – 1956. – Т.1: Археология. – С.61 – 72.
173. Ремпель Л.И. Интересная археологическая находка в долине Таласа // ВАН КазССР. – 1953. – №4. – С.79 – 81;
174. Ремпель Л.И. Архитектура Хивы: Путевые заметки // Архитектура СССР. – 1936. – №9. – С.46 – 51.
175. Ремпель Л.И. Мавзолей Измаила Саманида // Академия архитектуры. – 1936. – №5. – С.82 – 84.
176. Ремпель Л.И. Архитектура ислама // Академия архитектуры. – 1935. – №3. – С.47 – 52.
177. Рысбергенова К.К. Историко-лингвистический анализ топонимов Южного Казахстана. – Алматы: Ғылым, 2000.– 153 с.
178. Сабитов Н. Мектебы и медресе у казахов: (Историко-педагогический очерк). – Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1950. – 43 с.
179. Самаркандские мечети: Альбом архитектурных рисунков и чертежей, Вып. I: Мечеть Гур-Эмир. – СПб., 1905.
180. Сборник источников, относящихся к истории Золотой Орды. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1941. – Т.2: Извлечения из персидских сочинений, собранных В.С. Тизенгаузеном и обработанных Н.А. Ромаскевичем и С.А. Волиным. – 310 с.
181. Свод памятников истории и культуры Казахстана. – Алма-Ата: Гл. ред. «Қазақ энциклопедиясы», 1994. – Т.1: Чимкентская область. – 368 с.
182. Северцов Н.А. Месяц плена у кокандцев. – СПб.: Кушелев – Безбородко, 1860. – 98 с.
183. Сенигова Т.Н. Культовые сооружения около мавзолея Ходжа Ахмеда Ясави // Археологические исследования в Отраре. – Алма-Ата: Наука, 1977. – С.42 – 52.
184. Смагулов Е.А. Мавзолей Абат-Байтак: Некоторые итоги археологического исследования // ИНАН РК.: Сер. общественных наук. – 2006. – №1 – С.126 – 135.
185. Смагулов Е.А. М.Е. Массон и археология Туркестана // Культурное наследие Средней Азии. – Ташкент, 2002. – С.237 – 241.
186. Смагулов Е.А. Михаил Евгеньевич Массон и археология Туркестана // Новости археологии. – 1991. – 1 (январь – июнь). – С.93 – 96.
187. Смагулов Е.А., Туякбаев М.К. Новое в ранней истории некрополя г.Туркестана // ИМНАН РК: Сер. общественных наук. – 1998. – №1. – С.18 – 25.

-
188. Смаилов Н. О Своде памятников истории и культуры народов СССР // Памятники истории и культуры Казахстана, – Алма-Ата: Казахстан, 1986. – Вып.2. – С.113 – 117.
189. Стародуб Т.Х. Эволюция типов средневековой исламской архитектуры: Автореферат дисс. ... д-ра искусствоведения. – М., 2006. – 45 с.
190. Стасов В.В. Фотографические и фототипические коллекции Императорской Публичной библиотеки. – СПб.: Типогр. В.С. Балашева, 1885. – 176 с.
191. Султанов Н. Памятники зодчества средних веков и магометанского Востока. Атлас. Пособие для изучения истории архитектуры. – СПб.: Журнал «Строитель», 1908. – СХІХ с.
192. Сытина Т.М. Архитектура // История европейского искусствознания: В 2-х тт. – М.: Наука, 1969. – С.48 – 75.
193. Тайжанов К., Исмаилов К. Хилват – суфийский обряд у узбеков Южного Казахстана (конец ХІХ – начало ХХ в.) // Всесоюзная сессия, посвящённая итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1976 – 1977 гг.: Тезисы докладов. – Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1978. – С.175 – 178.
194. Тайфун Атмажа. Библиографии [О Ходже Ахмеде Ясави] // Туркестанский пир Ходжа Ахмед Ясави и его мавзoley. – Анкара, [1999]. – С.99 – 113.
195. Трактат о Сайраме / Перевод с чагатайского, предисл. и примеч. Ж.М. Тулибаевой. – Астана: Изд-во Национального центра археологии и источниковедения, 2007. – 60 с.
196. Тримингэм Ож. С. Суфийские ордены в исламе. – М.: Наука, ГРВЛ, 1989. – 328 с.
197. Тулибаева Ж.М. Трактат о святых Мадинат ал-Байда и Испиджабе /// Вестник КазНУ: Сер. историческая. – 2003. – №3 (30). – С.8 – 16.
198. Тулибаева Ж.М. Неизвестный источник по истории Сайрама // Вестник КазНУ: Сер. востоковедения. – 2002. – №4 (21). – С.39 – 42.
199. Туякбаева Б., Проскурин А. Мировоззренческие основы функционально-планировочной структуры ханаки Ахмеда Ясави // Памятники истории и культуры Казахстана. – Алма-Ата: Казахстан, 1989. – Вып.4. – С.107 – 110.
200. Умняков И.И. Архитектурные памятники Средней Азии: Исследования. Ремонт. Реставрация. 192- – 1928 гг. – Ташкент: Правда Востока, 1929. – 40 с.
201. Умняков И.И. Охрана памятников старины и искусства в советском законодательстве Средней Азии // Известия комитета по делам музеев, охраны памятников старины, искусства и природы (Средазкомстарис). – Ташкент: Издание Средазкомстариса, 1926. – Вып.І. – С.43 – 54.
202. Формозов А.А. Страницы истории русской археологии. – М.: Наука, 1986. – 280 с.
203. Чабров Г.Н. Средняя Азия в литографии: (К 150-летию со дня изобретения
-

- литографии) // Звезда Востока. – 1946. – №6. – С.92 – 101.
204. Черкасов А. Поездка на развалины Отрара // ПТКЛД. – 1905. – Вып. VIII. – С.71 – 72.
205. Якубовский А.Ю. Развалины Ургенча. – Л.: ГАИМК, 1930. – 68 с., черт. (ИГАИМК, Т.2, Вып.6).
206. Якубовский А.Ю. Развалины Сыгнака // СГИИМК. – 1929. – Т.2. – С.123 – 159.
207. Ястребова Н.А. Пространственно-тектонические основы архитектурной образности. // Ритм, пространство и время в литературе и искусстве. – Л.: Наука, 1974. – С.220 – 229.
208. Architektural illustrations of the principal mahometan buildings of Beejapore: Executed under the direction of Bartle Frere esq. B.C.S., resident at Saattara, by capt. Philip D. Hart b.e. assisted by Alex. Camming, civil ingineer, and nanive drafismen . Edited by James Fergusson. – London: Cundall and Downes. – 83 sh.
209. Baitanayev B.A., Yolgin Yu. A. Islamic architecture on the territory of south Kazakhstan // Oriente Moderno: Nuova serie, anno XXVI (LXXXVII), I, 2007. Stadies of Central Asia. – P.36 – 52.
210. [Lehman A.]. Alexander Lehman's Reise nach Buchara und Samarkand in den Jahren 1841 und 1842. – St. Petersburg: Buchdruckerei der Keiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1852. – 351 s.
211. Schuyler E. Turkistan: Notes of a journey in Russian Turkestan, Khokand, Buchara and Kuldja: In two volumes. – New York: Scribner, Armstrong & Co, 1876. –Vol. I. – 411 p.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Памятники архитектуры Самарканда. Рис. А. Лемана. Из книги А. Лемана «Путешествие в Бухару и Самарканд в 1841 и 1842 годах».
2. Мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави. Рисунок из «Военного сборника». 1866 г.
3. Могила Кармакчи. Рис. на дереве А.Н. Писченков, гравёр Н. Кондем (по наброску Д.В. Вележева. 1866 г.). Из «Всемирной иллюстрации». 1870 г.
4. Базар в Туркестане. Рис. на дереве А.Н. Писчекова, гравёр Н. Кондем (по наброску Д.В. Вележева, 1866 г.). Из «Всемирной иллюстрации». 1870 г.
5. Развалины мавзолея Коркут-Ата. Фото из «Туркестанского альбома» 1871 г.
6. Развалины Саурана. Фото из «Туркестанского альбома». 1871 г.
7. Городище Сауран. Остатки башни. Фото А.П. Рассказова. 1981 г.
8. Городище Сауран. Остатки крепостной стены. Фото А.П. Рассказова. 1981 г.
9. Туркестан. Часть города «Базар-Баши». Фото из «Туркестанского альбома». 1871 г.
10. Туркестан. Часть города «Ходжалык». Фото из «Туркестанского альбома». 1871 г.
11. Мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави. Главный портал. Фото из «Туркестанского альбома». 1871 г.
12. Мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави. Ниша гурханы. Фото из «Туркестанского альбома». 1871 г.
13. Мавзолей Ходжа Ахмеда Ясави. Рис. на дереве А.Н. Писченкова, гравёр Н. Кондем (по наброску Д.В. Вележева, 1866 г.). Из «Всемирной иллюстрации». 1870 г.
14. Мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави. Фото из «Туркестанского альбома». 1871 г.
15. Мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави. Рис. Т. Тейлора. Из журнала «Нива». 1879 г.

16. Мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави. Почтовая открытка. С фотографии 1907 г.
17. Туркестан. Главная улица. Почтовая открытка. Нач. XX в.
18. Мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави. Почтовая открытка. Нач. XX в.
19. Мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави. Почтовые открытки. Нач. XX в.
20. Мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави. Рис. В.И. Лузан. 1946 г. Из книги Т.К. Басенова «Архитектурные памятники в районе Сам».
21. Мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави. Фото Л.И. Ремпеля. 1950 г.
22. Туркестан. Остатки фортификации второй пол. XIX в. Фото Л.И. Ремпеля. 1950 г.
23. Туркестан. Ворота кокандской крепости XIX в. Реконструкция. Фото А.П. Рассказова. 1981 г.
24. Туркестан. Угловая башня кокандской крепости XIX в. Реконструкция. Фото А.П. Рассказова. 1981 г.
25. Мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави. 1389 – 1399 гг. Главный портал. Фото А.П. Рассказова. 1981 г.
26. Мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави. 1389 – 1399 гг. Северный фасад. Фото А.П. Рассказова. 1981 г.
27. Мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави. 1389 – 1399 гг. Западный фасад. Фото А.П. Рассказова. 1981 г.
28. Мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави. 1389 – 1399 гг. Вид с северо-востока. Фото А.П. Рассказова. 1981 г.
29. Мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави. 1389 – 1399 гг. (на переднем плане восточная баня XIX в.). Фото А.П. Рассказова. 1981 г.
30. Туркестан. Восточная баня. XIX в. Фото А.П. Рассказова. 1981 г.
31. Чимкент. Вид на цитадель. Рис. В.В. Верещагина. Из книги Ю. Скайлера «Туркестан».
32. Чимкент. Вид на цитадель. Фото из «Туркестанского альбома». 1871г.
33. Чимкент. Мавзолей Кошкар-Ата. Вторая пол. XIX в. Фото из фондов ЮКОМ.
34. Чимкент. Мечеть Джамии. 1890—е гг. Общий вид. Фото 1950-х гг. (?), Из фондов ЮКОМ.
35. Чимкент. Мечеть Джамии. 1890-е гг. Главный фасад. Фото М.М. Мендикулова. 1950-е гг.
36. Чимкент. Мечеть Джамии. 1890-е гг. Михрабный зал. Фото 1950-х н. (?). Из фондов ЮКОМ.
37. Чимкент. Мечеть Джамии. 1890-е гг. Западный фасад. Фото А.П. Рассказова. 1981 г.
38. Шымкент. Мечеть Джамии. 1890-е гг. Дворовый фасад. Вид после реконструкции 1988 г. Фото Ю.А. Ёлгина. 1999 г.

-
39. Паломник из Чимкента. Фото 1920-х гг.(?). Из фондов ЮКОМ.
 40. Паломник из Сайрама. Фото 1920-х гг. (?). Из фондов ЮКОМ.
 41. Сайрам. Местность Базар-Капка. Фото из «Туркестанского альбома». 1871 г.
 42. Сайрам. Местность Бурибай-мазар. Фото из «Туркестанского альбома». 1871 г.
 43. Сайрам. Местность Сылык-мечеть. Фото из «Туркестанского альбома». 1871 г.
 44. Городище Сайрам. Фото 1940-х гг. Из фондов ЮКОМ.
 45. Сайрам. Джума-мечеть (Идрис-Пайгамбар), Нач. XX в. Фото 1920-х гг. (?). Из фондов ЮКОМ.
 46. Сайрам. Колонна из Джума-мечети. XI в. Фото 1920-х гг. (?). Из фондов ЮКОМ.
 47. Сайрам. Мавзолей Ибрагим-Ата. Вторая пол. XIX в. Фото 1950-х гг. Из фондов ЮКОМ.
 48. Сайрам. Мавзолей Ибрагим-Ата. Вторая пол. XIX в. Фото А.П. Рассказова. 1981 г.
 49. Сайрам. Мавзолей Ибрагим-Ата. Вторая пол. XIX в. Фото 1970-х гг. (?). Из фондов ЮКОМ.
 50. Сайрам. Мавзолей Карашаш-Ана. Сер. XIX в. Фото нач. 1980-х гг.
 51. Сайрам. Мавзолей Карашаш-Ана. Сер. XIX в. Фото Б.А. Байтанаева. 2013 г.
 52. Сайрам. Мавзолей Мир-Али-Баб. Главный фасад. Нач. XX в. Фото А.П. Рассказова. 1981 г.
 53. Сайрам. Мавзолей Мир-Али-Баб. Нач. XX в. Общий вид. Фото А.П. Рассказова. 1981 г.
 54. Сайрам. Мавзолей Кази-Байзави. Нач. XX в. Фото А.П. Рассказова. 1981 г.
 55. Сайрам. Мавзолей Абдель-Азиз-Баб. Вторая пол. XIX в. Общий вид. Фото 1950-х гг.(?). Из фондов ЮКОМ.
 56. Сайрам. Мавзолей Абдель-Азиз-Баб. Вторая пол. XIX в. Фото 1970-х гг. Из фондов ЮКОМ.
 57. Сайрам. Минарет мечети Хызыр. Вторая пол. XIX в. Фото 1940-х гг. Из фондов ЮКОМ.
 58. Сайрам. Минарет мечети Хызыр. Вторая пол. XIX в. Фото А.П. Рассказова. 1981 г.
 59. Сайрам. Мавзолей Ходжа-Салих. Вторая пол. XIX в. Фото до 1928 г. Из фондов ЮКОМ.
 60. Сайрам. Мавзолей Ходжа-Салих. Вторая пол. XIX в. Фото нач. 1980-х гг.
 61. Сайрам. Мавзолей Ходжа-Салих. Искажение первоначального облика памятника. Фото нач. 2000-х гг.
 62. Сайрам. Мавзолей Ходжа-Салих. Вторая пол. XIX в. Очередная «реставрация» здания. Фото конца 2000-х гг.
 63. Карабулак. Местность Дун-Тепе. Из «Туркестанского альбома». 1871 г.
-

64. Манкент. Местность Шарбаглык. Фото из «Туркестанского альбома». 1871.
65. Манкент. Местность Такшилык. Фото из «Туркестанского альбома». 1871 г.
66. Городище Отрар. Гончарная мастерская. XIV в. Фото А.П. Рассказова. 1981 г.
67. Городище Отрар. Жилой квартал XV – XVII вв. Фото А.П. Рассказова. 1981 г.
68. Когам. Мавзолей-мечеть Арыстан-Баб. 1900-е гг. Главный фасад. Фото А.П. Рассказова. 1981 г.
69. Когам. Мавзолей-мечеть Арыстан-Баб. 1900-е гг. Вид с юго-запада. Фото А.П. Рассказова. 1981 г.
70. Мавзолей-мечеть Арыстан-Баб. Фрагмент декора портала. Фото Ю.А. Ёлгина. 1984 г.
71. Болтаколь. Мечеть Икрама. Вторая пол. XIX в. Фрагмент юго-западного фасада. Фото А.П. Рассказова. 1981 г.
72. Болтаколь. Мечеть Икрама. Вторая пол. XIX в. Общий вид. Фото А.П. Рассказова. 1981 г.
73. Карнак. Мечеть Шамет-Ишан. XIX в. Айван. Фото А.П. Рассказова. 1981 г.
74. Карнак. Мечеть Шамет-Ишан. XIX в. Общий вид. Фото А.П. Рассказова. 1981 г.
75. Икан. Мавзолей Жунус-Ата. XIX – нач. XX вв. Фрагмент фасада. Фото А.П. Рассказова. 1981 г.
76. Икан. Мавзолей Жунус-Ата. XIX – нач. XX вв. Общий вид. Фото А.П. Рассказова. 1981 г.
77. Шобанак. Мавзолей Имам-Маркози. XIX в. Главный фасад. Фото А.П. Рассказова. 1981 г.
78. Шобанак. Мавзолей Имам-Маркози. XIX в. Боковой фасад. Фото А.П. Рассказова. 1981 г.
79. Шобанак. Минарет. XIX в. Фото А.П. Рассказова. 1981 г.
80. Мавзолей-мечеть Баба-Ата. Вторая пол. XIX в. Главный фасад. Фото А.П. Рассказова. 1981 г.
81. Мавзолей-мечеть Баба-Ата. Вторая пол. XIX в. Общий вид. Фото Б.А. Байтанаева. 1987 г.
82. Медресе Баба-Ата. Конец XIX – нач. XX вв. Фрагмент дворового фасада. Фото Б.А. Байтанаева. 1987 г.
83. Медресе Баба-Ата. Конец XIX – нач. XX вв. Фрагмент полуразрушенного наружного фасада. Фото Б.А. Байтанаева. 1987 г.
84. Медресе Баба-Ата. Конец XIX – нач. XX вв. Общий вид. Фото А.П. Рассказова. 1981 г.
85. Баба-Ата. Остатки портала мавзолея Дадхи. Вторая пол. XIX в. Фото

- Б.А. Байтанаева. 1987 г.
86. Сузак. Мечеть Ногай-Ишан. Нач. XX в. Главный фасад. Фото А.П. Рассказова. 1981 г.
 87. Сузак. Мечеть Ногай-Ишан. Нач. XX в. Вид с юго-востока. Фото А.П. Рассказова. 1981 г.
 88. Сузак. Мавзолей Кулак-Ата (?). XIX в. Рисунок 1946 г. Из книги Т.К. Басенова «Архитектурные памятники в районе Сам».
 89. Сузак. Мавзолей Кулак-Ата (?). XIX в. Фото 1946 г. Из книги Т.К. Басенова «Архитектурные памятники в районе Сам».
 90. Сузак. Мавзолей. XIX в. Фото 1946 г. Из книги Т.К. Басенова «Архитектурные памятники в районе Сам».
 91. Сузак. Мавзолей Азир-Ата. XIX в. Фото А.П. Рассказова. 1981 г.
 92. Сузак. Мавзолей Аже-Ата. XIX в. Фото А.П. Рассказова. 1981 г.
 93. Сузак. Мавзолей Казанши-Ата. XIX в. Общий вид. Фото А.П. Рассказова. 1981 г.
 94. Сузак. Мавзолей Казанши-Ата. XIX в. Фото А.П. Рассказова. 1981 г.
 95. Кумкент. Мавзолей Баба-Тукты-Шашты-Азиз. Конец XIX – нач. XX вв. Фото 1970-х гг. (?). Из фондов ЮКОМ.
 96. Кумкент Мавзолей Баба-Тукты-Шашты-Азиз. Конец XIX – нач. XX вв. Боковой фасад. Фото 1970-х гг. (?). Из фондов ЮКОМ.
 97. Тасты. Остатки мавзолея. XIX в. Фото А.П. Рассказова. 1981 г.
 98. Жуантобе. Руины мавзолея. XIX в. Фото А.П. Рассказова. 1981 г.
 99. Шаян. Мечеть-медресе Аппак-Ишан. Вторая пол. XIX – нач. XX вв. Общий вид мечети. Фото А.П. Рассказова. 1981 г.
 100. Шаян. Мечеть-медресе Аппак-Ишан. Вторая пол. XIX – нач. XX вв. Дарсхана. Фото А.П. Рассказова. 1981 г.
 101. Шаян. Мечеть-медресе Аппак-Ишан. Вторая пол. XIX – нач. XX вв. Айван мечети. Вид до реставрации. Фото А.П. Рассказова. 1981 г.
 102. Шаян. Мечеть-медресе Аппак-Ишан. Вторая пол. XIX – нач. XX вв. Западный фасад мечети. Фото А.П. Рассказова. 1981 г.
 103. Шаян. Мавзолей Безымянный. Конец XIX в. Фото А.П. Рассказова. 1981 г.
 104. Аккойлы. Мечеть Ишан-Базар. Конец XIX – нач. XX вв. Фото нач. 1980-х гг.
 105. Аккойлы. Мечеть Ишан-Базар. Конец XIX – нач. XX вв. Фрагмент подкупольных конструкций. Фото А.Н. Грищенко. 1981 г.
 106. Узунагаш. Мавзолей. XIX в. Фото А.П. Рассказова. 1981 г.
 107. Турбат. Культовый комплекс Исмаил-Ата. XV – XIX вв. Дарваза-хана. Фото А.П. Рассказова. 1981 г.
 108. Турбат. Культовый комплекс Исмаил-Ата. Чилля-хана. XV – XIX вв. Фото

-
- А.П. Рассказова. 1981 г.
109. Турбат. Культовый комплекс Исмаил-Ата. XV – XIX вв. Чилля-хана (справа) и мавзолеей Кошкар-Ата (слева). После реставрации. Фото нач. 2000-х гг. с сайта «Архитектурное наследие ЮКО».
110. Турбат. Культовый комплекс Исмаил-Ата. XV – XIX вв. Мавзолеей Жабраил-Ата. XIX в. Фото А.П. Рассказова. 1981 г.
111. Турбат. Культовый комплекс Исхак-Ата XV – XIX вв. Мавзолеей Исхак-Ата. Фото А.П. Рассказова. 1981 г.
112. Турбат. Культовый комплекс Исхак-Ата. XV – XIX вв. Мавзолеей Безымянный. Фото Б.А. Байтанаева. 1990 г.
113. Турбат. Мавзолеей Абдумалик Хазрат-мулла (учителя Исмаил-Ата) на холме Жазыктобе. Нач. XX в. Фото Б.А. Байтанаева 1990 г.
114. Шымкент. Мечеть Амалии-Салих. 1990-е гг. Фото Ю.А. Ёлгина. 1999 г.
115. Байдыбекский р-н. Мавзолеей Байдыбек-Ата. Нач. XX в. Фото А.П. Рассказова. 1981 г.
116. Мавзолеей Байдыбек-Ата. Современное здание. Фото с интернет-сайтов.
117. Байдыбекский р-н. Мавзолеей Домалак-Ана. Нач. XX в. Фото А.П. Рассказова. 1981 г.
118. Мавзолеей Домалак-Ана. Современное здание. Фото с интернет-сайтов.
- С.18. Туркестан. Вид на мавзолеей Ходжи Ахмеда Ясави. Литография «с тоном» по фотографии М.К. Приорова. 1866 г. Из книги П.И. Пашино «Туркестанский край в 1866 году!». 1868 г.
- С.21. Мавзолеей Ходжи Ахмеда Ясави. Вид с юга. Рис. В.В. Верещагина. 1867 г. Из книги Ю. Скайлера «Туркестан». 1876 г.
- С.42. Сауран. Минареты медресе Мир-и Араб. XVI в. («Сауранские башни»). Фото М.К. Приорова. 1866 г. Из «Туркестанского альбома». 1871 г.
- С.43. Заставка к главе шестой «Г. Туркестан» из книги П.И. Пашино «Туркестанский край в 1866 году». 1868 г. Рис. В. Крюкова, гравёр А. Даугель (по фотографиям М.К. Приорова. 1866 г.). В основе композиции две фотографии М.К. Приорова – «сауранских башен» и мавзолеей Ходжи Ахмеда Ясави.
- С.52. Туркестан. Мавзолеей Ходжи Ахмеда Ясави. Фото М.К. Приорова. 1866 г. Из «Туркестанского альбома!». 1871 г.
- С.53. Заставка к главе седьмой «От Туркестана до Чимкенда» из книги П.И. Пашино «Туркестанский край в 1866 году». Рис. В. Крюкова, гравёр А. Даугель (по рисунку Д.В. Вележева. 1866 г.). В композиции объединены рисунок местного
-

-
- народного типа и панорама Туркестана с мавзолеем Ходжи Ахмеда Ясави на заднем плане.
- С.62. Верещагин В.В. У дверей мечети. 1973 г.
- С.63. Мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави. Резные деревянные двери главного входа.
- С.68. Туркестан. Мавзолей Рабии Султан-Бегим. XV в. Фото М.К. Приорова. 1866 г. Из «Туркестанского альбома». 1871 г.
- С.69. Концовка главы седьмой из книги П.И. Пашино «Туркестанский край в 1866 году». 1868 г. Рис.В. Крюкова, гравёр А. Даугель (по фотографии М.К. Приорова. 1866 г.).
- С.105. Культурный комплекс Баба-Ата. VI – нач. XX вв. Общий вид. Фото А.Н. Грищенко. 1984 г.
- С.108. Чимкент. Вид на цитадель и город с восточной стороны. Литография «с тоном» по оригиналу Д.В. Вележева. 1866 г. Из книги П.И. Пашино «Туркестанский край в 1866 году». 1868 г.
- С.120. Чимкент. Вид на цитадель с западной стороны. Литография «с тоном» по оригиналу Д.В. Вележева. 1866 г. Из книги П.И. Пашино «Туркестанский край в 1866 году». 1868 г.
- С.132. Верещагин В.В. Нищенствующие монахи ордена Накшбенди у входа в мечеть в Туркестане. Ок. 1882 г.
- С.141. Мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави. Вид с севера. Рис. В.В. Верещагина (?). Из книги Ю. Скайлера «Туркестан».
- С.155. Сайрам. Мавзолей Ибрагим-Ата. Сер. XIX в. Фото Б.А. Байтанаева. 2013 г.
- С.181. Карабулак. Мост Джар-Копр. Фото из «Туркестанского альбома». 1871 г.
- С.221. Молитва в мечети Ходжи Ахрара. С почтовой открытки. После 1909 г.
- С.244. Турбат. Культурный комплекс Исмаил-Ата. XV- XIX вв. Мавзолей Исмаил-Ата. Фото А.П. Рассказова. 1981 г.
- С.245. Турбат. Мавзолей Исмаил-Ата. XV– XIX вв. После реставрации. Фото Б.А. Байтанаева. 1990 г.

LIST OF ILLUSTRATIONS

1. Monuments of Samarkand architecture. Picture of A. Lehmann. From the book of A. Lehmann «Journey to Bukhara and Samarkand in 1841 and 1842».
2. Mausoleum of Khoja Akhmed Yassawi. Picture from «Military Collection». 1866.
3. Grave of Karmakchi. Picture on wood by A.N. Pischenkov, engraver N. Kondem (on a sketch by D.V. Velezhev. 1866). From «The World Illustration». 1870.
4. Bazar in Turkestan. Picture on wood by A.N. Pischenkov, engraver N. Kondem (on a sketch by D.V. Velezhev. 1866). From «The World Illustration». 1870.
5. Ruins of Korkut-Ata mausoleum. Photo from «Turkestan Album». 1871.
6. Ruins of Sauran. Photo from «Turkestan Album». 1871.
7. Sauran settlement. Traces of tower. Photo by A.P. Rasskazov. 1981.
8. Sauran settlement. Traces of vallum. Photo by A.P. Rasskazov. 1981.
9. Turkestan. «Bazar-Bashi» quarter. Photo from «Turkestan Album». 1871.
10. Turkestan. «Khodzhalyk» quarter. Photo from «Turkestan Album». 1871.
11. Mausoleum of Khoja Akhmed Yassawi. Main entrance. Photo from «Turkestan Album». 1871.
12. Mausoleum of Khoja Akhmed Yassawi. Niche of gurkhana. Photo from «Turkestan Album». 1871.
13. Mausoleum of Khoja Akhmed Yassawi. Picture on wood by A.N. Pischenkov, engraver N. Kondem (on a sketch by D.V. Velezhev. 1866). From «The World Illustration». 1870.
14. Mausoleum of Khoja Akhmed Yassawi. Photo from «Turkestan Album». 1871.
15. Mausoleum of Khoja Akhmed Yassawi. Picture by T. Tailor. From «Niva» journal. 1879.
16. Mausoleum of Khoja Akhmed Yassawi. Postcard. From photo. 1907.

-
17. Turkestan. Main street. Postcard. Beginning of 20th century.
 18. Mausoleum of Khoja Akhmed Yassawi. Postcard. Beginning of 20th century.
 19. Mausoleum of Khoja Akhmed Yassawi. Postcards. Beginning of 20th century.
 20. Mausoleum of Khoja Akhmed Yassawi. Picture by V.I. Luzan. 1946. From the book of T.K. Basenov «Architectural monuments in the region of Sam».
 21. Mausoleum of Khoja Akhmed Yassawi. Photo by L.I. Rempel. 1950.
 22. Turkestan. Traces of fortification of the second half of 19th century. Photo by L.I. Rempel. 1950.
 23. Turkestan. Gateways of Kokand fortress of 19th century. Reconstruction. Photo by A.P. Rasskazov. 1981.
 24. Turkestan. Corner tower of Kokand fortress of 19th century. Reconstruction. Photo by A.P. Rasskazov. 1981.
 25. Mausoleum of Khoja Akhmed Yassawi. 1389 – 1399. Main entrance. Photo by A.P. Rasskazov. 1981.
 26. Mausoleum of Khoja Akhmed Yassawi. 1389 – 1399. North facade. Photo by A.P. Rasskazov. 1981.
 27. Mausoleum of Khoja Akhmed Yassawi. 1389 – 1399. West facade. Photo by A.P. Rasskazov. 1981.
 28. Mausoleum of Khoja Akhmed Yassawi. 1389 – 1399. View from north-east. Photo by A.P. Rasskazov. 1981.
 29. Mausoleum of Khoja Akhmed Yassawi. 1389 – 1399 (Oriental bath of 19th century to the fore). Photo by A.P. Rasskazov. 1981.
 30. Turkestan. Oriental bath. 19th century. Photo by A.P. Rasskazov. 1981.
 31. Chimkent. View on citadel. Picture by V.V. Vereshchagin. From the book of Eugene Schuyler «Turkestan».
 32. Chimkent. View on citadel. Photo from «Turkestan Album». 1871.
 33. Chimkent. Mausoleum of Koshkar-Ata. Second half of 19th century. Photo from the funds of SKOM.
 34. Chimkent. Jami mosque. 1890's. General view. Photo of 1950's (?) from the funds of SKOM.
 35. Chimkent. Jami mosque. 1890's. Front facade. Photo by M.M. Mendikulov. 1950's.
 36. Chimkent. Jami mosque. 1890's. Mikhrab hall. Photo of 1950's (?) from the funds of SKOM.
 37. Chimkent. Jami mosque. 1890's. West facade. Photo by A.P. Rasskazov. 1981.
 38. Chimkent. Jami mosque. 1890's. Yard facade. View after reconstruction of 1988. Photo by Yu.A. Yolgin. 1999.
-

-
39. Pilgrim from Chimkent. Photo of 1920's (?) from the funds of SKOM.
 40. Pilgrim from Sairam. Photo of 1920's (?) from the funds of SKOM.
 41. Sairam. Bazar-Kapka location. Photo from «Turkestan Album». 1871.
 42. Sairam. Buribai-mazar location. Photo from «Turkestan Album». 1871.
 43. Sairam. Sylyk-mosque location. Photo from «Turkestan Album». 1871.
 44. Sairam settlement. Photo of 1940's from the funds of SKOM.
 45. Sairam. Juma-mosque (Idris-Paigambar). Beginning of 20th century. Photo of 1920's (?) from the funds of SKOM.
 46. Sairam. Column from Juma-mosque. 11th century. Photo of 1920's (?) from the funds of SKOM.
 47. Sairam. Mausoleum of Ibragim-Ata. Second half of 19th century. Photo of 1950's (?) from the funds of SKOM.
 48. Sairam. Mausoleum of Ibragim-Ata. Second half of 19th century. Photo by A.P. Rasskazov. 1981.
 49. Sairam. Mausoleum of Ibragim-Ata. Second half of 19th century. Photo of 1970's (?) from the funds of SKOM.
 50. Sairam. Mausoleum of Karashash-Ana. Series of 19th century. Photo of the beginning of 1980's.
 51. Sairam. Mausoleum of Karashash-Ana. Series of 19th century. Photo by B.A. Baitanayev. 2013.
 52. Sairam. Mausoleum of Mir-Ali-Bab. Front facade. Beginning of 20th century. Photo by A.P. Rasskazov. 1981.
 53. Sairam. Mausoleum of Mir-Ali-Bab. General view. Beginning of 20th century. Photo by A.P. Rasskazov. 1981.
 54. Sairam. Mausoleum of Kazi-Baizavi. Beginning of 20th century. Photo by A.P. Rasskazov. 1981.
 55. Sairam. Mausoleum of Abdel-Aziz-Bab. Second half of 19th century. General view. Photo of 1950's (?) from the funds of SKOM.
 56. Sairam. Mausoleum of Abdel-Aziz-Bab. Second half of 19th century. Photo of 1970's from the funds of SKOM.
 57. Sairam. Minaret of Khyzyr mosque. Second half of 19th century. Photo of 1940's from the funds of SKOM.
 58. Sairam. Minaret of Khyzyr mosque. Second half of 19th century. Photo by A.P. Rasskazov. 1981.
 59. Sairam. Mausoleum of Khoja-Salikh. Second half of 19th century. Photo of before 1928 from the funds of SKOM.
-

-
60. Sairam. Mausoleum of Khoja-Salikh. Second half of 19th century. Photo of the beginning of 1980's.
 61. Sairam. Mausoleum of Khoja-Salikh. Distortion of the monument's initial appearance. Photo of the beginning of 2000's.
 62. Sairam. Mausoleum of Khoja-Salikh. Second half of 19th century. Regular «restoration» of the building. Photo of the end of 2000's.
 63. Karabulak. Dun-Tepe location. Photo from «Turkestan Album». 1871.
 64. Mankent. Sharbaglyk location. Photo from «Turkestan Album». 1871.
 65. Mankent. Takshilyk location. Photo from «Turkestan Album». 1871.
 66. Otrar settlement. Pottery. 19th century. Photo by A.P. Rasskazov. 1981.
 67. Otrar settlement. Residential district of 15th – 17th centuries. Photo by A.P. Rasskazov. 1981.
 68. Kogam. Mausoleum-mosque of Arystan-Bab. 1900's. Front facade. Photo by A.P. Rasskazov. 1981.
 69. Kogam. Mausoleum-mosque of Arystan-Bab. 1900's. View from south-west. Photo by A.P. Rasskazov. 1981.
 70. Mausoleum-mosque of Arystan-Bab. Décor fragment of portal. Photo by Yu. A. Yolgin. 1984.
 71. Boltakol. Ikram mosque. Second half of 19th century. Fragment of south-west facade. Photo by A.P. Rasskazov. 1981.
 72. Boltakol. Ikram mosque. Second half of 19th century. General view. Photo by A.P. Rasskazov. 1981.
 73. Karnak. Shamet-Ishan mosque. 19th century. Iwan. Photo by A.P. Rasskazov. 1981.
 74. Karnak. Shamet-Ishan mosque. 19th century. General view. Photo by A.P. Rasskazov. 1981.
 75. Ikan. Mausoleum of Zhunus-Ata. 19th – beginning of 20th century. Fragment of facade. Photo by A.P. Rasskazov. 1981.
 76. Ikan. Mausoleum of Zhunus-Ata. 19th – beginning of 20th century. General view. Photo by A.P. Rasskazov. 1981.
 77. Shobanak. Mausoleum of Imam-Markozi. 19th century. Front facade. Photo by A.P. Rasskazov. 1981.
 78. Shobanak. Mausoleum of Imam-Markozi. 19th century. Flank facade. Photo by A.P. Rasskazov. 1981.
 79. Shobanak. Minaret. 19th century. Photo by A.P. Rasskazov. 1981.
 80. Baba-Ata mausoleum-mosque. Second half of 19th century. Front facade. Photo by A.P. Rasskazov. 1981.
-

-
81. Baba-Ata mausoleum-mosque. Second half of 19th century. General view. Photo by B.A. Baitanayev. 1987.
 82. Baba-Ata medrese. End of 19th – beginning of 20th centuries. Fragment of yard facade. Photo by B.A. Baitanayev. 1987.
 83. Baba-Ata medrese. End of 19th – beginning of 20th centuries. Fragment of dilapidated outer facade. Photo by B.A. Baitanayev. 1987.
 84. Baba-Ata medrese. End of 19th – beginning of 20th centuries. General view. Photo by A.P. Rasskazov. 1981.
 85. Baba-Ata. Traces of Dadkhi mausoleum entrance. Second half of 19th century. Photo by B.A. Baitanayev. 1987.
 86. Suzak. Nogai-Ishan mosque. Beginning of 20th century. Front facade. Photo by A.P. Rasskazov. 1981.
 87. Suzak. Nogai-Ishan mosque. Beginning of 20th century. View from south-east. Photo by A.P. Rasskazov. 1981.
 88. Suzak. Mausoleum of Kulak-Ata (?). 19th century. Picture of 1946. From the book of T.K. Basenov «Architectural monuments in the region of Sam».
 89. Suzak. Mausoleum of Kulak-Ata (?). 19th century. Photo of 1946. From the book of T.K. Basenov «Architectural monuments in the region of Sam».
 90. Suzak. Mausoleum. 19th century. Photo of 1946. From the book of T.K. Basenov «Architectural monuments in the region of Sam».
 91. Suzak. Mausoleum of Azir-Ata. 19th century. Photo by A.P. Rasskazov. 1981.
 92. Suzak. Mausoleum of Azhe-Ata. 19th century. Photo by A.P. Rasskazov. 1981.
 93. Suzak. Mausoleum of Kazanshi-Ata. 19th century. General view. Photo by A.P. Rasskazov. 1981.
 94. Suzak. Mausoleum of Kazanshi-Ata. 19th century. Photo by A.P. Rasskazov. 1981.
 95. Kumkent. Mausoleum of Baba-Tukty-Shashty-Aziz. End of 19th – beginning of 20th centuries. Photo of 1970's (?) from the funds of SKOM.
 96. Kumkent. Mausoleum of Baba-Tukty-Shashty-Aziz. End of 19th – beginning of 20th centuries. Flank facade. Photo of 1970's (?) from the funds of SKOM.
 97. Tasty. Traces of mausoleum. 19th century. Photo by A.P. Rasskazov. 1981.
 98. Zhuantobe. Ruins of mausoleum. 19th century. Photo by A.P. Rasskazov. 1981.
 99. Shayan. Appak-Ishan mosque-medrese. Second half of 19th – beginning of 20th centuries. General view of the mosque. Photo by A.P. Rasskazov. 1981.
 100. Shayan. Appak-Ishan mosque-medrese. Second half of 19th – beginning of 20th centuries. Darskhana. Photo by A.P. Rasskazov. 1981.
 101. Shayan. Appak-Ishan mosque-medrese. Second half of 19th – beginning of 20th
-

-
- centuries. Iwan of the mosque. View before restoration. Photo by A.P. Rasskazov. 1981.
102. Shayan. Appak-Ishan mosque-medrese. Second half of 19th – beginning of 20th centuries. West facade of the mosque. Photo by A.P. Rasskazov. 1981.
 103. Shayan. Bezymyanniy (nameless) mausoleum. End of 19th century. Photo by A.P. Rasskazov. 1981.
 104. Akkoily. Ishan-Bazar mosque. End of 19th – beginning of 20th centuries. Photo of the beginning of 1980's.
 105. Akkoily. Ishan-Bazar mosque. End of 19th – beginning of 20th centuries. Fragment of dome constructions. Photo by A.N. Grishchenko. 1981.
 106. Uzunagash. Mausoleum. 19th century. Photo by A.P. Rasskazov. 1981.
 107. Turbat. Ismail-Ata cult complex. 15th – 19th centuries. Darvaza-khana. Photo by A.P. Rasskazov. 1981.
 108. Turbat. Ismail-Ata cult complex. Chillya-khana. 15th – 19th centuries. Photo by A.P. Rasskazov. 1981.
 109. Turbat. Ismail-Ata cult complex. 15th – 19th centuries. Chillya-khana (to the right) and mausoleum of Koshkar-Ata (to the left). After restoration. Photo of the beginning of 2000's from «Architectural heritage of SKO» site.
 110. Turbat. Ismail-Ata cult complex. 15th – 19th centuries. Mausoleum of Zhabrail-Ata. 19th century. Photo by A.P. Rasskazov. 1981.
 111. Turbat. Iskhak-Ata cult complex. 15th – 19th centuries. Mausoleum of Iskhak-Ata. Photo by A.P. Rasskazov. 1981.
 112. Turbat. Iskhak-Ata cult complex. 15th – 19th centuries. Bezymyanniy (nameless) mausoleum. Photo by B.A. Baitanayev. 1990.
 113. Turbat. Mausoleum of Abdumalik Khazrat-mulla (teacher of Ismail-Ata) on Zhazyktobe hill. Beginning of 20th century. Photo by B.A. Baitanayev. 1990.
 114. Shymkent. Amaliya-Salikh mosque. 1990's. Photo by Yu.A. Yolgin. 1999.
 115. Baidybek district. Mausoleum of Baidybek-Ata. Beginning of 20th century. Photo by A.P. Rasskazov. 1981.
 116. Mausoleum of Baidybek-Ata. New building. Photo from Internet-sites.
 117. Baidybek district. Mausoleum of Domalak-Ana. Beginning of 20th century. Photo by A.P. Rasskazov. 1981.
 118. Mausoleum of Domalak-Ana. New building. Photo from Internet-sites.
- P.18. Turkestan. Khoja Akhmed Yassawi mausoleum view. Lithography «with tone» by M.K. Priorov's photo. 1866. From the book of P.I. Pashino «Turkestan region in
-

-
- 1866». 1868.
- P.21. Mausoleum of Khoja Akhmed Yassawi. View from south. Picture by V.V. Vereshchagin. 1867. From the book of Eugene Schuyler «Turkestan». 1876.
- P.42. Sauran. Minarets of Mir-i Arab medrese. 16th century («Sauran towers»). Photo by M.K. Priorov. 1866. From «Turkestan Album». 1871.
- P.43. Headpiece to the 6th chapter «City of Turkestan» from the book of P.I. Pashino «Turkestan region in 1866». 1868. Picture by V. Kryukov, engraver A. Daugel (on the photos by M.K. Priorov. 1866). Two photos of M.K. Priorov – «Sauran towers» and mausoleum of Khoja Akhmed Yassawi – are in the base of composition.
- P.52. Turkestan. Mausoleum of Khoja Akhmed Yassawi. Photo by M.K. Priorov. 1866. Photo from «Turkestan Album». 1871.
- P.53. Headpiece to the 7th chapter «From Turkestan to Chimkend» from the book of P.I. Pashino «Turkestan region in 1866». Picture by V. Kryukov, engraver A. Daugel (on the picture by D.V. Velezhev. 1866). The composition combines picture of local national type and view of Turkestan with mausoleum of Khoja Akhmed Yassawi in the background.
- P.62. V.V. Vereshchagin. By the doors of mosque. 1973.
- P.63. Mausoleum of Khoja Akhmed Yassawi. Carved wooden doors of the main entrance.
- P.68. Turkestan. Mausoleum of Rabiya Sultan-Begim. 15th century. Photo by M.K. Priorov. 1866. Photo from «Turkestan Album». 1871.
- P.69. End-piece to the 7th chapter from the book of P.I. Pashino «Turkestan region in 1866». 1866. Picture by V. Kryukov, engraver A. Daugel (on the photo by M.K. Priorov. 1866).
- P.105. Baba-Ata cult complex. 6th – beginning of 20th centuries. General view. Photo by A.N. Grishchenko. 1984.
- P.108. Chimkent. View on citadel and city from east side. Lithography «with tone» by original of D.V. Velezhev. 1866. From the book of P.I. Pashino «Turkestan region in 1866». 1868.
- P.120. Chimkent. View on citadel from west side. Lithography «with tone» by original of D.V. Velezhev. 1866. From the book of P.I. Pashino «Turkestan region in 1866». 1868.
- P.132. V.V. Vereshchagin. Mendicants of Nakshbendi Order at the entrance of mosque in Turkestan. About 1882.
- P.141. Mausoleum of Khoja Akhmed Yassawi. View from north. Picture by V.V. Vereshchagin. (?). From the book of Eugene Schuyler «Turkestan».
- P.155. Sairam. Mausoleum of Ibragim-Ata. Series of 19th century. Photo by B.A.
-

-
- Baitanayev. 2013.
- P.181. Karabulak. Dzhar-Kopr bridge. Photo from «Turkestan Album». 1871.
- P.221. Prayer in Khoja Akhrar mosque. From a postcard. After 1909.
- P.244. Turbat. Ismail-Ata cult complex. 15th – 19th centuries. Mausoleum of Ismail-Ata. Photo by A.P. Rasskazov. 1981.
- P.245. Turbat. Ismail-Ata cult complex. 15th – 19th centuries. After restoration. Photo by B.A. Baitanayev. 1990.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН	Архитектурное наследство. М.
АСУ	Архитектура и строилельство Узбекистана. Ташкент.
ВАН	Вестник Академии наук Казахской ССР. Алма-Ата.
ГРВЛ	Главная редакция восточной литературы издательства «Наука». М.
ДИ	Декоративное искусство СССР. М.
ИАН	Известия Академии наук Казахской ССР. Алма-Ата.
ИГАИИМК	Известия Государственной Академии истории материальной культуры. Л.
ИИРГО	Известия Императорского Русского географического общества. СПб.
ИМКУ	История материальной культуры Узбекистана. Ташкент.
ИМННАНРК	Известия Министерства науки – Национальной Академии наук Республики Казахстан. Алматы.
ИМОНАНРК	Известия Министерства образования и науки – Известия Министерства образования и науки – Национальной Академии наук Республики Казахстан. Алматы.
ИНАНРК	Известия Национальной Академии наук Республики Казахстан. Алматы.
ИРКИСИВА	Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях. СПб.
КазООПИиК	Казахское Общество охраны памятников истории и культуры.
КСИА	Краткие сообщения Института археологии. М.
МАЭРАН	Музей антропологии и этнографии Российской Академии наук.

ОНУз.	Общественные науки в Узбекистане. Ташкент.
ПТКЛА	Протоколы заседаний и сообщения Туркестанского кружка любителей археологии. Ташкент.
РА	Российская археология. М.
СА.	Советская археология. М.
СГИИМК	Сообщения Государственного Института истории материальной культуры. Л.
ТВ	Туркестанские Ведомости. Ташкент.
ТИИАЭАН	Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР. Алма-Ата.
ТОВГЭ	Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа. Л.
ТСАГУ	Труды Среднеазиатского Государственного университета. Ташкент.
ТСАИАИ	Труды Секции археологии Института археологии и искусствоведения. М.
ЦГА РУз.	Центральный Государственный архив Республики Узбекистан.
ЦГРМ	Центральные Государственные реставрационные мастерские.
ЭО	Этнографическое обозрение. М.
ЮКОМ	Южно-Казахстанский областной историко-краеведческий музей.

LIST OF ABBREVIATIONS

ABUz.	Architecture and building industry of Uzbekistan. Tashkent.
AH	Architectural heritage. M.
CSA RUz.	Central State archive of the Republic of Uzbekistan.
CSRW	Central State restoration workshops.
DA	USSR Decorative Art. M.
ER	Ethnographical review. M.
HAS	Herald of the Academy of Science of Kazakh SSR. Alma-Ata.
HMCUz.	History of Material Culture of Uzbekistan. Tashkent.
KazNTH&C	Kazakh National trust of history and culture.
MAERAS	Museum of anthropology and ethnography of Russian Academy of Science.
MOOL	Main office of Oriental literature of "Nauka" publishers. M.
MSIHMC	Messages of State Institute of history of material culture. L.
MTGAA	Minutes of meetings and messages of Turkestan group of archeology's amateurs. Tashkent.
PAS	Proceedings of Kazakh SSR Academy of Science. Alma-Ata.
PASIAAH	Proceedings of Archeological section of the Institute of archeology and art history. M.
PCASU	Proceedings of the Central Asian State university. Tashkent.
PEDSH	Proceedings of the Eastern Department of State Hermitage. L.
PIA	Paragraphs of the Institute of Archeology. M.
PIHAEAS	Proceedings of the Institute of history, archeology and ethnography of the Academy of Science of Kazakh SSR. Alma-Ata.

PIRGS	Proceedings of Imperial Russian geographical society. St. Petersburg.
PMESNASRK	Proceedings of the Ministry of Education and Science – National Academy of Science of the Republic of Kazakhstan. Almaty.
PMSASRK	Proceedings of the Ministry of Science – National Academy of Science of the Republic of Kazakhstan. Almaty.
PNASRK	Proceedings of National Academy of Science of the Republic of Kazakhstan. Almaty.
PRCSCEA	Proceedings of Russian committee for study of Central and Eastern Asia in historical, archeological, linguistic and ethnographical relations. St. Petersburg.
PSAHMC	Proceedings of State Academy of history of material culture. L.
RA	Russian archeology. M.
SA	Soviet archeology. M.
SKOM	South Kazakhstan oblast historical museum.
SSUz	Social sciences in Uzbekistan. Tashkent.
TB	Turkestan Bulletin. Tashkent.

БАЙТАНАЕВ БАУРЖАН АБИШЕВИЧ

*Генеральный директор
Института археологии им. А.Х. Маргулана
Член-корреспондент НАН РК
Доктор исторических наук*
050010, г. Алматы, ул. Шевченко, 28.
Тел.: 8 (727) 272 13 25, 8 (727) 272 06 87,
(8 727) 272 06 89
E-mail: baytanaev@mail.ru

ЁЛГИН ЮРИЙ АНДРЕЕВИЧ

*Научный сотрудник
Научно-исследовательский институт «Археологические исследования»
при ЮКГУ им. М.О. Ауезова*
160008, г. Шымкент, ул. Уалиханова, 213в.
Тел.: 8 (7252) 57-47-21,
+7 (777) 654-03-98
E-mail: edmitriy@mail.kz

**Культовая архитектура Южного Казахстана:
Архитектурно-археологические исследования памятников
позднего ислама**

Научное издание

Алматы, 2013

Ответственный редактор — Байпаков К.М.
Компьютерная верстка и дизайн — Ёлгин Д.Ю.
Корректор — Быкова О.А.

ISBN 978-601-7312-22-0

Сдано в набор 15.09.2013 г. подписано в печать 30.10.2013 г.
Формат 84x108 ¹/₁₆. Печать офсетная. Бумага офсетная.
Уч. печ. листов 31,71. Гарнитура «DS Svetlana».
Тираж 300 экз.

Отпечатано в ТОО «ХИКАРИ»
e-mail: info@hikari-ro.kz